

Декоративное
искусство
Дагестана

Декоративное
искусство
Дагестана

L'Art
décoratif
du Daguestan

Daghestan
decorative
art

Декоративное
искусство
Дагестана

L'Art
décoratif
du Daguestan

Daghestan
decorative
art

Декоративное
искусство
Дагестана

Автор-составитель
Д. Чирков
Введение
Расула Гамзатова

Издательство
«Советский
художник»

Москва
1971

L'Art
décoratif
du Daguestan

Texte et choix
de planches
de D. Tchirkov
Avant-propos
de Rassoul Gamzatov

Les Edition
«Sovietski
Khoudojnik»

Moscou
1971

Daghestan
decorative
art

Album compiled
by D. Chirkov
Introduction
by Rasul Gamzatov

«Sovietsky
Khudozhnik»
Publishers'

Moscow
1971

Введение

Говорят, что маленькие народы моего высокогорного края не имели своей письменности, а отсюда и не имели своей высокой поэзии. А вы присмотритесь внимательней к балхарскому кувшину — и прочтете стихи, и какие стихи!

Avant-propos

On dit que les petits peuples de ma contrée de hautes montagnes ignoraient l'écriture et ne possédaient donc pas de grande poésie. Mais regardez attentivement une jarre de Balkhar, et vous y lirez de la poésie, et quelle poésie!

Introduction

It is said that the minor nations in my homeland had no written language, and hence no high poetry either. But should you look closer at the Balkhar jar—and you will read the verse, and what a magnificent verse:

Самые прекрасные кувшины
Делаются из обычной глины,
Так же, как прекрасный стих
Состоит из слов простых.

Ces jarres si belles et fragiles
Sont faites de la plus simple argile,
Tout comme le plus beau des vers
Est fait de mots fort ordinaires.

As the finest jars of pottery
Are made of the most common clays,
So the finest verses of poetry
Are composed of the simplest words' arrays.

Говорят, что у моего народа не было ни одной своей записанной мелодии. А вы присмотритесь к изделиям унцукульцев — и услышите настоящую аварскую серебряную мелодию.

Говорят, что у моего народа не было изобразительного искусства. Но все цвета живописных полотен вы найдете в серебряных браслетах, серьгах, поясах, украшенных разноцветными камнями.

Да, у моего народа не было так называемого профессионального искусства. Но у него есть свое народное искусство, со своими приемами и законами, которые создавались не школами и академиями, а тысячелетней художественной практикой. Горец может показать, как держать резец, как делать филигрань, но навряд ли он расскажет вам, почему именно так орнаментировал то или иное изделие.

On dit que mon peuple n'avait pas la moindre mélodie écrite sur papier. Mais regardez attentivement les objets fabriqués par les Ountsoukouliens, et vous entendrez une véritable mélodie d'argent écrite par les Avars.

On dit que mon peuple n'avait pas d'arts plastiques. Mais vous trouverez toutes les couleurs des tableaux dans les brasselets, les boucles d'oreilles, les ceintures d'argent assertis de pierres multicolores.

Oui, mon peuple ignorait l'art qu'on appelle professionnel. Mais il possédait son propre art populaire, avec ses propres méthodes et ses propres règles, un art créé non par des écoles et des académies, mais par mille ans de recherche pratique. Les montagnards peuvent vous montrer comment tenir un burin, comment faire un filigrane, mais ils ne sauront sans doute pas vous dire pourquoi ils ont choisi ce dessin-ci ou de dessin-là pour décorer leur œuvre.

It is said that my people had not a single recorded melody. But should you look at the Untsukulians' manufacture—and you will hear the genuine Avar silvery melody.

It is said that my people had no fine arts. But all the colours of painted canvases may be found in our silver bracelets, ear-rings, belts studded with precious stones.

True, my people did not know the so-called professional art. But it had an art of its own, folk art, with its own laws and techniques which derived not from schools or academies but from millennial artistic practices. A highlander can show how to handle the cutter, how to make filigree but he is not likely to tell you why he ornamented this or that article in this particular manner.

Тайну кубачинского искусства
Не ищите в нитках серебра,
Носят тайну этого искусства
В сердце кубачинцы-мастера.

Ne cherchez pas dans les fils d'argent
Les secrets de l'art de Koubatchi,
Ces secrets vous les trouverez dans
Les cœurs des artisans de Koubatchi.

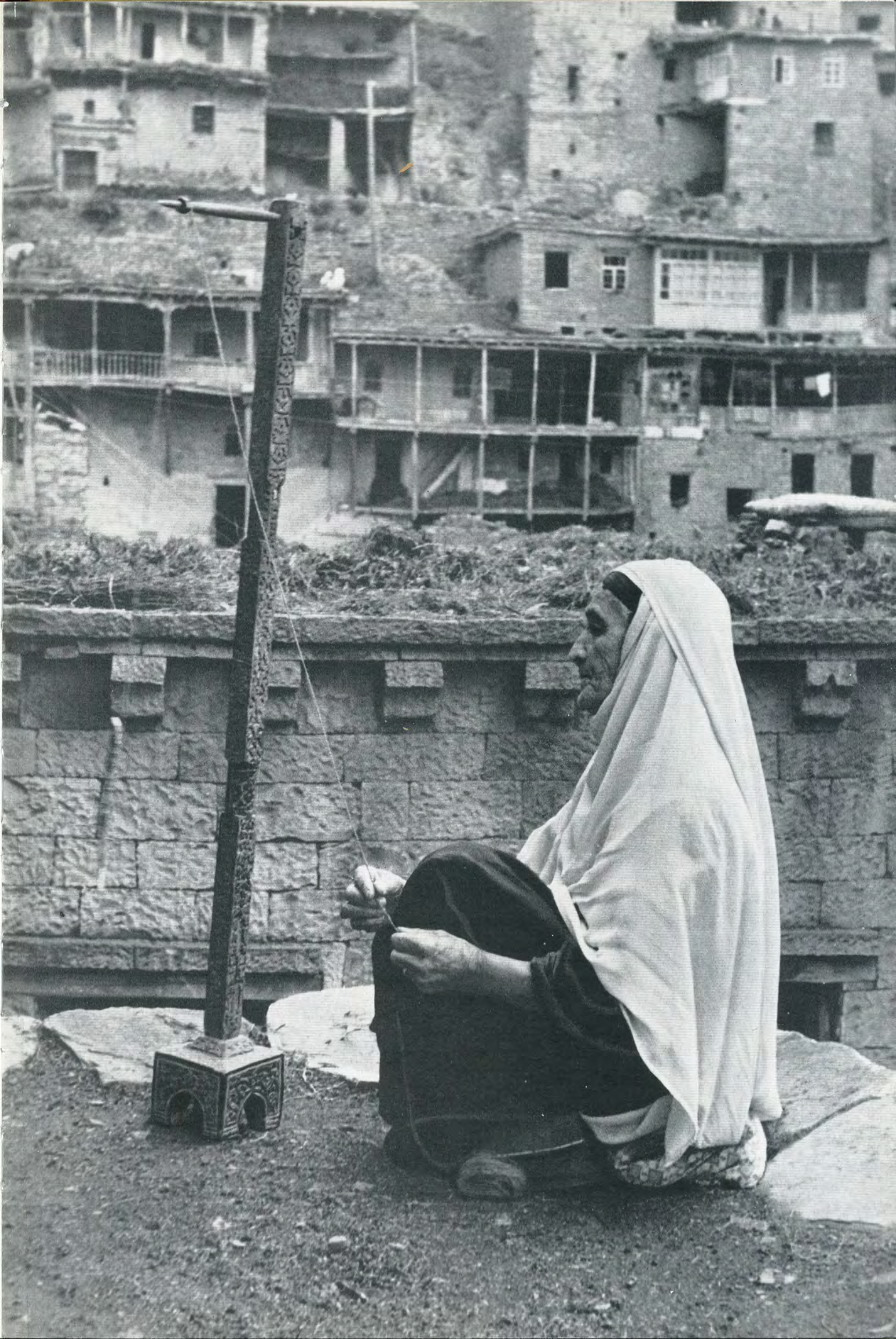
Seek the mystery of Kubachi art
Not in silver thread or fine horn.
Nay, the mystery of it is borne
In the master's fast-beating heart.

Много веков назад кубачинцы, не обнажив клинка, сумели покорить свирепое сердце Надир-шаха, и сверкающая красотой сабля кубачинской работы заставила повернуть назад иранские орды. Иван Грозный посылал в Кубачи своих опричников, чтобы они обменяли золотые слитки на „ружья о двух кремнях“ работы горских мастеров.

Il y a de cela beaucoup de siècles, les Koubatchiens sûrent, sans dégainer, conquérir le cœur féroce de Nadir-chah: la vue d'un sabre éclatant de beauté fait à Koubatchi fit rebrousser chemin aux hordes iraniennes. Ivan le Terrible expédia à Koubatchi ses «opritchniks» pour qu'ils échan- gent des lingots d'or contre des «fusils à deux silex» fabriqués par les montagnards.

Many a century ago Kubachinians, never drawing out a sword, captivated Nadir-shah's frenzy heart when a Kubachi-made sabre, radiant with beauty and glamour, made the Persian hordes set on the way back. Ivan the Terrible sent down to Kubachi his henchmen to trade off for gold bullions "guns of double flints" made by the master-highlanders.

Вот как давно пришла слава искусных мастеров в Дагестан. И это неудивительно. Все вокруг себя горец украшает, украшает. И камень, и дерево, и серебро, и чугун, а о кубачинце у нас говорят, что он даже косит орнаментально.

Если вы попросите семилетнего горского мальчика нарисовать дом, он его нарисует так же, как и любой другой семилетний ребенок. Но если вы его же попросите положить орнамент на блюдо или кувшин, то его работа может поспорить с рисунком профессионального художника-декоратора. Почему? Просто потому, что он — горец! Просто потому, что учили его этому искусству тысячу и семь лет! Потому, что в нем живет поэт, композитор, художник.

Расул Гамзатов

Vous voyez que la gloire des célèbres artisans du Daguestan date d'il y a longtemps. Le montagnard ne peut s'empêcher de décorer, d'embellir tout ce qui l'entoure: la pierre, le bois, l'argent, la fonte. Quant aux Koubatchiens, on dit chez nous qu'ils fauchent même décorativement.

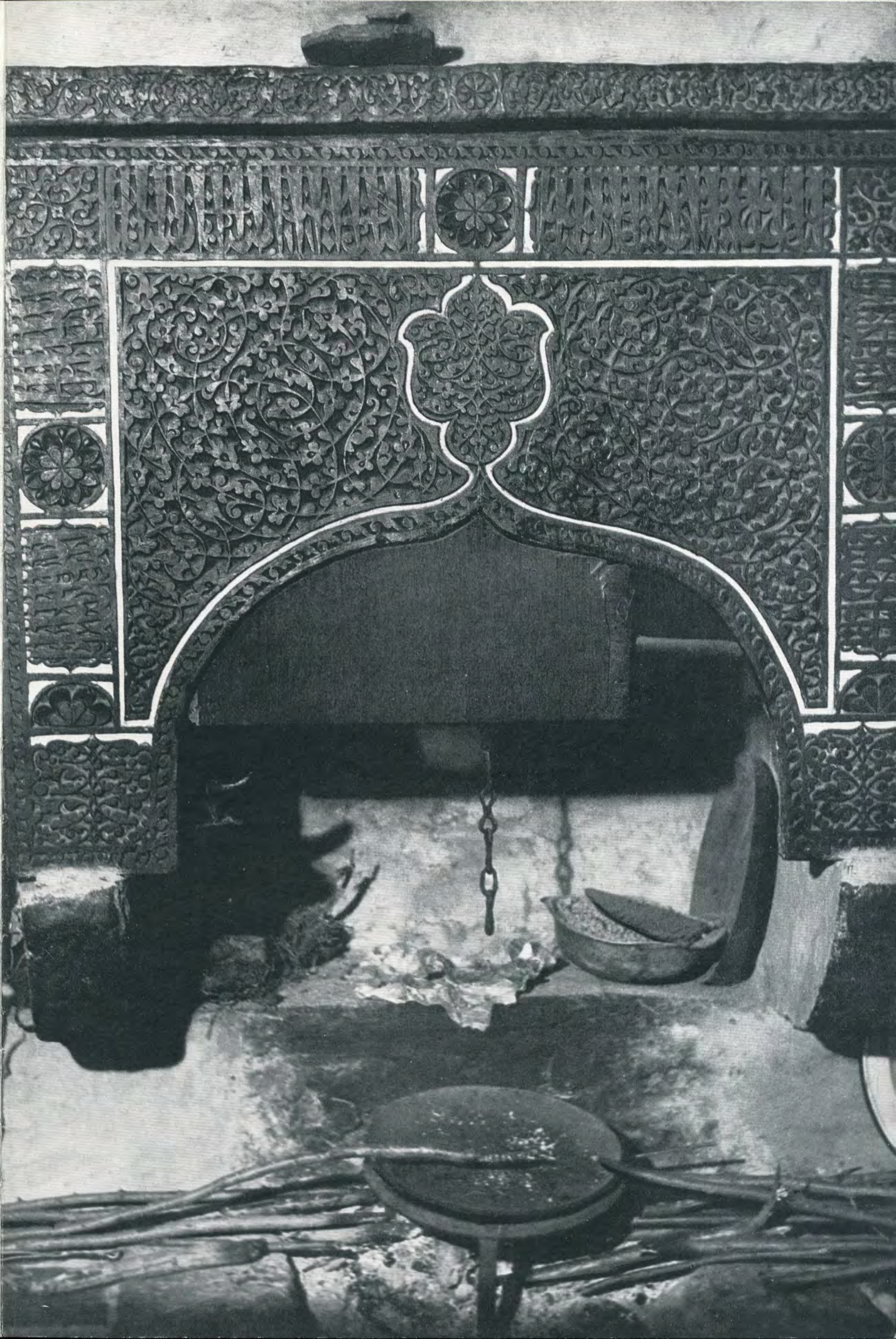
Si vous demandez à un petit montagnard de sept ans de vous dessiner une maison, il vous la dessinera comme n'importe quel autre garçon de son âge. Mais si vous lui demandez d'orner un plat ou une jarre, son dessin pourra rivaliser avec celui d'un décorateur professionnel. Pourquoi? Mais tout simplement parce qu'il est un montagnard! Tout simplement parce que cet art lui a été enseigné pendant mille et sept ans! Parce qu'il y a en lui un poète, un compositeur, un artiste.

Rassoul Gamzatov

This is just how long ago the fame of artful masters came to Daghestan. And this is none too surprising. A highlander makes a habit of ornamenting and adorning all around him, whether stone, or tree, or silver, or cast-iron, and it is even said about Kubachinians that they have an ornamental way of scything.

If you ask a highlander-boy seven years old to sketch a house he will do it just like any other seven-year child. But if you ask him to apply an ornament onto a dish or jar then his work can compete with the sketch made by a professional decoration-designer. Why? Simply because he is a highlander! Simply because he learned to know this art for a thousand and seven years! And because a poet, composer and artist is ever alive in him.

Rasul Gamzatov

Карта
художественных
промыслов
Дагестана

Принятые
обозначения

- 1 Керамика
- 2 Резной камень
- 3 Оружие
- 4 Серебряные
 украшения
- 5 Ковка
- 6 Медночеканная
 посуда
- 7 Литье
- 8 Резное дерево
- 9 Вязание
- 10 Ковроделие
- 11 Ткачество

Carte
des industries
artisanales
du Daguestan

Les chiffres
désignent :

- 1 Céramique
- 2 Pierre taillée
- 3 Armes
- 4 Argenterie
- 5 Forgeage
- 6 Vaisselle en cuivre
 bosselé
- 7 Coulage
- 8 Bois sculpté
- 9 Tricotage
- 10 Tapisserie
- 11 Tissage

Map
of art handicrafts
in Daghestan

Symbols

- 1 Ceramics
- 2 Stone-carving
- 3 Arms-making
- 4 Silver ornaments
- 5 Forging
- 6 Copper-chased
 utensils
- 7 Casting
- 8 Wood-carving
- 9 Knitting
- 10 Carpet-making
- 11 Weaving

Керамика

Керамические производства существовали в Дагестане уже в древнейшие времена. Разнообразная глиняная посуда, которую находят во время раскопок в Дагестане, позволяет определить основные периоды развития декоративных приемов украшения изделий. С самым ранним типом керамики нас знакомит посуда селища VI—V тыс. до н. э. близ селения Ругуджа. Слабо обожженные на костре толстостенные сосуды, вылепленные из

La céramique

La poterie est un art que le Daguestan connaît depuis les temps les plus anciens. Les vases d'argile de toutes sortes que l'on trouve pendant les fouilles au Daguestan permettent de définir les périodes principales de développement des procédés de leur décoration. La céramique la plus ancienne est celle de l'agglomération du VIe—V^e millénaires avant n. è. près du hameau de Rougouja. Vases à parois épaisses modelés dans de l'argile auquel on

Ceramics

Ceramic crafts were in existence in Daghestan as early as ancient times. Pottery of various shapes coming from excavations in the Daghestan region enables to identify the principal methods of decoration in their development. The earliest pottery of importance dating from 5000—6000 B.C. was found near the village of

глины с примесью крупноистолченного камня, имеют узор в виде нарезных штрихов и отверстий в верхней части края.

Другая группа керамики представлена в Гинчинском поселении IV тыс. до н. э. Это тонкостенные, тщательно изготовленные и хорошо обожженные сосуды, украшенные красной и коричневой росписью. Остатки красно-лощеной керамики с ангобной росписью встречаются по всему Нагорному Дагестану вплоть до конца II тыс. до н. э. Своеобразные приемы украшения сосудов, примененные древними мастерами, широко использовались гончарами последующих эпох, что свидетельствует о устойчивости местных традиций.

В III—II тыс. до н. э. в керамике Нагорного Дагестана распространяются налепные украшения, а также очень часто применяется прием обмазки сосудов жидкой глиной. В первые века новой эры в Дагестане появляется гончарный круг. Гончары изготавливают разно-

ajoutait de la pierre concassée, mal cuits sur un feu découvert, ils sont ornés de rayures au couteau et de trous le long du rebord supérieur.

Un autre groupe de céramiques est celui du lieu-dit Guintchine datant du IVe millénaire avant n. è. Ces vases à parois minces et soigneusement cuits sont ornés de peintures rouges et brunes. On trouve aussi des restes de céramique rouge lustrée avec des dessins à l'engobe dans tout le Daguestan montagneux, les plus récents datant du IIe millénaire avant n. è. Les procédés originaux utilisés par les potiers antiques pour décorer les vases ont été mis à profit par ceux des époques ultérieures, preuve de la stabilité des traditions locales.

Aux IIIe—IIe millénaires avant n. è. on voit se répandre dans la céramique du Daguestan montagneux des éléments décoratifs modelés, et le trempage du vase dans de l'argile liquide est aussi souvent utilisé.

Rugudja. Its heavily potted vessels made of clay mixed with particles of stone and hardened by fire are decorated with incised lines and holes in the upper part of the border.

Pottery from the Ginchin settlement (4000 B.C.) belongs to another group. The thinly potted vessels, hard fired, with a finely burnished surface are painted in red and brown. Red polished pottery with ornaments cut through slips of various colours were produced throughout Nagorny (Mountainous) Daghestan as late as 2000 B.C. The original methods of decoration used by potters of the next generations show the stability of local traditions.

The addition of separately moulded ornament, known as 'applied' ornament, came to Nagorny Daghestan by 3000—2000 B.C. The surface of the vessels was usually covered with a coat of raw clay.

образную посуду: кувшины, корчаги, миски, светильники. Большинство их отличается красивой формой, разнообразной ангобной росписью и резко прочерченным узором. О некоторой специализации в гончарном производстве свидетельствует появление разнообразных клейм — знаков мастеров, а также большое количество однотипной керамики. Лепная керамика этого этапа продолжает свое дальнейшее развитие и достигает высокого скульптурно-пластического совершенства. К этому же времени следует отнести возникновение типичной дагестанской формы кувшинов с устойчивым шаровидным туловым.

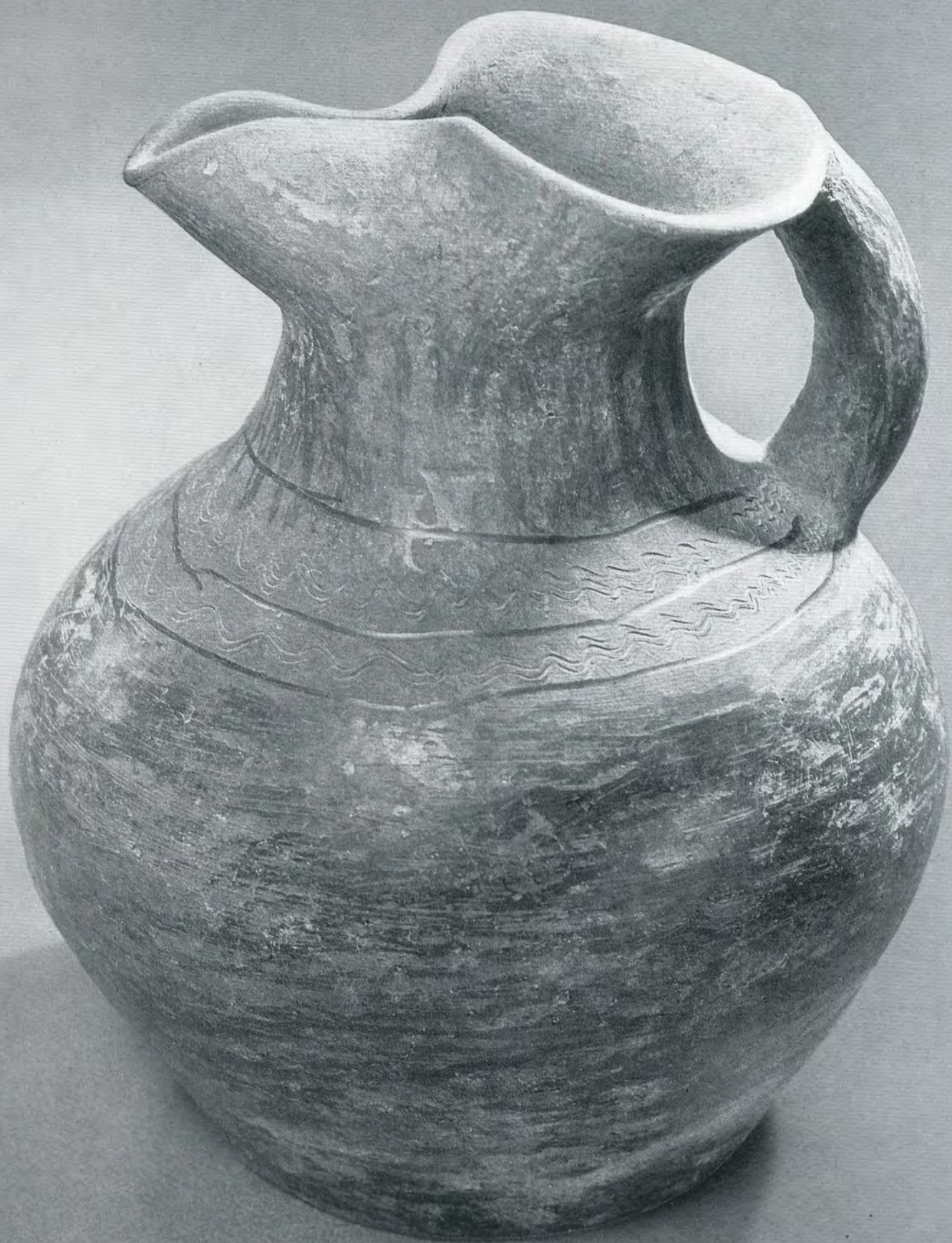
¹
Кувшин с профилированным сливом и ручкой. Керамика. III—I тыс. до н. э.

Les premiers siècles de notre ère voient apparaître au Daguestan le tour de potier. Les potiers fabriquent toute sorte de vaisselle: jarres, pots, terrines, lampes. La majorité se distingue par leur belle forme, leurs dessins variés à l'engobe et leurs ornements nettement tracés sur l'argile. L'apparition en grande quantité d'estampilles multiples des artisans et de céramiques d'un même type prouve que la poterie devenait une spécialité exclusive. La céramique moulée de cette époque continue à se développer et parvient à une grande perfection plastique. C'est de ce temps qu'il faut dater l'apparition de jarres ayant une forme typiquement daguestannaise: tronc sphérique stable et goulot bas, comme «pincé» sur les côtés, à bec profilé.

¹
Jarre à bec et anse profilés. IIIe—Ier millénaires avant n. è.

The potter's wheel was introduced in Daghestan in the first centuries A. D. Earthenware of various sorts—jugs, pitchers, dishes, lamps, and the like—were made. Most of them are distinguished by beauty and symmetry of form, with any kind of slip decoration usually incised. The wares were stamped with the name of the potter which testifies to a certain professionalism in pottery making; the same is confirmed by the appearance of sister vessels. The early moulds were comparatively simple and rather plain but later they became more complex and reached a superb quality in shape and ornamentation at the above-mentioned period. Typical of the Daghestan jug belonging to the same time is the solid ball-shaped body.

¹
Earthenware jug with a protruding lip and a handle. 3000-1000 B.C.

Для Нагорного Дагестана I—III вв. типичны небольшие светло-красные кувшинчики с головой свиньи. Владея искусством лепки, мастер дает острую характеристику животного. Глаза, выполненные в технике инкрустации, и фактурные налепные жгуты дополняют декоративное убранство сосуда. В то же время зооморфные элементы такого рода сосудов говорят о их тотемном значении.

В эпоху раннего средневековья наблюдается расширение гончарного производства. Изготовление изделий на гончарном круге становится массовым, получает распространение поливная керамика. Одним из древнейших центров росписной бирюзовой керамики Южного Дагестана является лезгинское село Кала. Поливная посуда лезгинских мастеров отличается техникой исполнения, формой и манерой росписи.

2
Лепной кувшин „Поросенок“. Керамика. Лакцы, с. Хури. III—VI вв.

Les petits pichets à tête de porc, rouge-clairs, sont typiques du Daguestan montagneux des Ier—IIIe siècles. L'artisan rend avec beaucoup de doigté le caractère essentiel de l'animal. Des yeux incrustés et des garrots modelés complètent la décoration du vase. Les éléments zoomorphiques de ce genre de vases attestent leur rôle totémique.

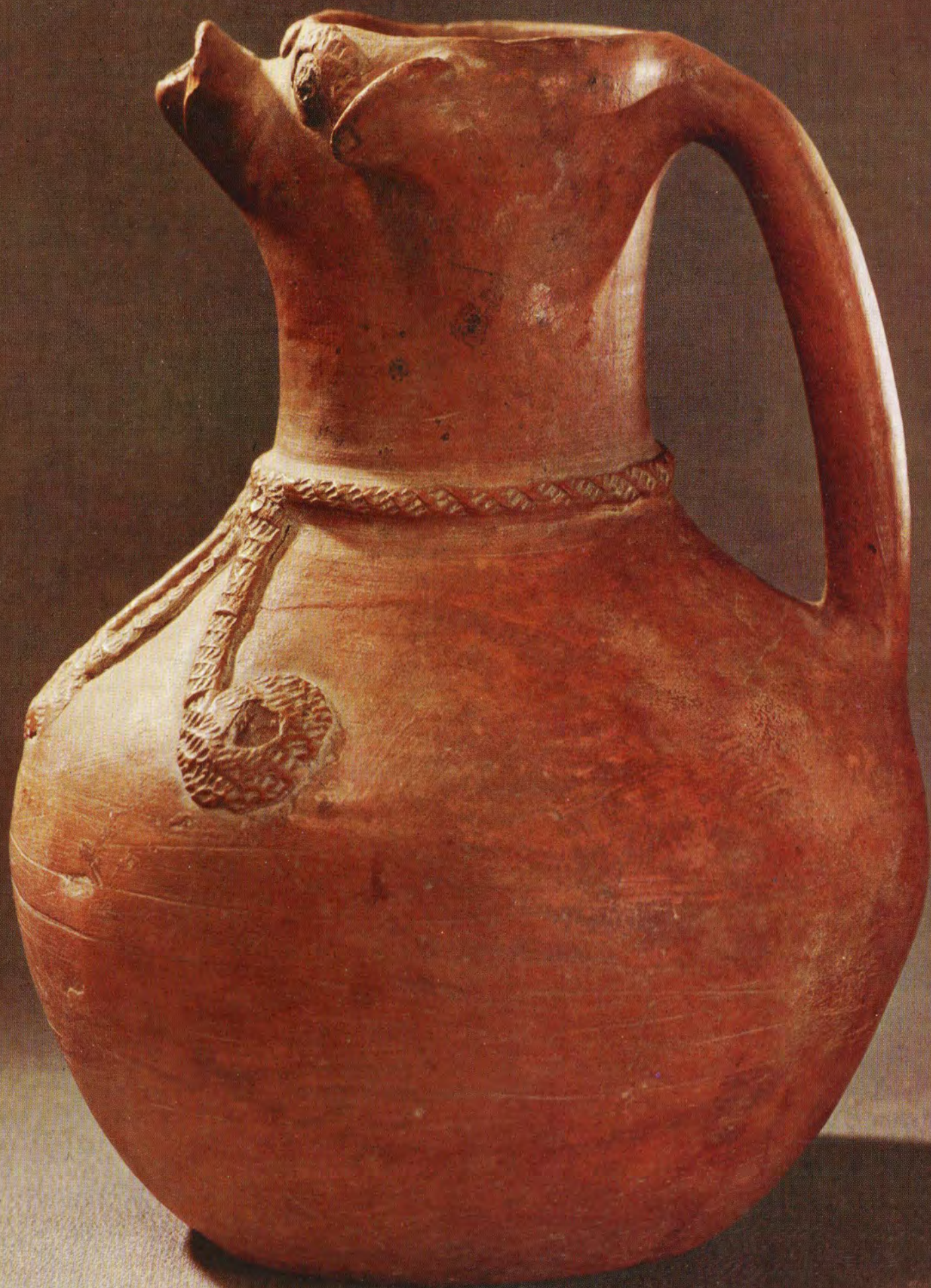
Vers le début du Moyen-Age on observe une extension de la production des potiers. Le tour devient un outil très répandu et la céramique à glaçure se propage. Un des centres les plus anciens où l'on fabriquait la céramique peinte bleu-turquoise est le village lezguien de Kala, au Daguestan méridional. Les vases glaçurés des artisans lezguiens se distinguent par une technique, une forme et une ornementation caractéristiques.

2
Jarre modelée «Pourceau», Lakiens, v. de Khouri. IIIe—VIe siècles de n. è.

Small light red jugs with a mouth in the form of the swine's head are common for Nagorny Daghestan in 100—300 A.D. The skilful potter modelled the animal with great exactness. The inlaid eyes and moulded basketwork complete the decoration of the vessel. These animal motifs tell us of totemism of the vessels.

Extensive use was made of pottery manufacturing at the beginning of the Middle Ages. The potter's wheel became common; glazed pottery appeared. One of the earliest centre of turquoise pottery is the Lezgian village of Kala in South Daghestan. Its wares differed from others by the technique of manufacturing, as well as in form and decoration.

2
Fig. earthenware moulded jug, Lak work from the village of Khuri. 3rd—6th century A.D.

Темно-коричневый узор, выполненный природной цветной землей (раствором марганцевой руды) по белому ангобу, покрывался прозрачной глазурью, подцвеченной окисью меди в зеленовато-голубой цвет. Небольшое количество сохранившейся посуды — в основном тарелки — позволяет проследить эволюцию росписи. Ранние мотивы ее состоят из очень простого узора в виде спирали с расходящимися лучами. На более поздних образцах этот мотив усложнен и образует растительные формы, порой плотно заполняющие всю плоскость изделия.

Производство керамики в с. Кала оборвалось в период татаро-монгольского нашествия в XV в. и более не возобновлялось. Традиции яркой подглазурной росписи продолжило в XV в. недалеко расположенное село Испик. Полива изделий испикских мастеров имеет богатые сочетания цвета, но в основном это вишневый или коричневато-оранжевый цвет в сочетании с самыми разнообразными оттенками зеленого, которые создавались соединением прозрачной свинцовой глазури с природными минеральными красителями. В этой технике выполнены большие керамические блюда, до сих пор сохранившиеся на стенах жилищ глубинных аварских аулов.

Испикские блюда неглубокие, но большого размера и с широким бортом. Изготавливались они из белой глины с обильной примесью мелкодробленой каменной крошки. В декоративном оформлении блюд использована техника, ранее в Дагестане не встречавшаяся. На их широких бортах набором специально изготовленных штампов оттиснуты скульптурные

Le dessin brun-foncé fait à la terre de couleur naturelle (solution de minerai de manganèse) sur engobe blanche est recouvert de glaçure translucide teintée à l'oxyde de cuivre qui lui confère une nuance bleu verdâtre. La quantité insignifiante de vases que nous possédons — en majorité des assiettes — permet quand même de suivre l'évolution de la peinture. Les motifs les plus anciens se composent d'un dessin très simple en forme de spirale à rayons divergents. Les échantillons plus récents voient ce motif se compliquer et se transformer en motifs végétaux remplissant parfois toute la surface de l'objet.

La poterie de Kala a disparu à l'époque de l'invasion tataro-mongole, au XVe siècle, pour ne plus renaître. Mais les traditions de cette peinture vive sous glaçure ont été continuées au XVe siècle par les artisans du village proche d'Ispik. La glaçure couvrant les objets exécutés par eux comporte de riches combinaisons de couleurs, surtout le rouge-cerise et l'orange brunâtre combinés avec les nuances les plus diverses du vert; ces couleurs étaient obtenues en mélangeant la glaçure de plomb transparente à des colorants minéraux naturels. Cette technique était utilisée pour faire de grands plats céramiques qu'on peut voir jusqu'à présent accrochés sur les murs dans les maisons des aouls (villages) lointains de l'Avarie.

Les plats d'Ispik ne sont pas profonds, mais ont de grandes dimensions et des rebords larges. Ils étaient faits en argile blanche à laquelle on ajoutait une grande quantité de pierre émiettée. La technique de décoration des plats était nouvelle. À l'aide de tampons spéciaux on imprimait

The vessels produced in the village of Kala were usually covered with a thick white slip, and the dark brown design was outlined with clay threads; then they were spread with a transparent glaze generally stained with copper to yield a greenish colour. A small amount of the pottery preserved, for the most part, allows to follow the evolution of decoration. The early motifs are very plain: running spirals and radiating rays. Later the more complex floral motifs were effectively exploited, the pattern filling all the surface.

Pottery making at the village of Kala has ceased for ever as the result of the Tartar-Mongol invasion in the 15th century.

Just at that time the Kala traditions of bright underglaze painting were inherited by the potters of the village of Ispik situated nearby. The Ispik glazes are distinguished by their rich colour range, though in general they are purple red or brownish orange tinged with various greens; these green hues were achieved by mixing the transparent lead glaze with natural mineral dyes. Large ceramic dishes are executed in this technique. They are still in use and can be found in remote Avar *aul* villages.

The Ispik dishes are flat but large, with a broad border. They were made of white clay with a great quantity of stone particles added to it. A most advanced technique, formerly not met with in Daghestan, was to use wooden stamps on the broad border to impress the design of playing

³ Блюда. Керамика, полива, роспись. Лезгины, с. Кала. XII—XIII вв.

³ Plat. Céramique, glaçure, peinture. Lezguiens, v. de Kala. XIIe—XIIIe siècles de n. è.

³ Dish. Painted earthenware with glaze. Lezgian work from the village of Kala. 12th–13th century A.D.

изображения резвящихся коней, мулов, порхающих фантастических птиц. Изображения такого рода связывается, по-видимому, с древним культом коня, которому во все времена в Дагестане отводилась важная роль.

Изобразительные сюжеты дополняются солярными розетками, треугольным узором, напоминающим зернь в ювелирном деле, пышными завитками растительного орнамента. Иногда мастер вводил в узорные мотивы изображения человеческих фигур — явление в мусульманском мире нечастое. Объединению рельефных деталей способствует относительно однотонная полива на бортах блюд. В то же время на глубокой донной части она образует фейерверк зеленых, вишневых и желтых красок. Край блюда завершался мелким геометрическим узором, накатанным зубчатым валиком. Интересно отметить, что в поддоне блюд Испика еще в сыром виде делали две дырки для подвешивания блюда на стену, что свидетельствует о его декоративном предназначении. У лезгинских мастеров существует своеобразное разделение труда: форму изделий на станке делают мужчины, расписывают изделия женщины.

Наряду с украшением рельефом в Испике продолжают развиваться приемы кистевой росписи. Основываются они на традиционных способах нанесения белого ангоба на красновато-коричневую поверхность черепка. На ранних этапах этой техники на черепок наносился слой белого ангоба, по которому процарапывались различные узоры. Затем изделие покрывалось прозрачной поливой, подвеченной широкими мазками обычно в зеленый цвет. Затекая в углубления, полива контрастно выделяла узор.

sur leurs rebords des images en relief de chevaux qui s'ébrouent, de mulets, d'oiseaux fantastiques en vol. Ces images sont peut-être liées à l'antique culte du cheval qui a toujours tenu une grande place au Daguestan.

Les sujets figuratifs étaient complétés par des rosettes solaires, des dessins triangulaires rappelant le grain des joailliers, par d'abondants lacis de motifs végétaux. Parfois l'artisan introduisait dans ces ornements l'image de personnages humains, phénomène fort rare dans le monde musulman. Les détails en relief sont unis aussi par la glaçure relativement monochromatique des rebords des plats. Par contre, dans le fond du plat c'est un véritable feu d'artifice de taches vertes, rougecerise et jaunes. Le bord extérieur du plat est rehaussé par un fin dessin géométrique imprimé à l'aide d'un petit rouleau à dentelure. Il faut noter que deux trous étaient percés dans le sous-fond du plat alors que l'argile était encore humide, pour qu'on puisse l'accrocher au mur, preuve de sa fonction purement décorative. Les artisans lezguiens connaissaient une originale division du travail: le tournage et le modelage était fait par les hommes, la peinture par des femmes.

A côté de l'ornement en relief continuent à se développer à Ispik les procédés de peinture au pinceau. Ils ont pour base les procédés traditionnels de décoration à l'engobe blanche de la surface brun-rouge de l'argile cuite. On retrouve les traces de cette technique sur les éclats de récipients qu'on trouve en grand nombre à l'emplacement de villages lezguiens et tabassaraniens actuellement en ruines. Au début, on couvrait l'objet en argile cuite d'une couche d'engobe blanche sur laquelle on grattait toutes sortes de dessins. Puis on revêtait les objets de glaçure transparente teintée à grands coups de pinceau, d'habitude en vert. La glaçure s'infiltrait dans les rigoles et mettait en valeur le dessin.

horses and mules, and flying fancy birds. Probably these animal motifs take their origin in the ancient cult of the horse which always played a significant role in the life of the people in Daghestan, with their primitive social order.

The animal motifs were supplemented with rosettes, granulation-like triangles and curlicues of vegetation. Sometimes human figures are also found there but they are rare in Islamic pottery, for there was a religious ban on these representations. The monochrome glaze covering the border of a vessel joins all components of the relief together, merging then into a sparkling stream of greens, purples and yellows on its deep bottom. The border of a dish is usually rimmed with a fine geometrical pattern rolled by the cog-wheel. It is of special interest that when the clay was still raw two holes were perforated in the base of a dish so as to hang it upon the wall: evidence of its decorative purpose. There was a certain tradition in the division of labour at the Lezgian potters: pottery modelling with the wheel was a male prerogative while painting was usually done by women.

Brush painting existed equally with relief decoration. It was common to cover a fired reddish-brown vessel with a coat of a white slip. At first the vessels were washed over with a white slip, and patterns were incised through it. Then they were covered with a transparent glaze tinged as a rule with green touches. Filling the incised outlines, it rendered the pattern very conspicuous.

4
Блюдо. Керамика, оттиск, полива.
Лезгины, с. Испик. XVIII в.

4
Plat. Céramique, estampillage, glaçure.
Lezguiens, v. d'Ispik. XVIIIe s.

4
Dish. Glazed earthenware with stamped decoration. Lezgian work from the village of Ispik. 18th century

Другая техника, получившая широкое распространение в XVIII—XIX вв. в чрезвычайно многообразных видах изделий, состоит в нанесении белой ангобной росписи на природный терракотовый цвет черепка. На прозрачной свинцовой поливе, покрывающей блюдо, мягко выделены пятна или полосы зеленоватого оттенка с расплывчатыми контурами.

Для первой половины XIX века характерно плотное заполнение декором, обилие мотивов, символизирующих древний солнечный культ, простота сюжетов и очень условная их подача. Во всех изделиях обращает внимание точечное заполнение фона, хорошо объединяющее всю композицию.

5
Блюдо. Керамика, полива, роспись.
Лезгины, с. Испик. XVIII в.

Une autre technique très répandue aux XVIIIe—XIXe siècles et utilisée pour les articles les plus divers consistait à porter un dessin à l'engobé blanche sur la couleur naturelle «terre cuite» de l'objet. Le glaçure transparente au plomb couvrant le plat fait ressortir clairement des taches et des traits de nuance verdâtre à contours estompés.

La première moitié du XIXe siècle se caractérise par une décoration dense, l'abondance des motifs symbolisant l'antique culte solaire, la simplicité des sujets et leur manière très stylisée. Une attention particulière est toujours accordée au pointillage du fond ce qui unifie toute la composition.

5
Plat. Céramique, glaçure, peinture.
Lezguiens, v. d'Ispik. XVIIIe s.

The 18th—19th century Daghestan potters were responsible for a number of important technical innovations, the most influential of which was possibly the method of covering the natural terracotta of a vessel with white slip. Dim greenish stains or stripes can be discerned on the transparent lead glaze of a dish.

The first half of the 19th century is characterized by intricate decoration, abundance of patterns (usually symbolizing the ancient cult of the Sun), and by simple themes of decoration stylized in their own way. Of special interest is the dotted background joining all parts of the design together.

5
Dish. Painted earthenware with
glaze. Lezgian work from the village
of Ispik. 18th century

В сосудах первой половины XX в. этот вид росписи сохраняется. Композиция обогащается за счет введения женских фигурок и восточных элементов „бута“. В отдельных случаях часть ангобной росписи оставляется матовой, коричнево-зеленая непрозрачная полива покрывает всю верхнюю часть сосуда.

6
Водоносный кувшин. Керамика, полива, роспись. Мастер Умасалима Дадашева. Лезгинь, с. Испик. 1950

Dans les récipients de la première moitié du XXe siècle ce type de décoration se maintient. La composition devient plus riche avec l'introduction de personnages féminins et d'éléments orientaux «bouta». Dans certains cas une partie de l'engobe est laissée mate, la glaçure brun-verdâtre opaque recouvrant toute la partie supérieure du récipient.

6
Jarre porte-eau. Céramique, glaçure, peinture. Auteur: Oumassalima Dadacheva. Lezguiens, v. d'Ispik. 1950

Pottery of the first half of the 20th century has left this type of painted ornamentation intact. Composition became richer due to female figures and Oriental *buta* motifs. In some instances the slip decor was partly left frosted, and the light-green opaque glaze covered the entire upper part of the vessel.

6
Water-carrier. Painted earthenware with glaze. Made by Umasalima Dadacheva. Lezgian work from the village of Ispik. 1950

В небольших изделиях посудной группы села Испик чаще всего композиция узора строится на геометрической основе. Горизонтальные белые полосы наносятся на станке при вращении изделия, промежутки между ними заполняются зигзагообразными линиями, мазками, нанесенными по диагонали, треугольниками. В орнамент вкрапливаются солярные розетки в виде звезд, колеса со спицами, линии, расходящиеся от центра. Все эти мотивы чрезвычайно распространены в резном дереве, гравированной меди, камне и других видах декоративного искусства Дагестана.

7
Миска. Керамика, полива, роспись.
Лезгины, с. Испик. 1950

8
Миска. Керамика, полива, роспись.
Лезгины, с. Испик. Начало XX в.

Dans les petits objets de vaisselle du village d'Ispik, la composition du dessin est essentiellement géométrique. Les traits blancs horizontaux sont tracés au tour, tandis que le vase est en rotation. Les intervalles entre les traits sont remplis de zigzags, de coups de pinceau diagonaux, de triangles. Des rosettes solaires en forme d'étoiles, de roues à rayons, de lignes divergeant d'un point farcissent la décoration. Tous ces motifs sont extraordinairement répandus dans les bois sculptés, le cuivre gravé, la pierre et les autres arts décoratifs du Daguestan.

7
Terrine. Céramique, glaçure, peinture.
Lezguiens, v. d'Ispik. 1950

8
Terrine. Céramique, glaçure, peinture.
Lezguiens, v. d'Ispik. Début
du XXe s.

Most designs in Ispik pottery are geometric. While the potter's disc rotated, the potter put horizontal white strokes on the surface of a vessel, covering the space between them with zigzags, diagonal touches and triangles. Solar star-like rosettes, wheels with spokes and radiating lines were added, too. These decorative motifs were widespread in wood carving, copper and stone engraving and other kinds of decorative applied art of Daghestan.

7
Basin. Painted earthenware with
glaze. Lezgian work from the village
of Ispik. 1950

8
Basin. Painted earthenware with
glaze. Lezgian work from the village
of Ispik. Early 20th century

У народов, населяющих нагорную часть Дагестана, издавна бытует сулевкентская керамика. Уже в VIII в. в даргинском селе Сулевкент существовало развитое производство глиняной посуды. В крупные торговые центры Среднего и Южного Дагестана — Кумух, Кули, Касумкент — сулевкентцы поставляли хозяйственные кувшины больших размеров, для близлежащих селений делались водоносные сосуды, кувшины-водолеи. Самые ранние сохранившиеся образцы представляют собой лепные сосуды с налепными украшениями в виде жгутов, волнистых линий и штрихов. С появлением гончарного круга и ангобной росписи лепные украшения видоизменяются, но не исчезают. Особенно стойко традиция лепки сохраняется в верхней части сосуда — сливе. Также характерным является процара-

9
Чаша. Керамика, полива, роспись.
Лезгины, с. Испик. Начало XX в.

10
Чаша. Керамика, полива, роспись.
Лезгины, с. Испик. Начало XX в.

Chez les peuples de la partie montagneuse du Daguestan, la céramique de Soulevkent est depuis longtemps prépondérante. Au VIIIe siècle déjà, il y avait au village darguien de Soulevkent une industrie développée de vaisselle d'argile. Les Soulevkentiens vendaient dans les grands centres commerciaux du Daguestan moyen et méridional (Koumoukh, Kouli, Kassoumkent) des jarres de grandes dimensions, et dans les villages avoisinants, des récipients pour porter l'eau, des pichets-versoirs. Les échantillons les plus anciens sont des récipients modelés avec des détails collés, également modelés, ayant la forme de garrots, de lignes onduleuses et droites. Avec l'apparition du tour et de la peinture à l'engobe les ornements collés changent d'aspect, mais se maintiennent. Les traditions de modelage sont restées particulièrement vivaces pour la partie supérieure du vase, le bec. Le grattage d'une ligne ondulée est également caractéristique.

9
Coupe. Céramique, glaçure, peinture.
Lezguiens, v. d'Ispik. Début du XXes.

10
Coupe. Céramique, glaçure, peinture.
Lezguiens, v. d'Ispik. Début du XXes.

Fine pottery was made in Nagorny Daghestan. Toward the 8th century A.D. the chief centre of its production was firmly established at the Darghin village of Sulevkent. The Sulevkent potters specialized in large storage jars for trade centres of importance in Central and South Daghestan—Kumukh, Kuli, Kasumkent, etc., as well as in water holders and jugs for the neighbouring villages. The earliest known examples were vessels with the applied ornament—usually basketwork pattern, ripples and strokes. When the wheel was adopted and painted decoration became usual, the raised design survived but in a debased form, in a new shape. The old tradition of pottery fashioning is clearly seen in the form of the spout. Scratched waving lines of the design were also typical for the period. Even in the 17th century when this technique was fully replaced

9
Bowl. Painted earthenware with
glaze. Lezgian work from the village
of Ispik. Early 20th century

10
Bowl. Painted earthenware with
glaze. Lezgian work from the village
of Ispik. Early 20th century

пывание волнистой линией. Даже в сосудах XVII в., когда эту технику целиком заменила роспись, манера нанесения штриха осталась. Общие пропорции, форма и скульптурное оформление кувшинов говорит о преемственности традиций, восходящих к археологическим сосудам с изображением свиньи.

Современные мастера Сулевкента сохранили многие декоративные приемы предшествующих поколений гончаров. Эти приемы улавливаются в немногословном узоре прямых и волнистых линий, нанесенных на гончарном кругу и объединенных S-образным завитком, во внимании, уделяемом скульптурной форме изделий, в приверженности к темно-красной ангобной росписи.

Même lorsqu'au XVIIe siècle cette technique céda complètement la place à la peinture, la manière de porter le trait subsista. Les proportions générales, la forme et l'arrangement sculptural des jarres prouvent que la tradition ne s'est jamais interrompue depuis les vases archéologiques représentant un porc.

Les artisans soulevkentiens d'aujourd'hui ont préservé un grand nombre de procédés décoratifs des générations antérieures de potiers. Ces procédés se reconnaissent dans le dessin réservé de lignes droites et ondulées faites au tour et reliées par une boucle en forme de S, dans l'attention conférée à la forme sculpturale de l'objet, dans l'attachement manifesté pour la peinture à engobe rouge foncée.

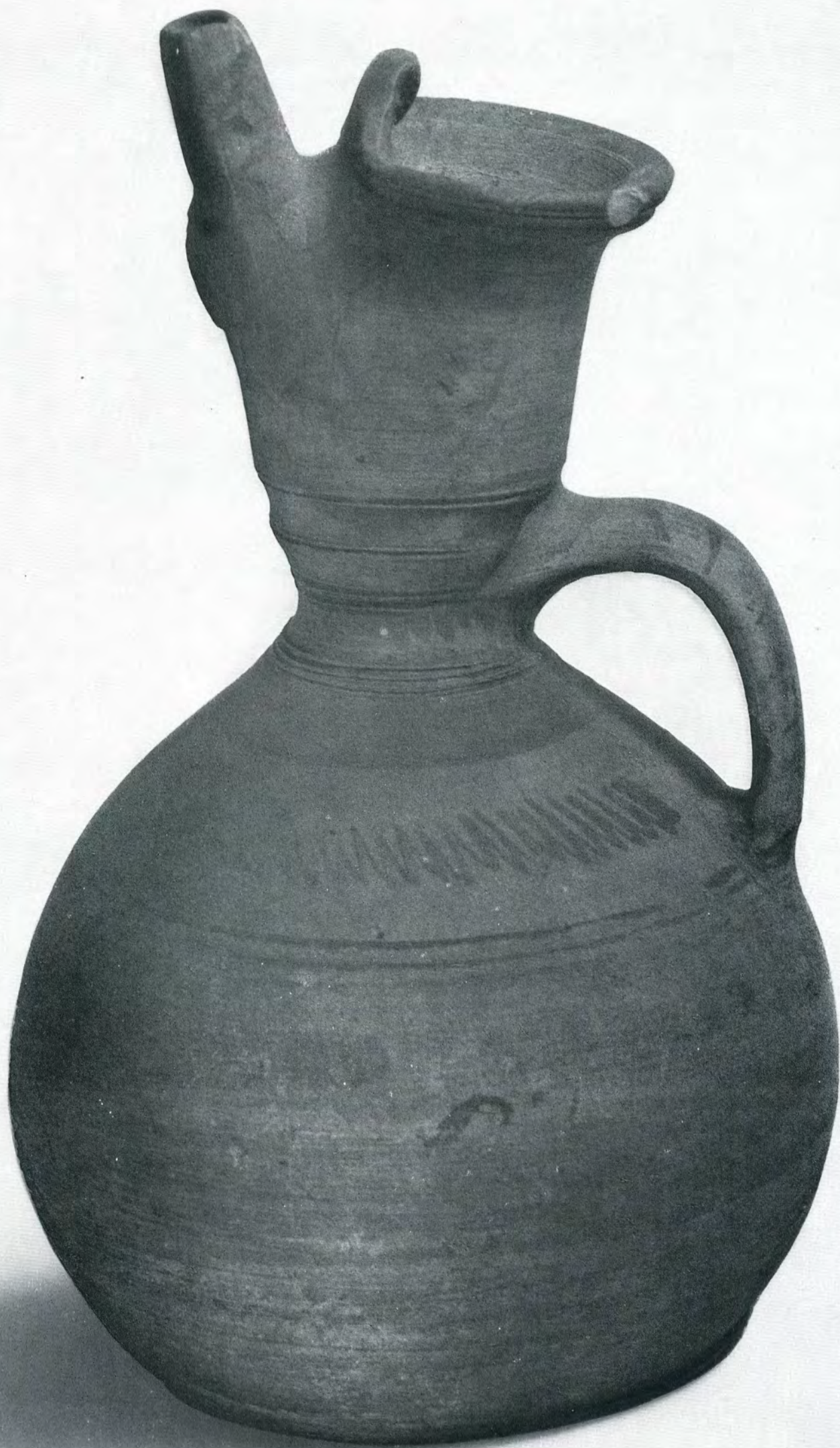
by painted decoration, the manner of putting the touches on the surface remained the same. Proportions, shape and applied ornamentation of the vessel are evidence to the continuity of traditions originated from the earliest pottery depicting the swine.

Modern Sulevkent potters use for the most part the ancient methods of decoration. The latter is proven by the simple design of straight and waving lines which were put on a vessel on the potter's disc and combined together by S-shaped scrolls; ancient traditions are seen in the perfect modelling of pottery and in the taste for dark red slip decoration.

11
Кувшин-вололей. Керамика, красная ангобная роспись. Даргинцы, с. Сулевкент. XIX в.

11
Pichet versoir à eau. Céramique, peinture à engobe rouge. Darguiens, v. de Soulevkent. XIXe s.

11
Ewer. Red slipware. Darghin work from the village of Sulevkent. 19th century

К XIX в. относится распространение в сулевкентском промысле поливных изделий, что, по-видимому, следует связывать с отходничеством в южные, богатые поливной керамикой

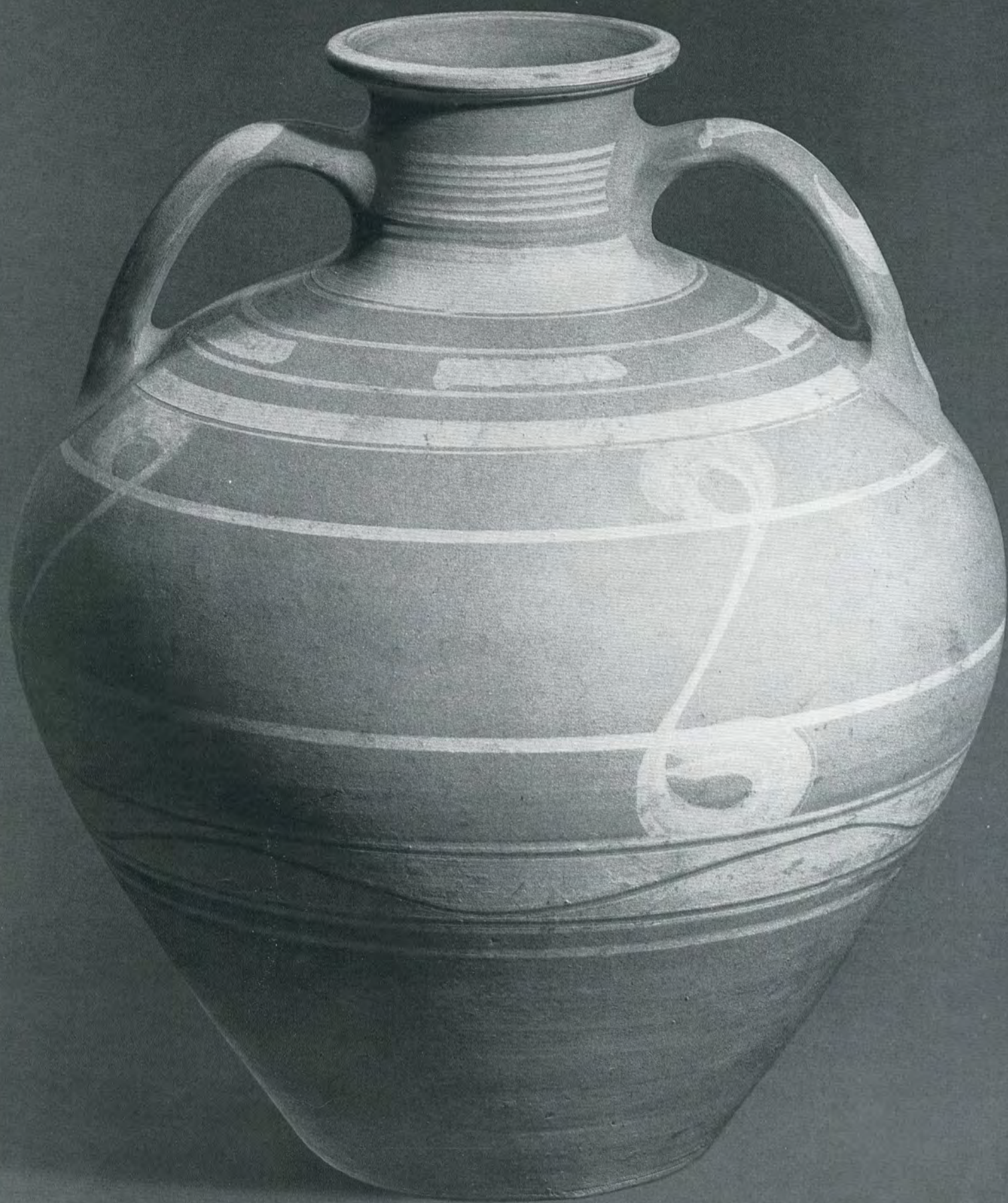
12
Сосуд для бузы. Керамика, красная ангобная роспись. Даргинцы, с. Сулевкент. 1960

C'est du XIXe siècle que date l'apparition dans la poterie de Soulevkent d'objets glaçurés, phénomène en rapport sans doute avec les voyages d'appoint dans les régions méridionales,

12
Récipient pour la bouza. Céramique peinte à engobe rouge. Darghiens, v. de Soulevkent. 1960

Glazing was extended in Sulevkent towards the 19th century and this technique was probably taken from South Daghestan where it was common. Glazed pottery to a great extent consisted

12
Buza vessel. Red slipware. Darghin work from the village of Sulevkent. 1960

районы. В основном это — небольшие кувшины, глубокие тарелки, кружки с лепным или процарапанным узором. Зеленая или темно-коричневая полива целиком покрывает эти изделия.

13
Кувшин для сбивания масла. Керамика, красная ангобная роспись. Мастер Алишейх. Даргинцы. 1960

riches en céramique glaçurée. Ce sont essentiellement de petits pichets, des assiettes profondes, des bols à ornements modelés ou grattés. La glaçure verte ou brun-foncée recouvre entièrement l'objet.

13
Jarre pour le battage du beurre. Céramique, peinture à engobe rouge. Auteur: Alicheikh. Darguiens. 1960

of small jugs, deep dishes and tankards with the applied or scratched ornament. Green or dark-brown glazes covered the whole surface of the ware.

13
Churuer-pitcher. Red slipware. Made by Ali-sheikh. Darghin work from the village of Sulevkent. 1960

Лакский аул Балхар известен как крупнейший старинный центр керамического производства Нагорного Дагестана. В древних поселениях этой местности еще в начале нашей эры изготовлялась красноглиняная лепная керамика, украшенная лощением. На ранних этапах

14
Кружка. Керамика, свинцовая полива, тиснение. Мастер Алишейх. Даргинцы, с. Сулевкент. 1950

L'aoul lakien de Balkhar est un des plus grands centres céramiques anciens du Daguestan montagneux. Des céramiques modelées à argile rouge ornée par lustrage étaient fabriquées dans les agglomérations antiques de l'endroit dès le début de notre ère. Au départ la céramique

14
Bol. Céramique, glaçure à plomb, estampillage. Auteur: Alicheikh. Darguiens, v. de Soulevkent. 1950

The Lak village of Balkhar is known as an important early centre of pottery making in Nagorny Daghestan. Red polished pottery with the applied ornament was produced as long as the first centuries A.D. Early Balkhar pottery was similar to that of Sulevkent; variations appeared later;

14
Tankard. Lead glazeware with stamped decoration. Made by Ali-sheikh. Darghin work from the village of Sulevkent. 1950

балхарская керамика имела много общего с изделиями мастеров села Сулевкент. Но с появлением гончарного круга в XIII—XV вв. она обретает свои особенности. Лепные мотивы во многом заменяются ангобной росписью светло-красного цвета.

15
Кружка. Керамика, свинцовая полива, процарапанный узор. Даргинцы, с. Сулевкент. 1950

de Balkhar ressemblait fort à celle de Soulevkent. Mais l'apparition du tour de potier aux XIIIe—XVe siècles lui confère sa propre originalité. Les motifs modelés sont en majeure partie remplacés par la peinture à l'engobe rouge-claire.

15
Bol. Céramique, glaçure à plomb, dessin gratté. Darguiens, v. de Soulevkent. 1950

it was the introduction of the potter's wheel that made all the difference. Vessels with the applied ornament, on the whole, gave place to light red slipware.

15
Tankard. Lead glazeware with a scratched pattern. Darghin work from the village of Sulevkent. 1950

Наряду с архаичностью и простотой уже в это время присутствуют мотивы, встречающиеся в более поздней керамике. Основные узорные мотивы оконтуриваются, заполняются тонкой кистевой штриховкой наряду с процарапанной до обжига. Скульптурный элемент остается в виде палепов на горловине и поясков.

16
Кувшин-вололей. Задымленная керамика, лощение, красная и белая ангобная роспись, процарапанный узор. Лакши, с. Балхар. Конец XIX в.

Malgré leur simplicité archaïque, les objets de cette époque possèdent déjà des motifs qui se répandront plus tard. Les éléments principaux du décor ont leur contour souligné, on les remplit de hachures fines au pinceau en plus des hachures grattées avant la cuisson. Le modelage reste sous la forme d'éléments modelés sur le goulot et de ceinturons.

16
Pichet versoir à eau. Céramique, lustrage, peinture à engobe rouge et blanche, dessin gratté. Lakiens, v. de Balkhar. Fin du XIXe s.

Though plain and archaic, the decorative motifs of the early period have some features peculiar to later pottery. The main pattern was elaborated in outline, filled with fine brush strokes, as well as with strokes scratched into the raw clay before firing; the sculptural ornament decorated only the mouth and girdles of the vessel's body.

16
Ewer. Fumed and polished red and white slipware with a scratched pattern. Lak work from the village of Balkhar. Late 19th century

С развитием ремесла в XVII—XVIII вв. производство хозяйственных изделий расширяется, и балхарцы становятся известны как поставщики посуды не только в аварских, лакских и даргинских районах, но проникают в Закавказье, в северные кумыкские районы.

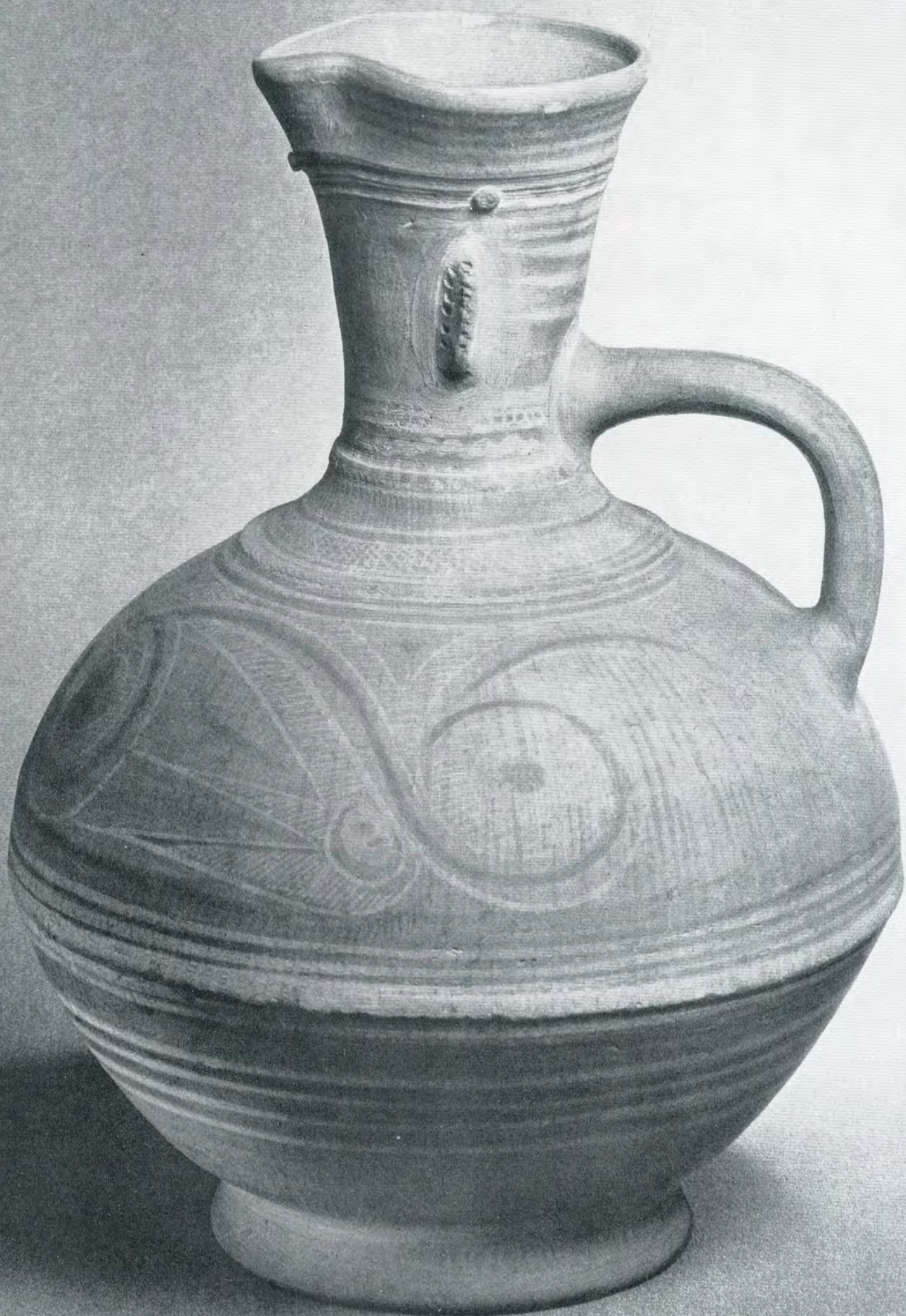
17
Кувшин для питья. Задымленная керамика, лощение, палепы, красная и белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. Начало XX в.

Le développement du métier aux XVIIe et XVIIIe siècles entraîne un élargissement de la fabrication d'articles ménagers et les Balkhariens deviennent connus comme fournisseurs de récipients non seulement dans les régions avares, lakiennes et dargiennes, mais aussi en Transcaucasie et dans les régions koumyks du nord où ils pénètrent.

17
Pichet à boire. Céramique enfumée, lustrage, modelages, peinture à engobe rouge et blanche. Lakiens, v. de Balkhar. Début du XXe s.

In the 17th and 18th centuries pottery manufactures increase and the village of Balkhar becomes an important centre of production. The ware was widely known not only in the Avar, Lak and Lezgian districts, but also reached Transcaucasia and was brought to the North Kumyk regions.

17
Jug. Fumed and polished slipware red and white with the applied ornament. Lak work from the village of Balkhar. Early 20th century

Форма балхарских изделий совершенствуется, все многообразнее становятся приемы росписи. Вводятся новые расцветки ангоба, от темно-коричневого до оранжевого, лощением покрывается вся поверхность сосудов. В конце XIX — начале XX в. в селе Балхар изготавливается огромное количество самой разнообразной посуды, в которой уже преобладает роспись белым ангобом. В этот период вырабатывается тип кувшина, остающийся

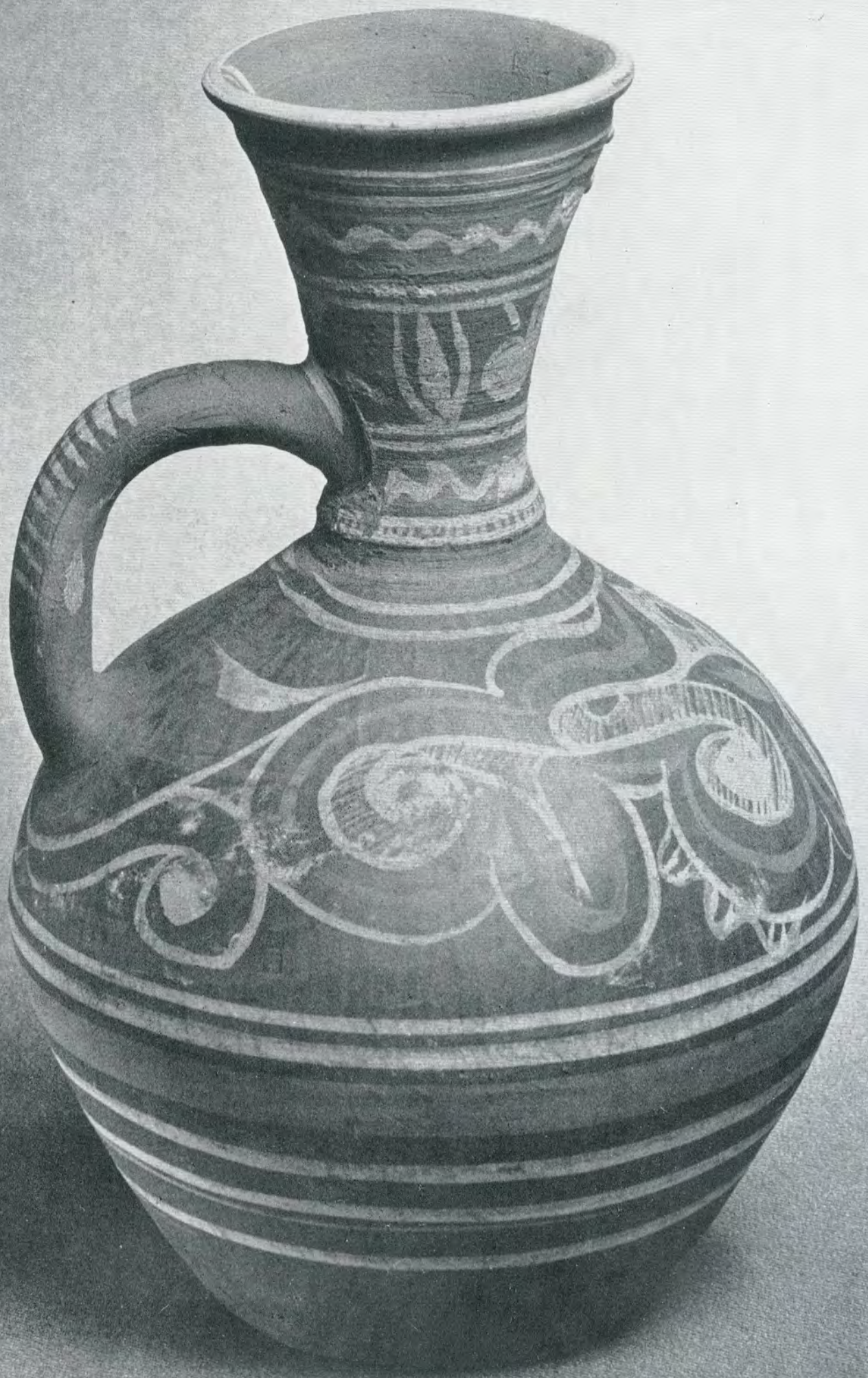
18
Кувшин для питья. Задымленная керамика, лощение, красная и белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1950-е гг.

La forme des articles de Balkhar se perfectionne, les procédés de décoration se diversifient de plus en plus. De nouvelles couleurs d'engobe apparaissent, du brun foncé à l'orange, toute la surface des récipients est lustrée. A la fin du XIXe et au début du XXe siècles on fabrique au village de Balkhar une quantité énorme de récipients les plus divers où la peinture à l'engobe blanche domine. C'est durant cette période que se forme le type de jarre qui subsiste jusqu'à

18
Pichet à boire. Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe rouge et blanche. Lakiens, v. de Balkhar. Années 1950

The shape of the Balkhar pottery became more elaborated, new methods of decoration appeared. Colours varied from dark brown to orange, the surface was finely polished. In the late 19th and the early 20th century Balkhar pottery was made in large quantities. Painting in white was predominant. It was this type of the Balkhar jug that reached our days. Modern potters frequently use the ancient raised pattern bearing human and animal images. The upper part of the spout

18
Jug. Fumed and polished red and white slipware. Lak work from the village of Balkhar. The 1950s

без изменений до настоящего времени. В декоративном убранстве сосуда мастерицы иногда используют традиции лепки тех времен, когда изделия имели антропоморфный и зооморфный смысл. На верхнюю часть слива часто налепливают глаза, полосы имитируют усы, а узор нижней части горла напоминает ожерелье.

19
Водоносный кувшин. Задымленная керамика, лощение, налепы, красная и белая ангобная роспись. Мастер Б. Курбанова. Лакцы, с. Балхар. 1960

nos jours. En décorant le vase, les artisanes ont parfois recours aux traditions de modelage de l'époque où les objets avaient un sens anthropo- ou zoomorphique. Des yeux sont souvent collés au haut du goulot, des traits imitent les moustaches et la décoration du bas du goulot rappelle un collier.

19
Jarre porte-eau. Céramique enfumée, lustrage, modelages, peinture à engobe et blanche. Auteur: B. Kourbanova. Lakiens, v. de Balkhar. 1960

is usually applied with eyes, the strokes imitate a moustache, and the ornament on the low part of the mouth resembles a necklace.

19
Water-carrier. Fumed and polished red-and-white slipware with the applied ornament. Made by B. Kurbanova. Lak work from the village of Balkhar.. 1960

Иногда передняя часть сосудов украшается скульптурным изображением головы оленя или человека. Современная керамика села Балхар насчитывает до тридцати видов изделий,

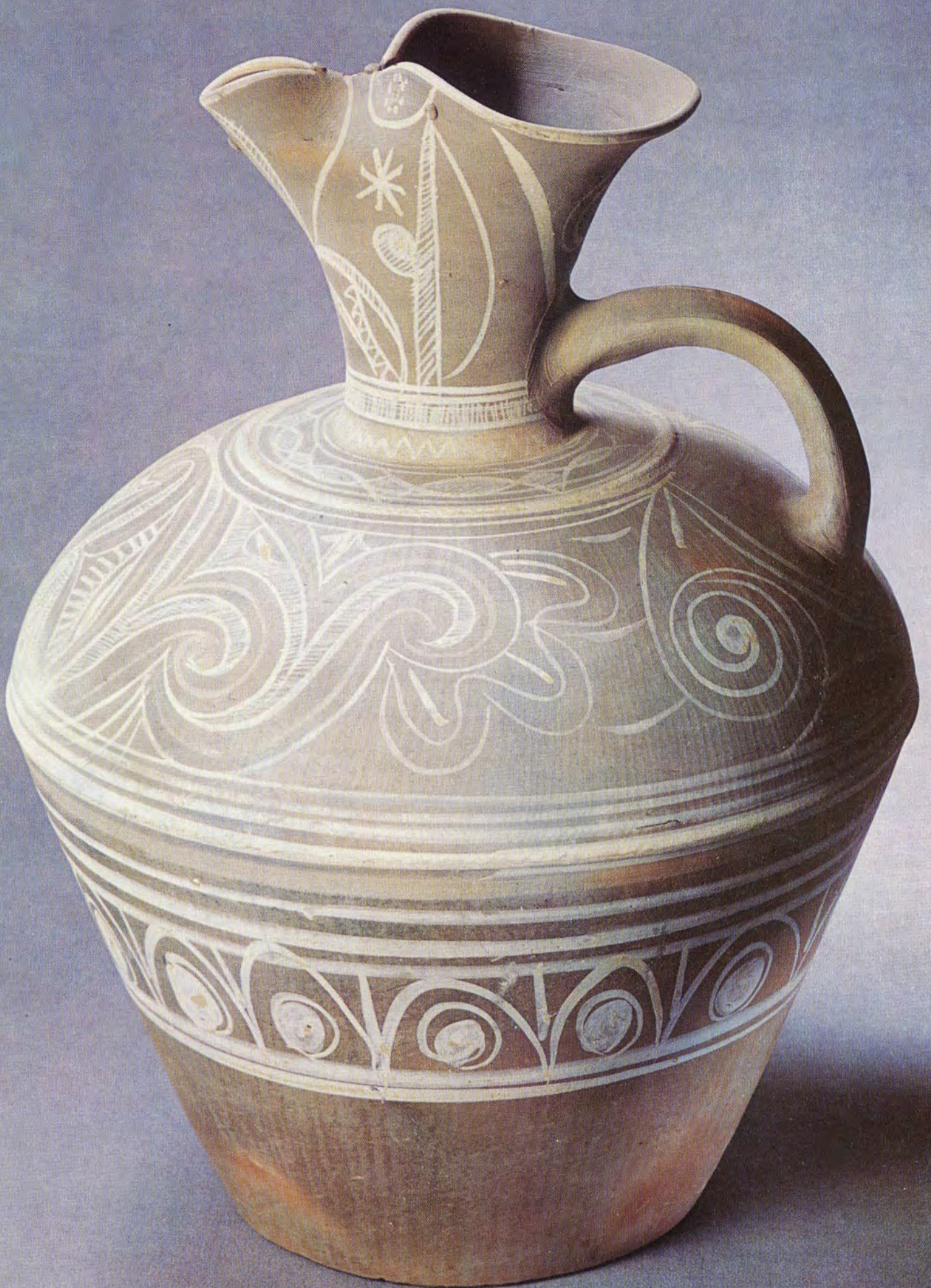
20
Водоносный кувшин. Задымленная керамика, лощение, налеты, красная и белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1960

Parfois l'avant des récipients est orné d'une tête sculptée de cerf ou d'homme. La céramique moderne du village de Balkhar se compose de près de trente articles dont chacun a ses fonctions,

20
Jarre porte-eau. Céramique enfumée, lustrage, modelages, peinture à engobe rouge et blanche. Lakiens, v. de Balkhar. 1960

Now and then the front part of the vessel has a raised ornament showing the head of a deer or of a human being. Balkhar pottery numbers some thirty specimens made for various purposes

20
Water-carrier. Fumed and polished red-and-white slipware with the applied ornament. Lak work from the village of Balkhar. 1960

каждое из которых отличается назначением, формой, узором. В сосудах для молока, бузы мастерски выполненный узор подчеркивает форму.

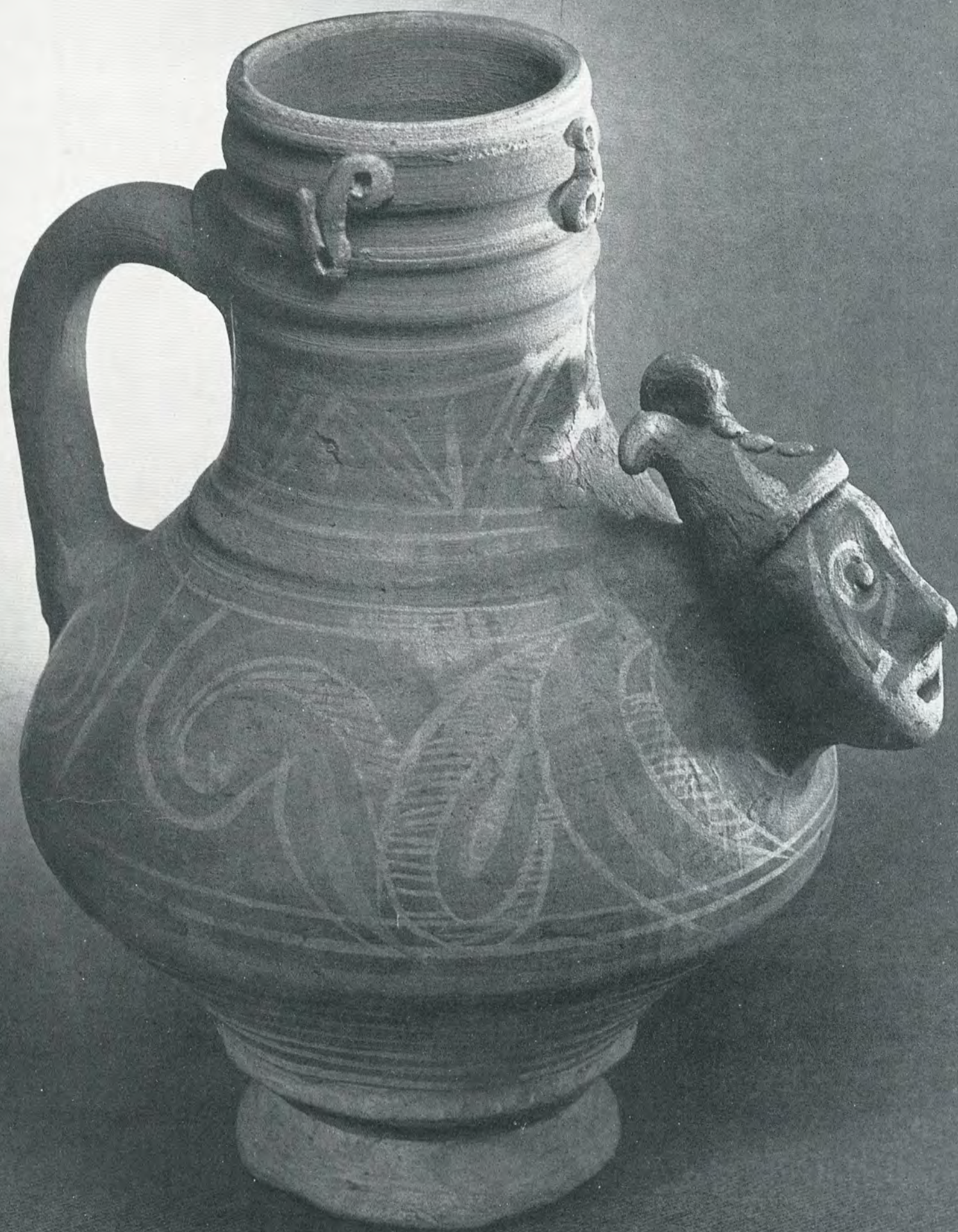
21
Сосуд для воды с антропоморфным изображением. Керамика, лощение, красная и белая ангобная роспись, налпы. Мастер А. Умалаева, с. Балхар. 1964

sa forme et sa décoration propres. C'est ainsi que la forme des récipients pour le lait, pour la bouza, est très rehaussée par une décoration splendide.

21
Récipient à eau à motif anthropomorphique. Céramique, lustrage, peinture à engobe rouge et blanche, modelages. Auteur: A. Oumelaléva, v. de Balkhar. 1964

which differ in shape and design. The finely elaborated pattern on milk and *buza* vessels put a stress to their forms.

21
Water vessel with a human motif. Polished red-and-white slipware with the applied ornament. Made by A. Umalayeva. Lak work from the village of Balkhar. 1964

Еще в период сильного сокращения выпуска испикской декоративной керамики в селе Балхар возросло производство настенных тарелок. Расписанные и с внутренней и с внешней сторон бело-красным узором, тарелки имеют различные декоративные решения. Роспись

22
Подойник. Задымленная керамика, лощение, красная и белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1956

A l'époque déjà éloignée où la fabrication de céramique décorative connut un affaiblissement important à Ispik, la production d'assiettes murales augmenta au village de Balkhar. Ornées des deux faces d'un dessin blanc et rouge, ces assiettes sont décorées de façons diverses. Le

22
Saut à traire. Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe rouge et blanche, Lakiens, v. de Balkhar. 1956

When decorative earthenware produced in the village of Ispik was decreased, the potters at the village of Balkhar began to manufacture a great amount of decorative wall dishes. Their interior decoration is usually divided into four sections linked together by various motifs. Such a dish is

22
Milk pail. Fumed and polished red-and-white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1956

внутренней стороны обычно члится на четыре части, связанные различными переходными мотивами. Иногда тарелка имеет вид глубокой чаши и делается на поддоне или трех ножках. Лепной узор в этих вещах почти не применяется.

23
Кувшин для молока. Залывленная керамика, лощение, красная и белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1963

dessin de la partie intérieure se divise d'habitude en quatre parties que lient divers motifs transitoires. L'assiette a parfois l'aspect d'une coupe profonde et possède un sous-fond ou trois pieds. Ces objets n'ont presque jamais d'éléments modelés.

23
Jarre à lait. Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe rouge et blanche. Lakiens, v. de Ba'khar. 1963

frequently modelled in the form of a deep bowl on a base, or three-legged. The applied ornament is now seldom used.

23
Milk jug. Fumed and polished red-and-white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1963

В глубинном табасаранском селе Джули существовал крупный керамический центр. Об этом свидетельствует огромное количество осколков керамики с разноцветной поливой,

24
Тарелка. Задымленная керамика, красная и белая ангобная роспись. Мастер А. Умаласва. Лакцы, с. Балхар. 1960

Un grand centre de céramique a existé dans le village tabassaranien lointain de Djouli. On y trouve une quantité immense de morceaux de céramique à glaçure multicolore, les restes des

24
Assiette. Céramique enfumée, peinture à engobe rouge et blanche. Auteur: A. Oumalaïéva. Lakiens, v. de Balkhar. 1960

A large early centre of pottery making was the remote Tabasaran village of Djuli. Fragmentary

24
Plate. Fumed red-and-white slipware. Made by A. Umalayeva. Lak work from the village of Balkhar. 1960

остатки оснований гончарных печей и красная обожженная почва в селении. Пока истории неизвестна причина прекращения выпуска глазурованной посуды, но и в настоящее время

25
Тарелка. Задымленная керамика, красная и белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1968

fondations de fours de potiers, et le sol du village est rouge et brûlé. Les historiens ignorent encore pourquoi la fabrication de vaisselle glaçurée y a cessé. Mais les Djouliens d'aujourd'hui

25
Assiette. Céramique enfumée, peinture à engobe rouge et blanche. Lakiens, v. de Balkhar. 1968

carthenware decorated with coloured glazes, remains of the kilns, etc., were found there in abundance. It is not yet clear why and when glazeware manufacturing in Djuli has ceased, but

25
Plate. Fumed red-and-white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1968

джулинцы занимаются гончарством. Их изделия: миски, большие и малые кувшины для воды красивы по форме и имеют обычно простую темно-красную ангобную роспись.

26
Тарелка. Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакицы, с. Балхар. 1964

sont des potiers de talent. Ils produisent des terrines, des jarres et des pichets pour l'eau d'une forme très élégante ornés d'un dessin à l'engobe rouge-foncée très simple.

26
Assiette. Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe blanche. La-kiens, v. de Balkhar. 1964

pottery making is still going on among the population. A graceful shape and a restrained decoration in dark purple are characteristic of Djuli pottery (basins, pitchers, jugs, and the like).

26
Plate. Fumed and polished red-and-white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1964

Археологические материалы II тыс. до н. э. содержат следы языческих представлений о загробной жизни и культе предков. Земледельческо-скотоводческое хозяйство породило культ плодородия, воплощавшийся в женских глиняных фигурках. Культ домашних животных — быка, коровы и свиньи — также нашел отражение в скульптуре. Бычьи рога укреплялись над входом, закапывались около порогов, под очаг. Несколько позднее появился культ коня. Прошло много веков, менялись религии: язычество, христианство, зороастризм, ислам, а рельефно-лепные и скульптурные традиции промысла продолжали развиваться.

27
Водоносный кувшин. Керамика, белая ангобная роспись. Табасаранцы, с. Джули. 1963

Les données archéologiques se rapportant au IIe millénaire avant notre ère fournissent des bribes d'information sur l'idée qu'on se faisait à l'époque de la vie d'outre-tombe et sur le culte des ancêtres. L'économie agricole et pastorale donna naissance au culte de la fertilité incarnée par des figurines féminines en argile. Le culte des animaux domestiques — bœuf, vache et porc — est également reflété par la sculpture. Des cornes de bœufs étaient fixées au-dessus de l'entrée, enterrées près du seuil, sous le foyer. Un peu plus tard est apparu le culte du cheval. Les siècles

27
Jarre porte-eau. Céramique, peinture à engobe blanche. Tabassaraniens, v. de Djouli. 1963

Archaeological finds dating from about 2000 B.C. contain carved images served for ancestor worship as well as tomb figures. Agriculture and cattle breeding in primitive society formed basis for the cult of fertility which was represented in female clay figurines. The cult of domestic animals (bulls, cows and swines) was reproduced in carvings, too. Horns of a bull were usually hung over the entrance of their dwellings and were fixed in the threshold and below the hearth. Later the cult of the horse appeared. Century after century followed, and one religion was sub-

27
Water-carrier. White slipware. Tabassaran work from the village of Djouli. 1963

И они находили выражение не только в приемах украшения гончарных изделий в виде чисто скульптурных деталей, но и в мелкой пластике. Почти в каждом балхарском доме, наряду с расписной посудой, можно встретить лепные изображения птиц, баранов, коров, лошадей, реже — людей. Это — детские игрушки, которые по свидетельству старых мастеров в Балхарах выделывали и раньше. Самыми распространенными среди них являются лошадки — любимые игрушки мальчиков. Маленькие и большие, с хурджинами

28
Игрушка „Вьючная лошадь“. Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1957

29
Игрушка „Всадник“. Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1960

passaient, les religions se succédaient — paganisme, zoroastrisme, christianisme, islam — mais les traditions du modelage et de la sculpture de la poterie se développaient. Et elles s'exprimaient non seulement par les procédés de décoration des objets de céramique en tant qu'éléments purement sculpturaux, mais aussi dans les objets d'art plastique miniature. Dans presque chaque maison de Balkhar on peut voir non seulement des objets de vaisselle peints, mais aussi des figurines d'oiseaux, de moutons, de vaches, de chevaux, plus rarement de personnages humains.

28
«Cheval de somme» (jouet). Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe blanche. Lakiens, v. de Balkhar. 1960

29
«Cavalier» (jouet). Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe blanche. Lakiens, v. de Balkhar. 1960

stituted by another; paganism, Christianity, Zoroastrianism, Islam, relief decoration and the applied ornament remained the same. Ancient traditions are found not only in pottery with the applied ornament, but also in small carvings. Together with painted pottery, the carvings of birds, sheep, cows and horses are seen in nearly every Balkhar house; figures of humans appeared not so often. All these carvings are children's toys which, according to the old Balkhar potters, were produced at all times. The most usual is the horse, the universal toy for boys. Small and

28
Pack Horse, a toy. Fumed and polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar

29
Rider, a toy. Fumed and polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1960

и вьюками, с всадниками и расседланные, лошадки отличаются разнообразием художественных решений. Многовековой опыт владения орнаментом проявляется в характере светлого узора, покрывающего дымчато-терракотовую поверхность глиняных фигурок. Здесь можно встретить многие элементы орнамента и приемы, свойственные изделиям посудной группы. Это и волнистый узор „змея“, и „зуб“, и „куропатка“. Но преобладают простейшие мотивы полосок, спиралей, звездочек — на сложной скульптурной форме и эти мотивы смотрятся достаточно богато.

Ce sont des jouets pour enfants comme on en faisait depuis longtemps, à en croire les artisans de Balkhar. Les plus répandus sont les chevaux, jouets préférés des garçons. Grands et petits, avec khourdjines et fardeaux, montés ou dessellés, ces chevaux sont traités de manières très diverses. La maîtrise de l'ornementation accumulée pendant des siècles se manifeste dans le caractère du dessin clair couvrant la surface couleur «terre cuite fumée» des figurines d'argile. On peut y trouver de nombreux éléments de décoration et procédés propres aux objets de vaisselle: ligne ondulée «le serpent», «la dent» et «la perdrix». Mais les motifs dominants sont de simples traits, des spirales, des étoiles: leur effet est suffisamment grand sur le forme sculptée complexe.

big, with *khurdjin* bags and packs, with a rider or unsaddled, the horses are distinguished by a wide variety of decorative methods. The light coloured pattern which embellishes the buff surface of the figures shows a high decorative technique made possible only by life-long experience through inherited traditions. The methods of decorating toys are similar to those of pottery. We find the same waving “snake” pattern, as well as those of the “tooth” and the “partridge”, though strokes, spirals and starlets predominate. Due to the complicated shape of the figures, the simplest decoration looks equally bold and elegant.

30
Игрушка „Женщина на ослике“. Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1960

31
Игрушка „Женщина на ослике“. Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1960

30
«Femme à dos d'âne» (jouet). Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe blanche. Lakiens, v. de Balkhar. 1960

31
«Femme à dos d'âne» (jouet). Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe blanche. Lakiens, v. de Balkhar. 1960

30
Woman Riding a Donkey, a toy. Fumed and polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1960.

31
Woman Riding a Donkey, a toy. Fumed and polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1960

К новым сюжетам, не встречавшимся ранее, следует отнести „Женщину на ослике“. Женская фигурка составляет обобщенную и очень цельную скульптурную композицию с животным. Метко и образно подмечены характерные черты домашних животных — коров, козлика. Особую группу составляют сказочные образы — персонажи лакских народных сказаний. Неистощимая фантазия мастериц наделила эти существа лапами диких зверей, крыльями птиц, человеческими головами.

Parmi les nouveaux sujets, inconnus auparavant, il faut mentionner la femme montée sur un âne. Le personnage féminin forme avec sa monture un ensemble très conventionnel et monolithique. Les traits particuliers des principaux animaux domestiques — vaches, cabris — sont fort bien saisis et reproduits. Un groupe à part est formé par les figurines représentant des personnages de contes folkloriques lakiens. La fantaisie intarrissable des artisans a donné à ces êtres des pattes de fauves, des ailes d'oiseaux et des têtes humaines.

Quite a new decorative theme with animal motifs is illustrated, for instance, by the integral and generalized composition of a woman riding a donkey. The characteristics of the domestic animals (cows, a kid) are usually executed with great exactness. A special group of figures represents the personages of Lak folk tales. These women artists revealed their talent by making curious fantastic beings, some with paws of wild animals, some with birds' wings and human heads.

32
Игрушка „Корова“. Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1960

33
Игрушка „Козлик“. Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1960

32
«Vache» (jouet). Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe blanche. Lakiens, v. de Balkhar. 1960

33
«Cabri» (jouet). Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe blanche. Lakiens, v. de Balkhar. 1960

32
Cow, a toy. Fumed and polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1960

33
Kid, a toy. Fumed and polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1960

Мелкая пластика — глиняная игрушка села Балхар свидетельствует о многогранности и больших творческих возможностях лакских мастериц.

34 Игрушка „Сидящий горец“. Керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1962

35 Игрушка „Птичка“. Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1960-е гг.

36 Игрушка „Птичка“. Керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1960-е гг.

37 Игрушка „Птица“. Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1966

Les figurines-jouets du village de Balkhar montrent le grand diapason et les dons artistiques des artisanes lakiennes.

34 «Montagnard assis» (jouet). Céramique, lustrage, peinture à engobe. Lakiens, v. de Balkhar. 1962

35 «Oiselet» (jouet). Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe. Lakiens, v. de Balkhar. Années 1960

36 «Oiselet» (jouet). Céramique, lustrage, peinture à engobe blanche. Lakiens, v. de Balkhar. Années 1960

37 «Oiseau» (jouet). Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe blanche. Lakiens, v. de Balkhar. 1966

The small earthenware carvings produced in the village of Balkhar testify to their versatility and show the rich creative resources of the Lak master craftsmen.

34 Highlander Seated, a toy. Polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1962

35 Bird, a toy. Fumed and polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1960

36 Bird, a toy. Polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1960

37 Bird, a toy. Fumed and polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar

С изготовлением игрушек связывает народная молва возникновение керамического промысла в лакском селении Балхар.

— Было это в давние времена. В доме, что в верхней части аула, жил человек по имени Калкучи. Как и все жители аула жил он в бедности, ибо земля давала плохие урожаи, а промыслами горцы никакими не занимались. В одних аулах разводили много овец и ткали из шерсти ковры, вязали носки, валяли войлоки. В других, где было много дерева, — искусно резали посуду и лари для зерна. С чего начать? — думал Калкучи, сидя на берегу озера. И упал взгляд его на глинистый берег, где ребятишки лепили разные фигурки птиц, лошадок, людей. Нигде больше такой вязкой и жирной глины не было, как на этом озере. И принялся Калкучи за дело: сделал крепкий круг из ствола ореха, принес много глины, запасся водой и приступил к изготовлению горшков и кувшинов.

После обжига повез он в дальние горные аулы свои изделия и продал по хорошей цене. А вскоре и все жители научились делать сначала простую, а потом и расписную посуду. Так гончарное ремесло стало кормить все селение.

C'est à la fabrication des jouets que la légende rattache l'apparition de la céramique dans le village lakien de Balkhar.

— C'était il y a très longtemps. Un homme du nom de Kalkoutchi vivait dans une maison au haut de l'aoul. Comme tous les habitants de l'aoul il était pauvre, car la terre donnait de mauvaises récoltes et les montagnards ignoraient tout de l'artisanat. Il y avait des aouls où l'on élevait en grand nombre les moutons et tissait des tapis, tricotait des chaussettes, foulait des feutres avec leur laine. Dans d'autres aouls, où il y avait beaucoup de bois, on sculptait artistiquement des objets de vaisselle et des coffres pour le grain. «Par quoi commencer?» se demanda Kalkoutchi, assis au bord du lac. Et son regard tomba sur la rive argileuse où des gosses modelaient des figurines d'oiseaux, de chevaux, d'hommes. Ce lac possédait l'argile la plus malléable et la plus grasse du pays. Et Kalkoutchi se mit à l'œuvre: il fit d'un tronc de noyer un tour solide, apporta beaucoup d'argile, fit des réserves d'eau et commença à façonner des pots et des jarres.

Après les avoir cuits, il les porta dans les lointains aouls de montagne et les vendit pour un bon prix. Très vite tous les habitants apprirent à fabriquer de la vaisselle, d'abord simple, puis peinte. C'est ainsi que la poterie devint le gagne-pain de tout le village.

The folklore associates the beginnings of the ceramic craft in the Lak village of Balkhar with the making of toys. In the olden times, the story goes, in a shack in the village's upper section there lived a man named Kalkuchi. Like all villagers he was poor, as the land yielded poor crops and the highlanders practiced no crafts. In some villages they would breed lots of sheep and weave rugs out of the wool and knit socks and make felts. In others where wood was plentiful, they would deftly carve utensils and grain-bins. "What am I to begin with?" thought Kalkuchi sitting on the bank of a lake, when his gaze fell on the clayey beach where children were making toy figures of birds, horses and men. Nowhere was the clay nearly so fatty and viscous as on this lake. And Kalkuchi got down to business: he made a hard circle out of the nut wood, stocked himself with clay and water and began making bowls and jars. After baking he took his merchandize to far-off highland villages and sold it at a good price. Shortly afterwards all villagers learned to make first simple, and then decorated pottery. Thus the whole village came to feed on the craft of potting.

38
Игрушка „Зверь“. Керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1965

39
Игрушка „Кукла“. Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1966

40
Игрушка „Кормящая мать“. Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1962

41
Игрушка „Зверь“. Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись. Лакцы, с. Балхар. 1966

38
«Animal» (jouet). Céramique, lustrage, peinture à engobe blanche. Lakiens, v. de Balkhar. 1965

39
«Poupée» (jouet). Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe blanche. Lakiens, v. de Balkhar. 1966

40
«Mère allaitant» (jouet). Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe blanche. Lakiens, v. de Balkhar. 1962

41
«Animal» (jouet). Céramique enfumée, lustrage, peinture à engobe blanche. Lakiens, v. de Balkhar. 1966

38
Beast, a toy. Polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1965

39
Doll, a toy. Fumed and polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1966

40
Nursing Mother, a toy. Polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1962

41
Beast, a toy. Fumed and polished white slipware. Lak work from the village of Balkhar. 1966

Изделия из металла

Искусство обработки металла широко развито в Дагестане повсюду и имеет многовековую историю.

Среди старожил Гочатля живет предание о возникновении медно-чеканного промысла в селении. Будто бы одиннадцать поколений назад посуду в Гочатле делали только из дерева, и чтобы греть воду, приходилось бросать в нее раскаленные камни. Но вот однаж-

Métaux

Les métaux artistiques sont fort développés partout au Daguestan et possèdent une longue histoire.

Les vieux de Gotsatl se souviennent encore de la légende sur l'apparition de l'industrie du cuivre bosselé dans le village. Onze générations auparavant, on ne faisait à Gotsatl que de la vaisselle de bois et, pour bouillir l'eau, il fallait jeter dedans des pierres chauffées à blanc. Mais voilà

Decorative Metalwork

The art of decorative metalwork was developed early in Daghestan. Among the old-timers in Gotsatl the legend is still alive about the origination of the copper-chasing craft there. It says that eleven generations ago pottery was made in Gotsatl only of wood, so that red-hot stones had to be placed there in order to warm up water. But once many captives were brought to the village and some of them were craftsmen but the Gotsatlans could not tell them among the

ды было захвачено много пленников и среди них были ремесленники, но кто — гоцатлинцы не знали. И тогда самый старый житель селения сказал — „я узнаю“. И велел он узкую тропинку, ведущую в селение, посыпать древесным углем. Пленникам же велел пройти по этой тропинке и, когда прошли они — осмотрел их ноги и сказал: „Настоящие мастера знают цену углю. У кого ступни чистые, кто не давил уголь — те мастера“. И первым мастером на гоцатлинской горе был Ахкубек, потом стал Муса и много других мастеров, которые ковали медные котлы. А пять поколений назад гоцатлинские медники стали делать медные луженые кувшины с чеканным и гравированным узором.

Археологические раскопки в равнинной прикаспийской полосе, на Чиркейском поселении, Сигитлинском, Верхнегунибском и других поселениях свидетельствуют о том, что еще в конце III — начале IV тыс. до н. э. Дагестан располагал развитой культурой изготовления вещей из бронзы. Наконечники копий, боевые топоры, кинжалы и украшения отличались сложной формой и орнаментом.

Многочисленные бронзовые культовые статуэтки людей и животных, найденные в аварских, лакских и даргинских селениях, говорят о наличии значительных очагов бронзового литья в самых высокогорных районах Дагестана в I тыс. до н. э.

qu'un jour le village captura un grand nombre de prisonniers et il y avait parmi eux des artisans, seulement les Gotsatliens ne savaient pas qui. Alors l'habitant le plus vieux du village dit: «je vais les trouver». Et il ordonna de saupoudrer un sentier étroit conduisant au village avec du charbon de bois. Puis il donna aux captifs l'ordre de marcher sur ce sentier. Quand ce fut fait, il examina leurs pieds et dit: «Les vrais artisans connaissent le prix du charbon. Ceux qui ont les pieds propres, ceux qui n'ont pas foulé le charbon sont des artisans». Et le premier artisan de la montagne gotsatlienne s'appela Akhkoubek, puis il y eut Moussa et de nombreux autres artisans qui forgeaient des chaudrons de cuivre. Et, il y a cinq générations, les chaudronniers de Gotsatl se mirent à fabriquer des jarres étamées de cuivre avec dessin bosselé et gravé.

Les fouilles archéologiques effectuées dans les plaines le long de la Caspienne, aux lieux-dits de Tchirkeï, de Siguitline, de Verkhni gounib etc. ont prouvé qu'à la fin du IVe et au début du IIIe millénaire avant n. è. le Daguestan avait une haute culture de fabrication d'objets en bronze. Fers de lance, haches de guerre, poignards et parures se distinguaient par une forme et une ornementation complexes. Les multiples statuètes religieuses représentant des hommes et des bêtes trouvées dans des localités avares, lakiennes et dargiennes témoignent de l'existence de centres importants de coulage du bronze dans les régions les plus montagneuses du Daguestan au Ier millénaire avant n. è.

crowd. Then the oldest villager said, "I shall know", and told them to spread charcoal all along the narrow path leading to the village. The captives were told to go up the path and after they did so he examined their feet and said, "True masters should know the price of coal. Those who have clean soles who did not crush the coal—they are the masters". And the first master on the mount of Gotsatl was Ahkubek, then came Musa and many other masters who forged tin cauldrons. And five generations ago the Gotsatl craftsmen learned to tin copper cauldrons with a chased or engraved design. Archaeological finds in the plain around the Caspian Sea and on the sites of the Cherkeisky, Sigitlinsky, Verkhnegunibsky and other former settlements show that even at the late 3rd millennium B.C. and in the early 4th millennium B.C. Daghestan was familiar with bronze manufacturing. Bronze spear heads, axes, daggers and ornamental pieces are distinguished by a variety of forms and methods of decoration. Daghestan bronze statuettes of human beings and animals (originally amuletic bronzes that were buried with the dead) have survived in large numbers in the ancient Avar, Lak and Darghin settlements that tells us of notable bronzework centres existing in the Alpine areas of Daghestan as early as 1st millennium A.D.

Владение сложными техническими приемами и высокий художественный уровень бронзовых фигурок, поясных пряжек с зооморфным орнаментом и украшений свидетельствует о тенденции к выделению ремесла в самостоятельную отрасль хозяйства.

1
Культовая фигурка. Бронза, литье.
Конец I тыс. до н. э.

Les procédés techniques compliqués et le grand artisme des figurines de bronze, des boucles de ceinture à ornements zoomorphiques et des bijoux montrent bien que ce métier avait tendance à se transformer en une industrie séparée.

1
Figurine de culte. Bronze, coulage.
Fin du 1er millénaire avant n. è.

The high level of the art and technical skill in making bronze statuettes, belt buckles with animal motifs and ornamental pieces affirms that gradually bronze making became an independent branch of industry.

1
Bronze cult figurine. Casting. Late
1000 B.C.

Последующее развитие металлургии протекало в период включения южных районов Дагестана в Кавказскую Албанию — древнейший союз двадцати шести горских племен. Кроме оружия во II в. н. э. получает расцвет ювелирное производство. Местные ювелиры изготавливают золотые серьги, бронзовые браслеты, височные украшения (Таркинский, Хабдинский, Урцекинский могильники).

2
Культурная фигурка. Бронза, литье.
Конец I тыс. до н. э.

Le développement ultérieur de la métallurgie coïncide avec l'entrée des régions méridionales du Daguestan dans l'Albanie caucasienne, antique alliance de vingt-six tribus montagnardes. A part l'armurerie, se développe aussi au IIe siècle de n. è. la bijouterie. Les joailliers daguestannais fabriquent des boucles d'oreille en or, des brasselets de bronze, des pendentifs temporaux (sépulcres de Tarkine, de Khabadine, d'Ourtsékine).

2
Figurine de culte. Bronze, coulage.
Fin du Ier millénaire avant n. è.

In the 2nd millennium A.D. when the south regions of Daghestan were annexed to Caucasian Albania which consisted of an ancient union made up of twentysix mountaneers' tribes, the art of founding shows large technical development. Not only in the making of weapons, but in the delicate ornaments of the goldsmith's art did the mountaneers excel all others. Daghestan jewellers made gold ear-rings, bronze bracelets, temple rings (found in Tarkin, Khabadin and Urtsekin cemetery mounds).

2
Bronze cult figurine. Casting. Late
1000 B.C.

Расцвет ремесла и торговли Кавказской Албании способствовал возникновению ряда крупных очагов ремесленного производства, непосредственно предшествующих таким центрам металлообработки, как „Зирихгеран“ (страна кольчужников) — нынешнее село Кубачи.

В эпоху раннего средневековья кубачинские жители далеко за пределами Дагестана были известны как мастера кольчуг, панцирей, стремян, удил, мечей.

3
Пряжка пояса. Бронза, литье. II—I тыс. до н. э.

4
Пряжка пояса. Бронза, литье. II—I тыс. до н. э.

L'épanouissement de l'artisanat et du commerce en Albanie caucasienne a contribué à l'apparition de nombreux centres artisanaux importants, précurseurs directs de centres métallurgiques tels que le «Zirikhguéran» (le pays des faiseurs de cottes de maille), l'actuel Koubatchi.

Au début du Moyen-Age, les habitants de Koubatchi étaient déjà célèbres bien au-delà du Daguestan en tant que remarquables fabricants de cottes de maille, de cuirasses, d'étriers, de mors, d'épées.

3
Boucle de ceinture. Bronze, coulage. IIe—Ier millénaires avant n. è.

4
Boucle de ceinture. Bronze, coulage. IIe—Ier millénaires avant n. è.

Due to the great emphasis on different crafts and trade in Caucasian Albania, a series of notable industrial centres was created, the development of such centres of bronze-working industry as Zirigheran (*Armourers' Country*), and the modern Kubachi naturally followed soon after.

During the Middle Ages Kubachi was widely known in Daghestan and abroad as a significant bronze-working centre where chain mails, coats of mail, swords and the like, were produced.

3
Bronze belt buckle. Casting. 2000—1000 B.C.

4
Bronze belt buckle. Casting. 2000—1000 B.C.

Подлинного пластического совершенства достигает литейное искусство кубачинцев в изготовлении так называемых албанских бронзовых котлов в XI—XIII вв. На рельефах многих котлов изображены животные, птицы, крылатые грифоны, барсы, геральдические сцены со львами, воины-всадники. Скульптурные детали подтверждают преемственность бронзовой культовой пластики Нагорного и Северного Дагестана.

Наиболее ранние котлы имели почти шаровидную форму, украшенную рельефными изображениями. Полоски скрывали швы отдельно отлитых частей сосуда. Котлы более позднего типа утратили изобразительные сюжеты, их форма стала более приземистой. Такого рода котлы употреблялись как необходимая утварь в связи с большими праздничными или ритуальными общественными трапезами.

5
Ритуальный котел. Бронза, литье.
Даргинцы, с. Кубачи. XVI в.

Mais c'est dans le coulage du métal que les Koubatchiens atteignent une véritable perfection plastique en fabriquant les chaudrons de bronze «albanais» des XIe—XIIIe siècles. Les reliefs de nombreux chaudrons représentent des animaux, des oiseaux, des griffons, des panthères, des scènes héraldiques avec lions, des soldats montés. Les détails sculptés confirment leur lien avec la plastique en bronze de culte du Daguestan montagneux et du Nord.

Les chaudrons les plus anciens avaient une forme presque sphérique décorée de reliefs. Des bandes cachaient les coutures des parties du récipient coulées séparément. Les chaudrons plus récents perdirent leurs reliefs figuratifs et devinrent plus trapus. Ils étaient utilisés lors des festins festifs et rituels rassemblant toute la communauté.

5
Chaudron rituel. Bronze, coulage.
Darguieus, v. de Koubatchi. XVIe s.

It was not until the 11th—13th centuries that the culminating stage in bronze casting was reached in Daghestan. The smiths were especially skilful in decorating the so-called “Albanian” bronze cauldrons. Ornamented in relief, the vessels were embellished with animals, birds, winged griffons, heraldic scenes with lions, riding warriors, etc. Such raised ornamentation probably takes its origin in the bronze cult figurines which were found in Nagorny Daghestan and in North Daghestan.

The earliest cauldron designs were nearly global in shape and lavishly adorned with relief pictures. Strips covered the seams between separately cast parts of the vessel. In more recent times cauldron designs dropped artistic subjects and their shape became more down-to-earth. Such cauldrons made a necessary utensil at large festive or ritual public meals.

5
Bronze ritual cauldron. Casting. Darghin work from the village of Kubachi. 16th century

Не менее древним по своему происхождению является литой светильник, сохранивший, однако, до начала XX в. свою функцию фонаря. В его длинное горлышко вкладывается войлочный или тряпичный фитиль, обильно смоченный маслом или нефтью. По своим пропорциям форма светильника близка к античной. К средней части светильника бывает прикреплена цепочка, соединенная с металлической палочкой для регулирования пламени. Иногда конец цепочки удерживает клювом фигурка птички — изображение, восходящее по своим традициям к домусульманскому почитанию птицы как символа неба, света. Бока изделия часто украшались лаконичным рельефным орнаментом, а во второй половине XX в. — гравированным узором растительного характера.

Большую группу изделий из металла в Дагестане составляет медночеканная посуда. В XII в. широко известными медночеканными производствами становятся даргинское село Кубачи, мехское село Кумух, позднее — аварское село Гоцатль. Чеканная утварь широко бытовала в каждом дагестанском селении. Такое распространение объясняется ее практичностью: хорошо лудится, легко правится, при необходимости может быть сплавлена и выкована заново, нарядный вид и, наконец, относительная близость крупных разработок меди — Алавердских, Зангезурских и других рудников. Следует иметь в виду, что в таких селениях, как Кубачи, традиция чеканки восходит к временам изготовления панцирей и шлемов, хотя большая часть сохранившихся медночеканных изделий относится к XVIII—XX вв.

До середины XIX в. посуда выковывалась из куска меди и лишь после установления регулярных торговых отношений с Россией утварь стала чеканиться из красной листовой меди и латуни.

Non moins ancienne quant à son origine est la lampe coulée qui a conservé jusqu'au début du XXe siècle sa fonction de source de lumière. On introduisait dans son long bec une mèche de feutre ou de toile abondamment imbibée d'huile ou de pétrole. Par ses proportions elle ressemblait beaucoup à la lampe antique. Une chaînette était souvent fixée à la partie médiane de la lampe avec à son bout une petite tringle métallique pour régler la hauteur de la flamme. Parfois l'extrémité de la chaînette est tenue dans le bec par un petit oiseau, personnage remontant à des traditions antémusulmanes, au temps où l'oiseau était vénéré comme symbole du ciel et de la lumière. Les flancs de l'objet étaient souvent couverts d'ornements laconiques en relief, puis, dans la deuxième moitié du XXe s., par un dessin végétal gravé.

La vaisselle en cuivre bosselé est un autre groupe important d'articles métalliques en usage au Daguestan. Au XIIe siècle, le village darguien de Koubatchi, le village mekhien de Kojmoukh et, plus tard, le village avar de Gotsatl deviennent des centres renommés du cuivre bosselé. Les objets bosselés étaient fort utilisés dans chaque hameau du Daguestan. Ce succès était dû à leurs grandes qualités pratiques: faciles à étamer, à corriger, à fondre et reforger le cas échéant, élégantes; en outre, les grandes mines de cuivre d'Alaverdy, de Zanguézour etc. étaient très proches. Il faut noter que dans des localités telles que Koubatchi, la tradition du bosselage remontait à une époque où on y fabriquait des cuirasses et des heaumes, bien que le majeure partie des objets en cuivre bosselé que nous possédons ne date que des XVIIIe—XXe siècles.

Jusqu'au milieu du XIXe siècle, la vaisselle était forgée à partir de morceaux de cuivre, mais après l'instauration de relations commerciales régulières avec la Russie, on se mit à la bosseler dans de la tôle de cuivre rouge ou de laiton.

No less ancient in its origin is cast lamp which continued into the early 20th century in its main function of a lantern. A felt or fabric wick heavily soaked with oil or petrol was inserted into its neck. The proportions of the lamp came close to antique ones. Not infrequently a chain was fastened to the medium section of the lamp to connect it with a metal stick for flame control. Sometimes the end of the chain was held in its beak by a bird, an image that can be traced down in the Moslem tradition to the pre-Moslem worship of the bird as a symbol of the sky and light. On its side the lamp had a laconic relief ornament which gave place after the mid-20th century to a engraved vegetation design.

Copper-chased ware constitutes an extensive group in Daghestanian metalware. In the 12th century widely famous centres of copper making were the Darghin village of Kubachi, the Mekh village of Kumukh and, in more recent times, the Avar village of Gotsatl. Chased utensils found extensive applications in any Daghestan settlement. This popularity of copper-chased articles is rooted in their practicability: they are easy to tin-coat or dress, or, if necessary, to melt and forge anew; they were pleasing to an eye and, after all, large copperfields were quite near at hand—the quarries of Zangezour, Alaverdi and others. Notably, in villages like Kubachi the tradition of chasing goes down to the time of making armour and helmets although copper-chased pieces date mostly from the 18th—20th centuries.

Till the mid-19th century pottery was forged of copper slabs and it was not before regular trade relations were established with Russia that it began to be minted out of red copper sheets or brass.

6
Светильник. Бронза, литье. Даргинцы, с. Кубачи. XVIII в.

7
Светильник. Бронза, литье, гравировка. Даргинцы, с. Кубачи. XIX в.

6
Lampe. Bronze, coulage. Darguiens v. de Koubatchi. XVIIIe s.

7
Lampe. Bronze, coulage, gravure. Darguiens, v. de Koubatchi. XIXe s.

6
Bronze lamp. Casting. Darghin work from the village of Kubachi. 18th century

7
Bronze lamp with engraved design. Casting. Darghin work from the village of Kubachi. 19th century

Основной ассортимент медных изделий составляли большие водоносные кувшины, кувшины-водолеи, маленькие кувшинчики для питья, кухонная утварь, включающая разного рода миски, чаши и котлы, а также большие настенные блюда из красной, потемневшей от времени меди с крупным выразительным орнаментом, служащие украшением комнат.

В своей композиции узор кубачинского подноса XVIII в. во многом наследовал принцип чеканки древней Кавказской Албании: центральный „крутящийся“ солярный мотив, фриз с рельефно выступающими элементами узора, равномерное заполнение деталями широкого края изделия.

⁸
Поднос. Медь, полуда, чеканка.
Даргинцы, с. Кубачи. XVIII в.

Les articles de cuivre sont surtout de grandes jarres à eau, des brocs versoirs, des pichets à boire, de la vaisselle de cuisine comprenant toutes sortes d'écuelles, de coupes et de chaudrons, ainsi que de grands plats muraux servant à décorer les chambres.

Les plats muraux bosselés dans du cuivre rouge noirci par le temps couverts de grands dessins expressifs faisaient partie intégrante de la décoration intérieure des habitats montagnards. Du point de vue de la composition, le plat de Koubatchi du XVIIIe s. a hérité pour une grande part les principes de bosselage de l'antique Albanie caucasienne: motif solaire «tournant» au milieu, frise à décoration en relief, remplissage uniforme du large bord de l'objet à l'aide de détails décoratifs.

⁸
Plateau. Cuivre, étamage, bosselage.
Darguiens, v. de Koubatchi. XVIIIe s.

The principal assortment of copper utensils included large water jars, ewers, little drinking mugs, kitchen utensils, such as all kinds of tin plates, bowls and cauldrons, as well as large mural dishes for decoration. Minted out of red, time-blackened copper with large, expressive relief, wall dishes made an ever-present component of the appointment of highlanders' homes. By its composition the decor of a 18th-century Kubachi dish would follow the chasing tradition of Caucasian Albania, having a central "whirling" solar motif, a frieze with outstanding relief decoration elements and decoration details spread uniformly about the broad edge of the piece.

⁸
Copper tray. Chasing, tinning, Darghin work from the village of Kubachi. 18th century

Самые большие кубачинские чеканные сосуды — водоносные кувшины — имеют совершенно необычную форму, настолько странную, что легенда об устрашении врага, принявшего их за пушки, кажется не лишённой основания.

Этот сосуд, как и почти все предметы прикладного искусства Дагестана, несёт черты древнего, несколько архаичного искусства, связанного с антропоморфным значением предметов. В кувшине угадывается фигура человека: и в общих пропорциях, и в напоминающей черты человеческого лица расчеканке верхней наливной части, образующей „нос“ и „брови“, и в прикрепленных кусочках полированной латуни, как бы образующих ожерелье. Женские серебряные украшения аналогичного типа распространены по всему Дагестану. Крышка кувшина, входящая в слив сосуда, бесспорно имеет сходство с головным убором и напоминает завершия стел, имитирующие чалму.

9
Водоносный кувшин. Латунь, чеканка, клепка. Даргинцы, с. Кубачи. XIX в.

Les plus grands recipients bosselés de Koubatchi, les jarres servant à porter l'eau, ont une forme tout-à-fait extraordinaire, et la légende selon laquelle elles auraient servi à intimider l'ennemi qui les prenait pour des canons a peut-être du vrai.

Ce récipient, comme presque tous les objets d'arts appliqués du Daguestan, conserve des traits antiques, archaïques, liés à la signification des objets anthropomorphes. On devine dans la jarre un corps humain: les proportions générales, le bosselage de la partie supérieure rappelant des traits humains avec un «nez» et des «sourcils», les petits morceaux de laiton poli formant une espèce de collier contribuent à créer cette impression. Des bijoux féminins du même type que le collier mentionné sont répandus dans tout le Daguestan. Le couvercle de la jarre, qui pénètre dans le goulot, ressemble sans conteste à un couvre-chef et rappelle les couronnes de stelles imitant des turbans.

9
Jarre porte-eau. Laiton, bosselage, rivetage. Darguiens, v. de Koubatchi. XIXe s.

Water-carrying jars, the biggest item of the Kubachi forging, have an altogether uncommon shape which is so extraordinary that the legend of horrifying the enemy into believing them to be cannons seems to have a good point to it.

In common with almost all pieces of Daghestan applied art, this jar has many traits of an ancient, somewhat archaic art arising from the antropomorphic significance of objects. In the jar man's figure is discernible—in its overall proportions, in the chasing pattern the upper, in-pour section which recalls clearly a human face, having “a nose” and “brows”, in the attached pieces of polished brass as if forming a necklace. Similar feminine decorations are common throughout Daghestan. The cover that fits into the sink of the jar resembles beyond mistake a head dress and is patterned after the turban-like tops of steles.

9
Tin water-carrier. Chasing, riveting. Darghin work from the village of Kubachi. 19th century

Оригинален по форме кубачинский сосуд, напоминающий ведро. В прошлом он имел обрядовое назначение и до самого последнего времени употреблялся на свадьбах. Наполненные мукой, крупой, сахаром, с большим числом ложек, воткнутых рукоятками вниз, ведерки торжественно приносились в числе приданого. Спустя сорок дней содержимое их раздавалось жителям селения. Если невеста была богата, в приданое включалось ведро, наполненное серебряными кольцами, браслетами, серьгами и другими драгоценными украшениями.

Ведерки обычно занимают самую верхнюю полку комнаты и служат у кубачинцев доказательством зажиточности хозяина. В большинстве домов число их колеблется от четырех до десяти. Сосуды всегда начищены до блеска. У кубачинцев еще живо поверье, что нечищенная посуда привлекает злых духов, блеска же утвари они боятся, поэтому хозяйка натирает толченым древесным углем сосуды с таким усердием, что большинство из них, относящихся к первой половине XIX в., на выпуклых местах протерто до дыр.

Основной мотив орнамента, повторяющийся почти на всех сосудах, напоминает „копытца“, объединенные точечным узором, образующим полукружия, звездочки и пояса.

10
Ведро для хранения продуктов.
Латушь, чекапка, клепка. Даргинцы,
с. Кубачи. XIX в.

Ne manque pas d'originalité non plus le récipient koubatchien en forme de seau. Il était utilisé jadis pour des besoins rituels et a jusqu'à ces tous derniers temps été employé aux noces. Remplis de farine, de semoule, de sucre avec un grand nombre de cuillers plantées dedans la poignée vers le bas, ces seaux étaient solennement apportés avec la dot. Quarante jours après, leur contenu était distribué aux habitants du village. Si la fiancée était riche, on ajoutait à la dot un seau rempli d'anneaux, de brasselets, de boucles d'oreilles et d'autres bijoux en argent.

Les seaux occupent d'ordinaire l'étagère supérieure de la chambre et servent aux Koubatchiens de preuve de leur «standing». Leur nombre dans la majorité des maisons varie de quatre à dix. Le seau est toujours poli à fond. Les Koubatchiens croient encore que la vaisselle dépolie attire les mauvais esprits qui craignent la vaisselle brillante, c'est pourquoi la maîtresse de maison lustre les ustensils avec du charbon de bois pilé avec tant de zèle que la majorité de ceux qui datent de la première moitié du XIXe s. ont des trous sur les endroits en relief.

Le motif principal de l'ornementation qu'on trouve sur presque tous les ustensils rappelle de «petits sabots» reliés par des lignes de points formant des demi-cercles, des étoiles et des ceintures.

10
Petit seau pour la conservation des
aliments. Laiton, bosselage, rivetage.
Darguiens, v. de Koubatchi. XIXe s.

A Kubachi vessel, a replica of a pail, features an uncommonly original shape. In the past times it had ritual significance and was used at weddings until recently. Filled with flour, cereals or sugar, with numerous spoons stuck handles down, the pails were solemnly presented among the dowery. Forty days after the wedding their content was distributed among the co-villagers. When the bride was rich her dowry comprised a pail filled with silver rings, bracelets, ear-rings and other precious knick-knacks.

The pail is placed usually on the top rack in the room and gives an indication of the host's well-being. In most Kubachi households their number varies from four to ten. The vessel is always polished to the point of shining. A belief is still alive among Kubachinians that unpolished dishes attract evil ghosts while the shine scares them, so the housekeeper rubs the vessels with crushed charcoal with such zeal that most of them which date back to the former half of the 19th century are rubbed down to holes at prominent places.

The chief ornamentation motif, to be found on almost all vessels, recalls "little horse-shoes" united with a dotted pattern which forms semi-circles, starlets and girdles.

10
Tin storage pail. Chasing, riveting.
Darghin work from the village of
Kubachi. 19th century

Гораздо богаче и разнообразнее орнамент небольшого кувшина-водолея „кунне“. Характерная особенность кувшина — носик, непривычно загнутый, казалось бы в обратную сторону. Такой изгиб носика дает возможность дальше отбросить струю воды и не пролить ее, когда кувшин, подвешенный за ручку на цепь очага, находится в наклонном положении. Упругий изгиб волнообразного стебля с трехлепестковыми цветками, обвивающими сосуд, обрамлен чеканными „веревочками“, дугообразная гофрировка выигрышно отражает свет на изломе формы, а крышка увенчивается изображением птички.

Изображение птицы очень часто встречается у дагестанских народов и везде увязывается с представлением о небе, солнце, природе. Эта скульптура изготовлена в технике литья в земляной форме методом оттиска и приклепана к сфере крышки.

В отличие от кубачинских медночеканщиков, обслуживающих свой внутренний рынок, мастера-медники сел Гоцатль и Ичичали издавна обеспечивали посудой не только Средний и Северный нагорный Дагестан, но и соседнюю Чечено-Ингушетию. В число художественных изделий, изготавливаемых в этих селениях, в XIX—XX вв. входят в основном медночеканные гравированные кувшины. Каждый аварский медночеканщик владеет изготовлением десяти-пятнадцати видов больших водоносных кувшинов и маленьких кувшинчиков для умывания и питья.

Bien plus riche et plus variée est l'ornementation du petit broc versoir «kounné». Son trait particulier: le bec courbé, semble-t-il, dans le mauvais sens. Cette forme du bec permet de conférer un plus grand élan au jet d'eau et de ne pas éclabousser celle-ci lorsque le broc, suspendu par son anse à la chaîne du foyer, est incliné. Un rameau onduleux avec fleurs à trois pétales enlace l'ustensil et est encadré de petites «ficelles» bosselées, le gaufrage en arc reflète avantageusement la lumière sur les cassures de la forme et le couvercle est couronné par un petit oiseau.

Ces oiseaux, on les rencontre partout chez les peuples daguestannais et ils sont partout liés à l'idée du ciel, du soleil, de la nature. Cette petite sculpture a été coulée dans un moule de terre par la méthode d'empreinte, puis rivetée à la sphère du couvercle.

A la différence des bosselleurs sur cuivre de Koubatchi qui desservaient leur marché intérieur, les chaudronniers des villages de Gotsatl et d'Ichitchali fournissaient depuis des temps très anciens de la vaisselle non seulement au Daguestan montagneux Moyen et du Nord, mais aussi à la Tchétchéno-Ingouchie voisine. Parmi les objets d'art fabriqués dans ces localités aux XIXe—XXe siècles figurent surtout des jarres gravées en cuivre bosselé. Chaque bosselleur sur cuivre d'Avarie sait fabriquer de dix à quinze espèces de grandes jarres pour porter l'eau et de petits brocs pour les ablutions et la boisson.

A much more variegated and ingenious is the ornament of a small kunne ewer. Its distinctive feature, a spout, has so uncommon a bend that it seems to be reverted. Such a bend of the spout permits to cast farther the flow of water and not to spill it when the jug that hangs by the handle on the chain of the fireplace assumes an inclined posture. A springy bend of the wavy stem with three-petal flowers entwining the vessel is adorned with chased "strings"; arc-like frill adds to the effect by reflecting light at the fracture of the form and the lid is crowned with the bird image. The bird image is quite common for Daghestanians and is everywhere associated with the notions of the sky, sun and nature. This sculpture is executed in casting techniques in a clay mould by the method of impression and is riveted to the cover sphere.

In contrast with the Kubachi copper-forgers who had in mind their home market, the copper craftsmen in the villages of Gotsatl and Ichichali were time-old suppliers of copperware not only to the Central and North Daghestan but also to the neighbouring Chechen-Ingush area. Art pieces produced in these villages comprise mainly 19th—20th century copper engraved jars.

Each Avar copperworker is skilled in manufacturing some ten to fifteen types of water-carrying jars and little jugs for washing and drinking.

11
Кувшин-водолей „кунне“. Латунь, чеканка, клепка. Даргинцы, с. Кубачи. XIX в.

11
Broc versoir à eau «kounné». Laiton, bosselage, rivetage. Darguiens, v. de Koubatchi. XIXe s.

11
Tin Kunne water carrier. Chasing, riveting. Darghin work from the village of Kubachi. 19th century

Почти каждое аварское селение имеет свою излюбленную форму кувшинов. Местный житель, знающий „моды“ и обычаи окрестных селений, бросив беглый взгляд на стоящие в доме кувшины, сразу может сказать, с кем и когда семья вступила в родство. В селениях Ичичали, Аргвани, Мехельта распространены водоносные кувшины „чечен“, с очень высоким поддоном и туловом, переходящим в широкий раструб. Крупный гравированный растительный узор покрывает верхнюю часть его тулова. Плавно вьющиеся стебли своим характером напоминают орнамент аварских могильных стел, имеющих несомненно более древнюю историю, нежели гравировка по меди в этих районах.

12
Водоносный кувшин формы „чечен“. Медь, полуда, чеканка, гравировка. Аварцы, с. Ичичали. 1958

Presque chaque hameau avar possède sa forme préférée de jarre. L'habitant qui connaît les «modes» et les usages des localités voisines peut du premier coup d'œil indiquer quand et avec des habitants de quel village une famille est entrée en parenté. Dans les hameaux d'Itchitchali, d'Argvani, de Mékhelta, on aime les jarres à eau «tchéchen» avec haut support et tronc passant progressivement en un large évasement. Un dessin végétal gravé à gros éléments couvre la partie supérieure du tronc. Les tiges souples rappellent par leur caractère l'ornementation des stèles tombales avars qui sont nettement plus anciennes dans cette région que la gravure sur cuivre.

12
Jarre porte-eau du type «tchéchen». Cuivre, étamage, bosselage, gravure. Avars, v. d'Itchitchali. 1958

Nearly each Avar village favours a particular shape of jars. In fact, an old-time well-versed in the “vogues” and customs of the locale needs a furtive glance at the jars in someone's home to tell who and how long has been the family's next of kin. In the villages of Ichichali, Argvani and Mekhelta people use extensively water-carrier of “chechen” design, featuring an unusually high base and the body that passes into a wide mouth. A large engraved vegetation pattern covers the upper part of the jar's body. Evenly flowing stems resemble the ornament of Avar burial steles which have an undoubtedly longer historic record behind them than copper engraving has in these areas.

12
Copper chechen ju water-carrier. Tinning, chasing, engraving. Avar work from the village of Ichichali. 1958

Иными декоративными особенностями обладает большой водоносный кувшин, изготовленный современным аварским медником в Гочатле. Гочатлинский кувшин строг по пропорциям. Его цилиндрическое горло с несколькими перехватами увенчано сферической крышкой, поддон зрительно четко отделен от широкого — формы луковицы — тулова. Кованная из толстой меди, плоская ручка охватывает слив и легким изгибом ложится на тулово. В середине она слегка расплющена для задержки тесьмы, укрпляющей кувшин на спине.

Верхняя часть тулова расчеканивается уплощенными формами, напоминающими кокошники, обращенные остриями вниз. Их плоскости заполнялись гравированным орнаментом, включающим, помимо растительных, много элементов узора, зачастую значительно большей давности, нежели само изделие, которое они украшают. Это — солярные розетки, диски, спирали и звезды.

La grande jarre à eau fabriquée par un chaudronnier avar contemporain du village de Gotsatl possède d'autres particularités décoratives. Ses proportions sont sévères. Son goulot cylindrique à plusieurs ceintures est couronné par un couvercle sphérique, le support est clairement détaché du tronc large en forme d'oignon. L'anse plate, forgée dans du cuivre épais, ceint le goulot et, après une courbe gracieuse, se pose sur le tronc. Au milieu elle a été légèrement aplatie pour que tienne la tresse fixant la jarre au dos du porteur.

La partie supérieure du tronc est bosselée en formes simplifiées rappelant des kokoshniks (coiffure féminine russe) aux pointes tournées vers le bas. Leurs superficies sont remplies de dessins décoratifs gravés comprenant des motifs non seulement végétaux, mais aussi païens souvent beaucoup plus anciens que les objets qu'ils ornent: rosettes solaires, disques, spirales et étoiles.

Different decorative patterns mark down the water-carrier design of the present-day Avar coppersmiths in Gotsatl. Of austere proportions and with a cylindrical neck having a few encircling straps and a spherical cover, the jar has a tray which is separated distinctly from a broad onion-shaped body. Forged out of thick copper, its flat handle grips the sink and lies down on the body in a light curve. In the middle it is somewhat flattened to hold the tape that fixes the jar when it is carried on the back.

The upper part of the body is chased with flattened forms which come close to *kokoshniks* (traditional Russian headdress) turned with their points down. Their planes were filled with engraved ornamentation including, besides vegetation, many ornamental elements that date back a great deal farther than the article they decorate. These are rosettes, discs, spirals and stars.

13.
Водоносный кувшин „эрет“. Медь, полула, чеканка, грапировка. Аварцы, с. Гочатль. 1958

13
Jarre porte-eau «éret». Cuivre, étamage, bosselage, gravure. Avars, v. de Gotsatl. 1958

13
Copper eret water-carrier. Tinning, chasing, engraving. Avar work from the village of Gotsatl. 1958

Изображения такого рода еще более присущи небольшому аварскому кувшину-водолею, выполняющему роль умывальника в горском быту. По сравнению с водоносным — изящный, с тонким и длинным горлом и носиком-водосливом, кувшин этот выглядит миниатюрным и более стройным. Длинный и плавный изгиб носика дает возможность пользоваться кувшином не поднимая его, а лишь придавая наклонное положение. Высокая крышка, плотно вставленная в наливную часть горла, не дает воде выплескиваться при

14
Водоносный кувшин „эрет“. Медь, полуда, чеканка, гравировка. Аварцы, с. Гоцатль

Les images de ce genre sont encore plus abondantes sur le petit broc versoir avar utilisé par les montagnards pour les ablutions. A côté de la jarre, ce broc à long cou et à long bec a l'air miniature et beaucoup plus élégant. La courbure longue et souple du bec permet de s'en servir sans soulever le broc, en l'inclinant seulement. Le haut couvercle bouchant hermétiquement l'orifice du goulot empêche l'eau de s'éclabousser lorsqu'on incline le broc. La surface du broc est décorée d'anneaux, de ceintures, de facettes bosselées. De nombreux éléments proviennent en toute

14
Jarre porte-eau «éret». Cuivre, étamage, bosselage, gravure. Avars, v. de Gotsatl

The images of the kind are still more common for small-size Avar ewers used as a wash-stand in everyday life in towns. Finely shaped, with a thin long neck and a spout-sink, the jug looks more diminutive and slender, compared with the water-carrier. A long and flowing bend of the spout permits to use the jug without raising it, simply by slightly tilting it. A high cover fits tightly into the sink part of the neck to prevent the spilling of water at an inclined position of the jug. The jug surface is adorned with indented rings, girdles and facets. Quite a few elements testify

14
Copper eret water-carrier. Tinning, chasing, engraving. Avar work from the village of Gotsatl

наклоне сосуда. Поверхность кувшина украшается чеканными ступенчатыми кольцами, поясками, гранями. Очень многие элементы свидетельствуют о преемственности резьбы по дереву, широко распространенной в лесистой западной части Аварии. Гравированный растительный мотив обрамляет носик сосуда, акцентируя внимание на его передней лицевой стороне. Появление узора этого типа на медных изделиях в конце XIX — начале XX в. следует увязывать с черневым узором на серебряных женских украшениях: браслетах, подвесках, амулетницах.

15
Кувшин для омовений. Медь, полуда, чеканка, гравировка. Аварцы, с. Гоцатль. 1950

évidence de la sculpture sur bois très répandue dans la partie occidentale de l'Avarie, riche en forêts. Un motif végétal gravé encadre le bec du récipient et attire l'attention sur son côté face. L'apparition d'ornements de ce genre sur les objets de cuivre de la fin du XIXe et du début du XXe siècle est à mettre en rapport avec la décoration à la nielle des bijoux féminins en argent: brasselets, pendentifs, amulettes.

15
Broc pour les ablutions. Cuivre, étamage, bosselage, gravure. Avars, v. de Gotsatl. 1950

to the continuity of the wood-carving tradition which has wide popularity in the wooded western portion of Avaria. The engraved vegetation motif encircles the jug in a hoop-like fashion, attracting our attention to its front part. This type of a pattern characteristic to copperware in the late 19th and early 20th centuries takes its origin in a nielloed design on female ornamental pieces, such as bracelets, pendants and amulets.

15
Copper ewer. Tinning, chasing, engraving. Avar work from the village of Gotsatl. 1950

Искусство ювелирной обработки серебра, возникшее в Дагестане в эпоху средневековья, было тесно связано с художественной традицией бронзового литья. Витые браслеты в виде обруча, височные украшения и мужские наборные пояса VI—VII вв. уже имели форму и размеры, близкие аналогичным серебряным вещам XVII—XIX вв. Почти в каждом селении Дагестана были мастера серебряного дела, изготавлившие всевозможные женские украшения: пояса, кольца, застежки, игольницы, мужские пояса и газыри. Изготавливались они на заказ лишь как подспорье к занятию сельским хозяйством. В то же время это ремесло передавалось из поколения в поколение и было профессиональным.

16
Серьги-колты. Серебро, филиграль,
зернь. Аварцы. XIX в.

L'argenterie, née au Daguestan au Moyen Age, était étroitement liée à la tradition artistique du coulage de la bronze. Les brasselets tressés en forme de cerceau, les pendentifs temporaux et les ceintures à plaquettes masculines des VIe—VIIe siècles avaient déjà des formes et des dimensions proches de leurs homologues en argent des XVIIe—XIXe siècles. Il y avait des argentiers dans presque tous les villages du Daguestan et ils fabriquaient toutes sortes de bijoux féminins: ceintures, anneaux, agrafes, porte-aiguilles, ceintures et cartouchières pour hommes. Ces objets étaient faits sur commande et le métier d'argentier ne servait que d'appoint à celui de cultivateur. Cependant les secrets du métier étaient transmis de génération en génération et étaient professionnels.

16
Boucles d'oreille breloques. Argent,
filigrane, grain. Avars. XIXe s.

The art of decorative silverwork dating from the Middle Ages is tightly connected with the tradition of bronze casting. Hoop-like twisted bracelets, temple-rings and men's composite belts of the 6th and 7th centuries A.D. had long since the shape and size similar to the like silver pieces of the 17th—19th centuries. In almost all Daghestan villages there were silversmiths who manufactured all conceivable kinds of female trinketry, like belts, rings, latches, clasps, needleholders, male belts and *gazyrs* (bullet holders). Silver pieces were made to order and constituted a sideline occupation to the main occupation of farming. At the same time the craft of silversmiths was handed down from one generation to another and required a professional skill.

16
Silver kolt ear-rings. Filigree, granu-
lation. Avar work. 19th century

Наиболее старинные из сохранившихся вещей отличаются скульптурностью формы и изобразительностью. Серьги и браслеты, обильно украшенные чеканкой, крупной зернью и сочной филигранью, несли изображения птиц, коней, человека. В этих украшениях виден высокий уровень мастерства, высокая культура обработки металла.

Время появления черневых изделий, относимое археологами к XII—XIII вв., характеризуется большей графичностью и орнаментальностью. Эта тенденция получает дальнейшее развитие и в XIX в. В Дагестане производится огромное количество самых разнообразных украшений, включающих все виды художественной обработки серебра: литье, чеканку, зернь, накладную и ажурную филигрань, обычную и глубокую гравировку, чернь. Изделия кубачинского производства отличаются тщательной ювелирной отделкой, тончайшей гравировкой, разнообразием растительных мотивов. Большое количество стальных штампиков, на которых отдельные элементы изделия выколачивались вручную, давало возможность бесконечно варьировать величину и форму подвесок, искусственной зерни, черневого рисунка.

Les objets les plus anciens que nous ayons se distinguent par une forme très plastique et figurative. Les boucles d'oreille et les brasselets, abondamment décorés au bosselage, au gros grain et au filigrane abondant, représentaient des oiseaux, des chevaux, des personnages humains. Ces bijoux montrent que les argentiers étaient des sculpteurs de classe et possédaient une haute culture du travail du métal.

L'apparition des articles niellés, datée par les archéologues des XIIe—XIIIe siècles, marque l'avènement d'un art très graphique et décoratif. Cette tendance s'est développée et, au XIXe s., on fabriquait au Daguestan une quantité immense de bijoux de toutes sortes utilisant toutes les techniques de l'argenterie: coulage, bosselage, grain, filigrane appliqué et ajouré, gravure ordinaire et profonde, niellure. Les objets fabriqués à Koubatchi se distinguent par une perfection minutieuse, par une gravure extra-fine, par une grande variété de motifs végétaux. L'existence d'un grand nombre de petits estampillons d'acier servant à frapper à la main des éléments du dessin sur les articles permettait de faire varier à l'infini les dimensions et les formes des pendentifs, du grain artificiel, du dessin niellé.

Out of the surviving pieces, the most ancient ones were remarkable for their sculpture-like form and decoration. Ear-rings and bracelets were lavishly adorned with chasing, large-size graining and rich filigree, and carried the images of birds, horses and man. These decorations point out to the high sculptural skill and high standard of metal processing.

Niello pieces whose origination is commonly ascribed by archaeologists to the 12th—13th centuries boasted a highly graphical and ornamental execution. This trend continued into the 19th century when various embellishments were turned over in great number. They included casting, chasing, granulation, applied and lace filigree, ordinary and deep engraving, niello. The feature of Kubachi pieces is their subtle execution, most delicate engraving and a broad variety of vegetation motifs. A large number of steel stamps, with some elements chiselled out by hand, made it possible to vary infinitely the size and shape of pendants, artificial granulation and niello designs.

17
Серьга с подвесками. Серебро, чернь, филигрань, зернь, кораллы. Даргинцы, с. Кубачи. XIX в.

18
Браслет. Серебро, зернь, филигрань, сердолик, бирюза, топаз, коралл. Даргинцы, с. Кубачи. XVIII в.

17
Boucles d'oreille à pendentifs. Argent, nielle, filigrane, grain, coraux. Darguiens, v. de Koubatchi. XIXe s.

18
Brasselet. Argent, grain, filigrane, cornaline, turquoise, topaze, corail. Darguiens, v. de Koubatchi. XVIIIe s.

17
Silver ear-ring with pendants decorated with corals. Niello, filigree, granulation. Darghin work from the village of Kubachi. 19th century

18
Silver bratelet decorated with cornelians, topazes, corals and turquoise. Filigree, granulation. Darghin work from the village of Kubachi. 18th-century

Вещи, изготавливаемые кубачинцами для южных районов Дагестана, очень часто строились на контрасте. Так, если несущая часть изделия выполнялась из плоского материала с напайной филигранью несложного рисунка, то ей противопоставлялась крупная полусфера или конусообразная форма с мельчайшим растительным узором, увенчанная крупной зернью.

19
Нагрудное украшение. Серебро, чернь, филигрань, жемчуг, бирюза. Лезгины. XIX в.

Les objets fabriqués par les Koubatchiens pour les régions méridionales du Daghestan utilisaient souvent les contrastes. Ainsi, si le support du bijou avait un matériau plat couvert de filigrane liseré à dessin simple, on lui opposait une grosse demi-sphère ou une forme conique couverte d'ornements végétaux très fins couronnés par de gros grains.

19
Ornement pour la poitrine. Argent, nielle, filigrane, perles, turquoise. Lezgiens. XIXe s.

The articles produced by Kubachi craftsmen for use in the southern areas of Daghestan not infrequently made a play on contrasts. Thus, when the carrying part of an article was executed out of a flat texture with a simple filigree design, it was contrasted to a large semi-sphere or a conical form with the finest vegetation design ornamented with large-size granulation.

19
Silver breast ornament decorated with mother-of-pearl and turquoise. Niello, filigree. Lezgian work, 19th century

В начале XIX века в даргинских и табасаранских районах большое распространение получила массивная застежка-пуговица, скрепляющая одежду у ворота. Призванная служить главным акцентом, иногда украшенная яркими цветными камнями, эта застежка достигала величины ладони.

Самыми распространенными камнями были сердолик, коралл, бирюза, привозимые с Ближнего Востока. В качестве подвесок очень часто употреблялись арабские, персидские, позднее русские монеты.

Аварские серебряные украшения были сравнительно недороги. Сделанные из серебра невысокой пробы, они отличались массивностью, обилием припоя, заполнявшего почти все ячейки ажурной филигрании, известной архаичностью изобразительных мотивов. Чернь на эти вещи почти никогда не накладывалась. Вместе с тем в изделиях подкупает свежесть восприятия и чувство пластики.

Au début du XIXe siècle, dans les régions des Darguiens et des Tabassariens, des fermoirs-agrafes massifs servant à fixer le vêtement au niveau du col se répandirent. Appelé à servir de touche principale de la parure, ce fermoir, souvent agrémenté de pierres de couleur vives, atteignait la grandeur de la paume.

Les pierres les plus répandues étaient les cornalines, les coraux, les turquoises importés du Moyen Orient. On utilisait souvent aussi en qualité de pendentifs des pièces de monnaie arabes, persanes et, plus tard, russes.

Les bijoux d'argent avars étaient relativement bon marché. Fabriqués à partir d'argent de bas aloi, ils se distinguaient par leur massivité, l'abondance de la soudure qui remplissait presque toutes les cellules du filigrane ajouré, par des motifs figuratifs relativement archaïques. Ces articles n'étaient presque jamais niellés. Mais ils ne manquent pas de toucher par la fraîcheur de leur sensibilité et par leur plasticité.

A popular decoration item in the Darghin and Tabasaran areas, a clasp-button fastening the garment near the collar became current in the early 19th century as the chief accentuating element. It was decorated with bright jewelry and had nearly the size of a human palm.

In stones priority was given to cornelians, corals and turquoise imported in quantity from the Near East, and the Arab, Persian and—more recently—Russian coins were used for pendants.

Avar silver ornamental pieces were comparatively cheap, being made of lowstandard silver, massive in size and with abundant brazing that filled almost all cells of the fine filigree, and somewhat archaic decorative motifs. Niello was seldom or never applied there. And yet these articles captivated with the freshness of perception and acute feeling for plasticity.

20
Застежка с подвесками. Нагрудное украшение. Серебро, чернь, филигрань, зернь. Даргинцы, с. Кубачи. XIX в.

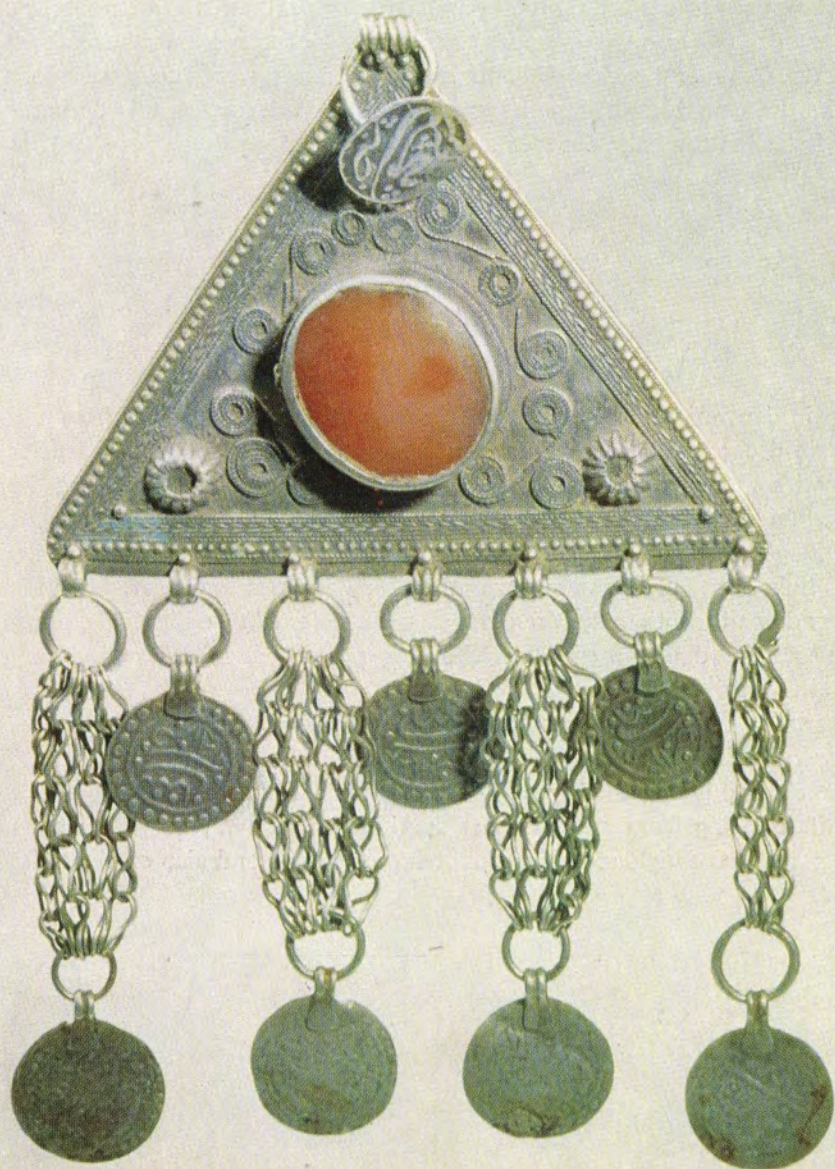
21
Подвеска. Нагрудное украшение. Серебро, филигрань, зернь, сердолик. Аварцы. XIX в.

20
Ornement pour la poitrine: agrafe à pendentifs. Argent, nielle, filigrane, grain. Darguiens, v. de Koubatchi. XIXe s.

21
Ornement pour la poitrine: pendentif. Argent, filigrane, grain, cornaline. Avars. XIXe s.

20
Silver breast buckle with pendants. Niello, filigree, granulation. Darghin work from the village of Kubachi. 19th century

21
Silver pendant decorated with cornelians. Filigree, granulation. Avar work. 19th century

Большую группу составляют украшения, нашиваемые на головной убор и платье. Основной декоративный эффект в них давал черневой рисунок — поэтому вещи чеканились почти плоскими; несмотря на обилие подвесок, они были почти невесомыми, а серебро „под чернь“ шло более высокой пробы.

Особенно богато украшались серебром и чернью аварские праздничные костюмы селений Ругуджа, Согратль, Гамсутль. На яркую шелковую ткань платья нашивались десятки самых разнообразных украшений с наборными подвесками, соединенными цепями. Камни в такого рода изделиях применялись редко. Основу декоративности вещей составлял специфический черневой рисунок, сложный силуэт и очень длинные цепи-подвески из бесконечно верьбующихся звеньев.

Черневой узор украшений, нашиваемых на платье, не напоминает традиционный растительный орнамент, столь характерный для серебряной оправы оружия. Основу узора составляют крупные розетки, семилистники, напоминающие пальмовую ветвь, и длинные широкие, плавно изгибающиеся стебли, обрамляющие центр композиции. Подобные, идущие из древности, мотивы можно встретить лишь на резном дереве опорных столбов комнат и зернохранилищ западной высокогорной Аварии, а также на могильных стелах этих же районов.

Un groupe à part est formé par les bijoux qu'on cousait sur les couvre-chefs et les vêtements. Leur effet décoratif essentiel provenait de leur dessin à la nielle, c'est pourquoi ils étaient bosselés presque à plat, malgré l'abondance de pendentifs, les pendentifs étaient très légers et l'argent «à nieller» était d'un meilleur aloi. Les costumes de fête des localités avares de Rougoudja, Sogratl, Gamsoutl étaient particulièrement décorés d'argent et de niellure. On cousait sur la soierie éclatante du vêtement des dizaines de bijoux les plus différents avec des ensembles de pendentifs réunis par des chaînes. Les pierres étaient peu utilisées pour ces objets. Le caractère décoratif leur venait de leur dessin niellé spécifique, de leur contour compliqué et des très longues chaînes-pendentifs à maillons sans cesse différents.

Le dessin niellé des bijoux cousus sur les vêtements ne rappelle pas l'ornement végétal traditionnel si typique pour la monture en argent des armes. Il a pour éléments essentiels de grosses rosettes, des heptafeuilles rappelant des palmes et de grandes tiges larges à courbe élégante encadrant le centre de la composition. Ces motifs venus de l'antiquité ne se rencontrent encore que dans le bois sculpté des piliers des chambres et dans les greniers de l'Avarie occidentale de haute montagne, ainsi que sur les stèles tombales des mêmes régions.

Yet another large group in decoration is made up of articles to be sewn-on to headdress and outwear. Because the main decorative effect was achieved through niello designs these articles were made almost flat, with numerous pendants which seemed to be nearly weightless; the silver for "nielloing" was of a higher standard. Especially rich silver or niello decoration adorned holiday garments in the villages of Rugudja, Sogratl and Gamsutl. A broad variety of adornments with composite pendants linked with chains were sewn on by the dozen to the bright silk fabric of the costume. Stones made an exceptionally rare entry in the articles of that kind. The decorative impact of these pieces was due to a specific niello design, complex silhouette and very long chains made of infinitely variegated links.

The niello décor of the sewn-on trinketry was remote from the traditional vegetation ornament, a hall-mark of the silver trimming for arms. The key-motif of the design are large rosettes, septifoils like a palm branch, and long, broad, gently curved stems enframing the centre of the composition. These motifs deriving from ancient times survived only on the carved wooden props in the homes and granaries of highlanders in mountainous Avaria, and also on the steles in the same area.

22
Свадебное платье с нашитыми серебряными украшениями, изготовленными аварскими мастерами. Серебро, чернь, гравировка. Лакцы, с. Балкар. Конец XIX в.

22
Robe de mariage avec ornements en argent de fabrication avare. Argent, nielle, gravure. Lakiens, v. de Balkhar. Fin du XIXe s.

22
Wedding-dress with silver ornamentation made by the Avar masters. Niello, engraving. Lak work from the village of Balkhar. Late 19th century

Силуэт изделий составляли треугольники, круги, овалы, изображения двуглавых птиц, коней.

В начале XX в. на платья стали дополнительно нашиваться самые разнообразные женские пряжки в таких количествах, что почти сплошным колышущимся серебряным панцирем закрывали всю переднюю часть одежды. Такого рода костюмы получили особенное распространение в лакских и аварских районах.

Кроме серег кубачинцы изготавливают большое количество перстней, браслетов и пряжек. Все эти изделия были обильно украшены массивными искусственными цветными камнями, сердоликами, бирюзой и жемчугом.

23
Серьга с птичкой. Серебро, филигрань, зернь. Аварцы, с. Готатль. XIX в.

Les contours des bijoux sont triangulaires, circulaires, ovales ou ont la forme d'oiseaux à deux têtes, de chevaux.

Au début du XXe siècle, on a commencé à coudre en plus sur les vêtements toutes sortes de boucles à ceintures féminines en si grand nombre qu'elles recouvraient comme une cote de mailles presque tout le devant du costume. Ces vêtements se répandirent particulièrement dans les régions lakiennes.

Outre les boucles d'oreilles, les Koubatchiens fabriquent en grand nombre des anneaux, des brasselets et des boucles de ceinture. Tous ces articles sont abondamment décorés de grandes pierres artificielles de couleur, de cornalines, de turquoises et de perles.

23
Boucle d'oreille avec oiseau. Argent, filigrane, grain. Avars, v. de Gotsatl. XIXe s.

The accepted silhouettes for these articles are triangles, circles, ovals, images of two-headed birds and horses.

In the early 20th century garments decoration came to be supplemented by various sown-on women's buckles so numerous that they would hide completely sometimes the front of the garment with a massive heaving silver armour. Such costumes were especially popular in the Lak areas.

Besides ear-rings, Kubachinians were also fertile producers of seal-rings, bracelets and buckles. All these were lavishly decorated with massive colourful sham jewels, cornelians, turquoise and pearls.

23
Silver ear-rings with a bird. Niello, filigree, granulation. Avar work from the village of Gotsatl. 19th century

В кубачинских браслетах нашла особенно яркое отражение традиция скульптурного решения вещи. Даже витые браслеты, ведущие традицию от известного нам археологического материала, получают крупные пластические завершения с камнями на концах. В то же время по сравнению с изделиями из меди витые серебряные браслеты приобретают большую ювелирность. Увеличивается количество жгутов, составляющих основу браслета, растет число промежуточных крученых проволочек, варьируется их толщина.

Для вещей конца XVIII — начала XIX в. особенно характерно обилие крупной зерни, которая покрывала не только всю основу браслета, но и сильно выступающие касты с камнями. Помимо больших выступов, число которых колебалось от трех до шести, на объемной пустотелой основе браслета размещалось до шестнадцати мелких кастов с камнями, также густо усыпанных зернью. Почти все свадебные браслеты этого времени имеют позолоту, наносимую огневым способом. Изделия раннего типа имеют неразъемную подковообразную конструкцию, более поздние состоят из двух половинок, соединенных шарниром и замком. Помимо стилевых признаков о давности браслетов свидетельствует зернь, сильно стертая, несмотря на ее крупные размеры. Необходимо иметь в виду, что украшения такого рода одевались сравнительно редко. Подобно другим ювелирным изделиям, браслеты переходят от матери к дочери, из поколения в поколение и являются фамильной ценностью.

Les brasselets de Koubatchi reflètent avec un éclat particulier les traditions de la manière sculpturale. Même les brasselets tressés dont la tradition remonte à des matériaux découverts par les archéologues, acquièrent un grand fini plastique grâce à des pierres. En même temps, les brasselets tressés d'argent sont plus élégants que les articles de cuivre. Le nombre de tortillons servant de base au brasselet s'accroît, comme celui des fils métalliques tors intermédiaires, leur épaisseur varie.

Les bijoux de la fin du XVIIIe et du début du XIXe siècles se caractérisent surtout par l'abondance de gros grains recouvrant non seulement la base du brasselet, mais aussi les serts, fort en relief, des pierres. Outre les grandes saillies, dont le nombre variait de trois à six, la base tridimensionnelle creuse du brasselet portait encore jusqu'à seize serts à pierres tout aussi abondamment couvertes de grains. Presque tous les brasselets de mariage de l'époque ont une dorure appliquée au feu. Les articles plus anciens ont une forme de fer à cheval et forment un seul bloc, les plus récents se composent de deux moitiés réunies par des charnières et une serrure. L'ancienneté des brasselets est attestée non seulement par leur style, mais aussi par la forte usure des grains, malgré leurs grandes dimensions et bien que ces bijoux n'étaient portés que les jours de grande fête, c'est-à-dire assez rarement. Comme les autres bijoux, ces brasselets sont transmis de mères en filles, de génération en génération, et font partie du trésor familial.

In Kubachi bracelets, the sculptural trend in decoration was particularly pronounced. Even twisted bracelets whose origin goes down to familiar archaeological sources received jewel-trimmed plastic edges. At the same time, twisted bracelets boast greater finesse in execution compared with copper pieces. The number of braids in the bracelet's stem grows, interim twisted wires multiply and their width varies.

A characteristic of late 18th—early 19th century pieces was and abundant large-grain cover which extended beyond the bracelet base to include the bulging jewelled casts. Besides three to six larger casts, on the volumetric hollow bracelet base there were up to sixteen smaller casts covered just as densely with large-size granulation. Almost all wedding bracelets made at the period were fire-gilded. Earlier articles possessed an undetachable horse-shoe-like design, while more recent pieces were made up of two halves connected by a hinge and a lock. Other indication of the ancient age of bracelets, besides style characteristics, is a rubbed-down grain coating of an impressive size. It must be noted that the decorations of the kind were worn very seldom and, like other jewelry pieces, were passed on from mother to daughter, being a valuable family possession.

24
Браслет. Серебро, гнутые, зернь, топаз. Даргинцы, с. Кубачи. XIX в.

25
Браслет. Серебро, гнутые, чернь, гравировка. Аварцы, с. Ругуджа. Начало XX в.

26
Браслет. Серебро, гнутые, зернь, топаз. Даргинцы, с. Кубачи. XIX в.

24
Brasselet. Argent, pliage, grain, topaze. Darguicins, v. de Koubatchi. XIXe s.

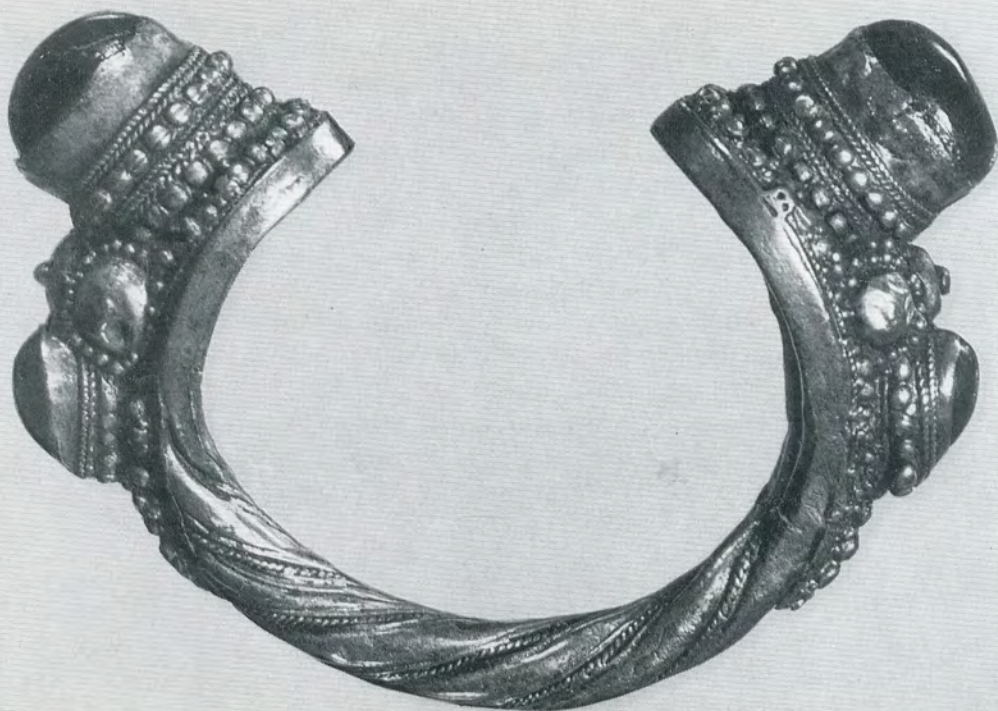
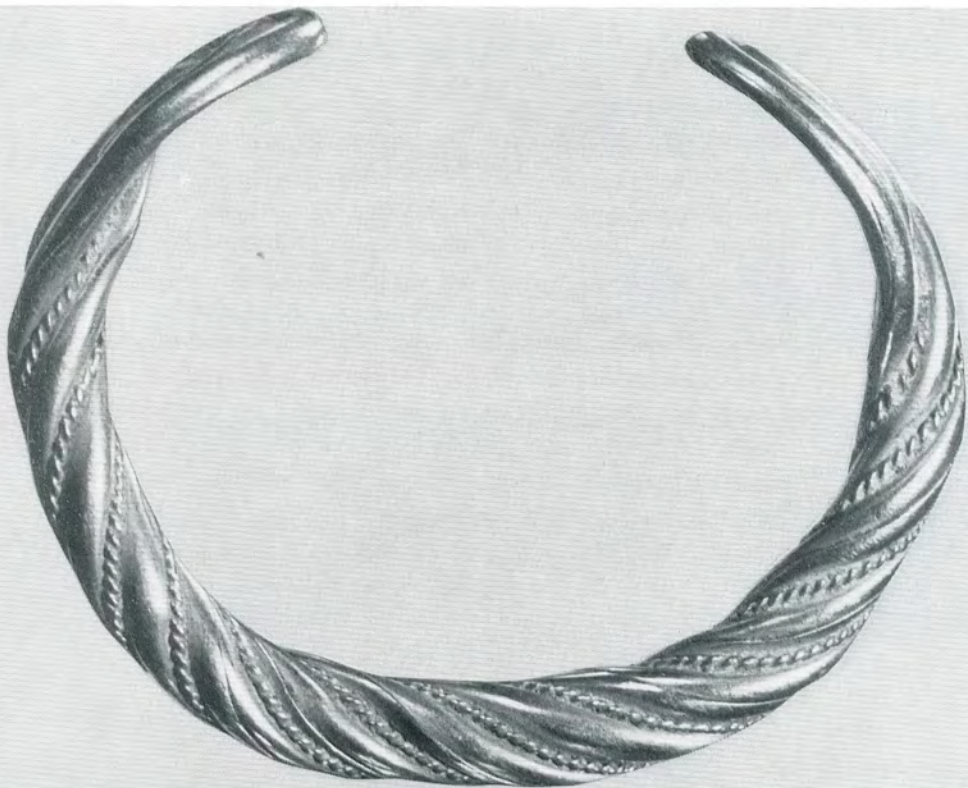
25
Brasselet. Argent, pliage, nielle gravure. Avars, v. de Rougoudja. Début du XXe s.

26
Brasselet. Argent, pliage, grain, topaze. Darguicins, v. de Koubatchi. XIXe s.

24
Silver bracelet decorated with topaz. Granulation, hammering. Darghin work from the village of Kubachi. 19th century

25
Silver bracelet. Niello, hammering, engraving. Avar work from the village of Rugudja. Early 20th century

26
Silver bracelet decorated with topaz. Granulation, hammering. Darghin work from the village of Kubachi. 19th century

В отличие от даргинцев, в Аварии в XIX в. наряду с витым получил распространение плоский браслет, украшенный черневым узором, камнями и зернью. Художественный принцип изделия основывается на стилевом единстве декоративных элементов. Изогнутую полосу браслета украшают плоские камни — обычно сердолики. Зерни, теперь уже изготовленной штампами в виде полосок, отводится второстепенное место обрамления краев браслета. Сильно трансформированный растительный узор покрывает все свободное пространство. Поверхности придается фактура с помощью очень неглубокой зигзагообразной гравировки „ро-ро“.

К краю браслета часто прикреплялись небольшие подвески — обереги с изображением птички, человеческой руки и пр. Браслеты такого рода в аварских селениях Накитль, Урада, Тидиб являлись неотъемлемой частью повседневного костюма женщины.

Наряду с украшениями, предназначенными для местного потребителя — жителя селения, где работал мастер, изготавливались дорогостоящие трудоемкие изделия, вывозившиеся, подобно оружию, не только в различные районы Дагестана, но и за его пределы — в Азербайджан, Осетию, Чечено-Ингушетию. Пряжки делались по заказу в селении или же, во многих случаях, „на отходе“. Серебряных дел мастера имели мастерские в Дербенте, Шемахе, Грозном, Армавире и других крупных городах. Большею частью это были кубачинцы и лакцы.

A la différence des Darguiens, en Avarie on portait au XIXe s. non seulement des bracelets tressés, mais aussi des bracelets plats couverts de dessins niellés et assertis de pierres et de grains. Le principe artistique de l'article réside dans l'unité stylistique des éléments décoratifs. La plaque recourbée du bracelet est ornée de pierres plates, de cornalines le plus souvent. Les grains (désormais estampillés sous forme de bandes) n'ont plus droit qu'à un rôle secondaire de bordure du bracelet. Le dessin végétal, fort modifié, couvre tout l'espace libre. Une facture est conférée à la surface métallique en gravant dessus des zigzags peu profonds appelés «ro-ro».

On fixait souvent aux bords du bracelet de petits pendentifs-porte-bonheur représentant un oisillon, une main etc. Les bracelets de ce genre faisaient partie du costume de tous les jours des femmes dans les villages avares de Nakitl, Ourada, Tidib.

Hormis les bijoux destinés au maché local (aux habitants de la localité de l'artisan), on fabriquait aussi des articles coûteux et exigeant un grand travail qu'on écoulait, comme les armes, non seulement dans diverses régions du Daguestan, mais aussi en Azerbaïdjan, en Ossétie, en Tchétchéno-Ingouchie. Les boucles de ceinture étaient faites sur commande dans le village ou, dans bien des cas, pendant les «voyages d'appoint». Les argentiers avaient des ateliers à Derbent, Chémach, Grozny, Armavir et dans d'autres grandes villes. C'étaient en majorité des Koubatchiens et des Lakiens.

Unlike Darghins, 19th century-Avars favoured, besides twisted bracelets, flat ones adorned with niello designs, stones and grains. The foremost artistic principle was the stylistic unity of decorative elements. The curved hand of the bracelet was decorated with flat stones mostly cornelians. Granulation, then being stamped into small strips, was of some secondary importance in the décor of bracelet edges. The entire free space was covered with a vegetation pattern which had undergone a marked transformation. The surface received textural quality through application of a rather shallow zigzag engraving known as “ro-ro”.

The bracelet had small *oberegi* pendants carrying an image of bird, human hand, etc., suspended to its edges. Such bracelets were in use in the Avar villages of Nakitl, Urada, Tidib where they made an all-present attribute of female day-to-day costume.

In addition to ornamental pieces for local consumption by the craftsman's co-villagers, number of other expensive and labour-consuming items were also manufactured for imports not only to many areas in Daghestan, but also beyond its limits—to Azerbaijan, Osetia and Chechen-Ingush area. Buckles were either made to order in the village or on many occasions were imported from outside. Silversmiths, mostly comedowns from Kubachi or Laks, had their forges in Derbent, Shemach, Grozny, Armavir and other larger towns.

27
Браслет. Серебро, чернь, гравировка, зернь. Мастер Б. Гимбатов. Аварцы, с. Гоцатль. 1966

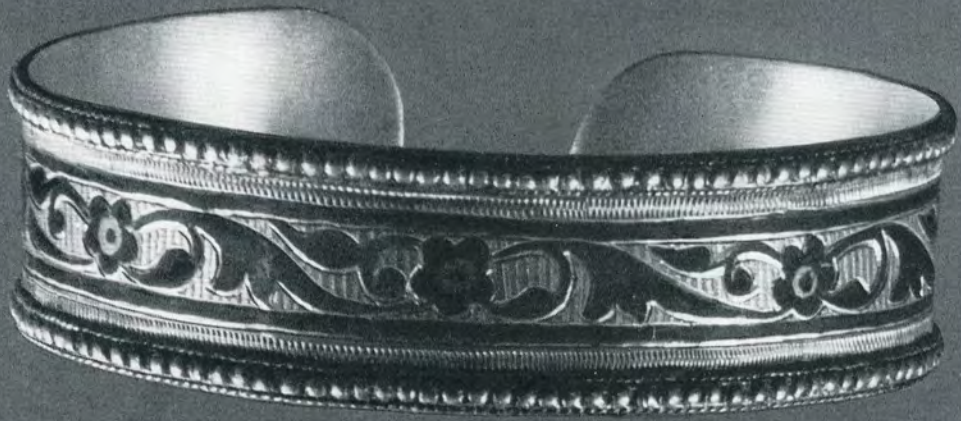
28
Браслет. Серебро, чернь, зернь, гравировка, сердолик. Аварцы, с. Ругуджа. XIX в.

27
Brascelet. Argent, nielle, gravure, grain. Auteur B. Guimbatov. Avars, v. de Gotsatl. 1966

28
Brascelet. Argent, nielle, grain, gravure, cornaline. Avars, v. de Roudja. XIXe s.

27
Silver bracelet. Niello, engraving, granulation. Made by B. Ghimbatov. Avar work from the village of Gotsatl. 1966

28
Silver bracelet decorated with cornelians. Niello, engraving, granulation. Avar work from the village of Rugudja. 19th century

Из крошечных мастерских с крайне примитивным оборудованием выходили изделия, отличающиеся красотой и изяществом. Наряду с оружием это были очень крупные пряжки или даже целые пояса, состоящие из тяжелых массивных звеньев. Изделия предназначались для свадебного костюма, были чрезвычайно богато отделаны и включали во многих случаях почти все известные техники художественной обработки серебра.

Принцип композиции пряжек почти во всех случаях был постоянным и ясно подчеркивал функциональное назначение предмета. Пряжка состояла из двух половин, прикрепленных к кожаному поясу или широкой тесьме. Центр изделия, прикрывая замок, украшал выпуклый диск, увенчанный полусферой. На боковых частях он зрительно поддерживался небольшими полусферами из ажурной филигрании с обильной зернью, украшался цветными камнями. Полосы искусственной зерни, крученая и витая проволока окаймляют все крупные формы изделия. В технике чеканки выполняется узор, составленный из четырех лепестковых цветков.

Но основное внимание мастер уделяет черневому узору, заполняющему большие плоскости боковин. Гравировка идентична орнаменту ножен шашек и кинжалов, датируемых первой половиной XIX в., и выполнена на высоком профессиональном уровне. В одном случае завитки растительного узора даются в технике небольшого рельефа с прочеканенным контуром на черневом фоне. В другом — черневой узор четко и графично смотрится на светлом серебристом, покрытом легкой фактурой фоне. В вещах частично, с большим вкусом использована позолота, а подвесками в большинстве случаев служат старинные серебряные монеты.

Ces minuscules ateliers à équipement très primitif produisaient des objets de grande beauté. Des armes et aussi de très grandes boucles de ceinture ou même des ceintures entières composées de lourds maillons massifs. Ces objets étaient destinés aux costumes de mariage, ils étaient très richement ornés et étaient fabriqués à l'aide de presque toutes les techniques connues de l'argenterie.

Le principe de composition des boucles était dans presque tous les cas le même et faisait ressortir clairement la fonction de l'objet. La boucle se composait de deux moitiés fixées à une ceinture de cuir ou à une large tresse. Le centre de la boucle recouvrant l'agrafe était décoré par un disque proéminent couronné d'une demi-sphère. Sur les côtés, il était visuellement supporté par de petites demi-sphères en filigrane ajouré, avec des grains abondants, asserties de pierres de couleur. Des bandes de grains artificiels, de fil métallique tors ou tressé bordent toutes les grandes formes de l'article. Un dessin de fleurs à quatre pétales est bosselé.

Mais l'artisan prête la plus grande part de son attention au dessin niellé qui emplit les grandes superficies des côtés. La gravure est identique à celle des fourreaux de sabre et de poignards datés de la première moitié du XIXe s. et sa perfection professionnelle ne laisse rien à désirer. Dans certains cas, les boucles du dessin végétal sont exécutées selon la technique du faible relief à contours bosselés creux sur fond de nielle. Dans d'autres cas, le dessin niellé se détache nettement et graphiquement sur l'argent clair recouvert d'un léger fond de facture. Par endroits, les objets sont dorés avec beaucoup de goût, et de vieilles pièces de monnaie en argent servent le plus souvent de pendentifs.

Tiny workshops with appallingly primitive hardware turned out articles unsurpassed for their beauty and finesse. Weapons apart, these included large buckles or even entire belts made up of weighty massive links. These articles were intended for a wedding costume and, therefore, were richly decorated and quite often demonstrated all known techniques of silver décor.

The principle of buckle composition was permanent throughout and accentuated the functional significance of an object. The buckle was combined of two halves attached to a leather belt of broad tape. Right in its centre the buckle would have a bulging disk topped by a hemisphere, which protected the clasp. On its sides it was visibly supported by two semi-spheres of fine filigree with abundant granulation and colour stones. Bands of artificial granulation and twisted wires enframed all larger forms of the article. The pattern, composed of four-petal flowers, was executed in the customary chasing techniques.

But the craftsman's chief concern was the niello design filling up the large lateral planes. The pattern of engraving followed the accepted early 19th-century style in the decoration of swords and daggers, and demonstrated a high professional skill. Sometimes the locks of the vegetation design were presented in small-relief techniques with a deep-chased contour on the niello surface. On other occasions a niello design stood out clearly and graphically against a light-silvery, slightly textured background. In part the craftsmen would apply gilding and in so doing demonstrated a fine taste, and they very often used ancient silver coins for pendants.

29
Пряжка пояса женского праздничного костюма. Серебро, позолота, чернь, зернь, гравировка, жемчуг, дымчатый кварц. Даргинцы, с. Кубачи. II пол. XIX в.

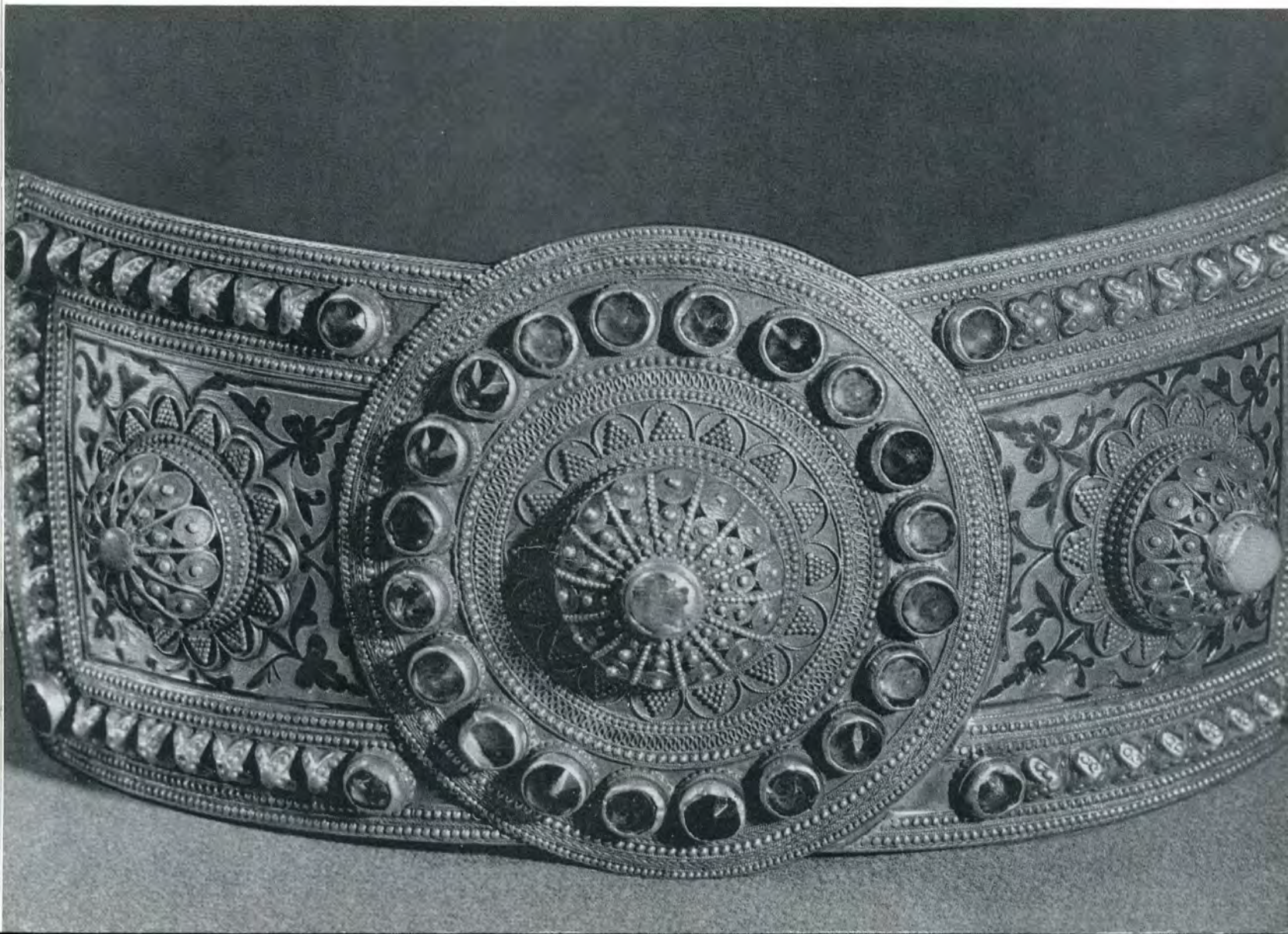
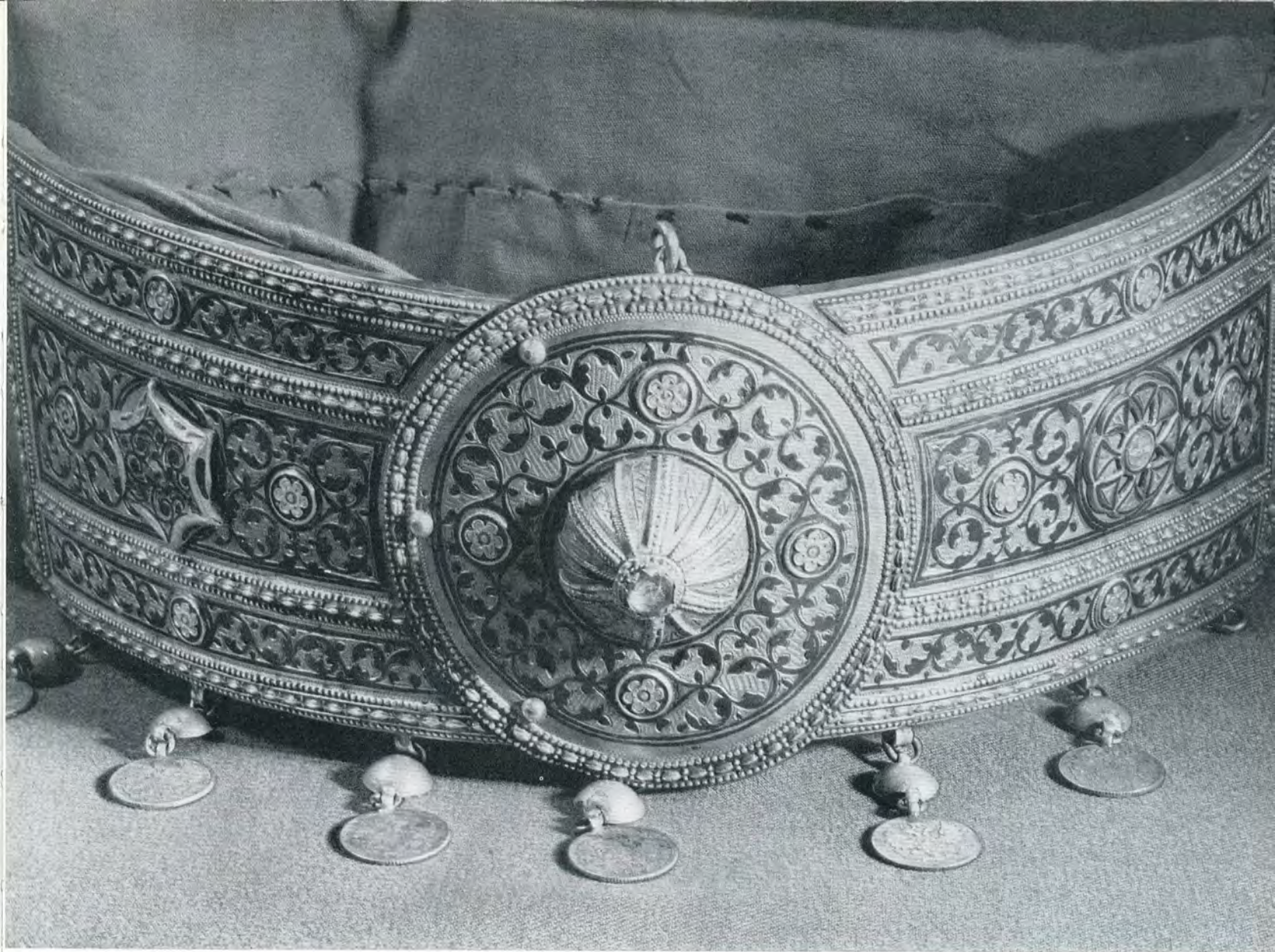
30
Пряжка пояса женского праздничного костюма. Серебро, позолота, чернь, филигрань, зернь, гравировка, цв. стекло. Даргинцы, с. Кубачи. II пол. XIX в.

29
Boucle de ceinture de costume de fête féminin. Argent, dorure, nielle, grain, gravure, perles, quartz enfumé. Darguiens, v. de Koubatchi. Deuxième moitié du XIXe s.

30
Boucle de ceinture de costume de fête féminin. Argent, dorure, nielle, filigrane, grain, gravure, verre de couleur. Darguiens, v. de Koubatchi. Deuxième moitié du XIXe s.

29
Silver belt buckle decorated with mother-of-pearl and smokecoloured quartz, from woman's holiday dress. Niello, engraving, gilding, filigree, granulation. Made by M. Monayev. Darghin work from the village of Kubachi. Early 20th century

30
Silver belt buckle decorated with colour glass, from woman's holiday dress. Niello, filigree, gilding, engraving, granulation. Darghin work from the village of Kubachi. Second half, 19th century

Если массивные прямоугольные очертания пряжки типичны для южных районов Дагестана и Закавказья, то на Северном Кавказе в женском праздничном костюме второй половины XIX в. получили распространение узкие, но длинные пряжки, почти охватывающие талию.

Черневой узор на них почти исчез за исключением боковин и полос, схематично подчеркивающих общее направление линий и контуров филигранного узора. Трудоемкий процесс гравировки уступил место более легкому и эффектному приему — набору однотипных филигранных элементов.

В мастерских, изготовлявших подобные вещи, труд подразделялся на работу наборщиков филигранный, монтировщиков и других. Для ускорения процесса наборки применялись шаблоны. Однако характер композиции остался прежним — три основных акцента-полусферы на фоне более или менее богато украшенной изогнутой плоскости. Вместо камней вставляется яркое стекло, позолота совершенно вытесняет цвет серебра. Для сохранения блеска металлического фона филигрань не напаивается, а накладывается, закрепляясь с обратной стороны пластин заклепками. Набор зернинок и завитков образует силуэты полумесяцев, кругов, каплевидных узоров. Количество штифтов, скрепляющих половинки пряжки, увеличивается до двух, монеты заменяются филигранными, богато украшенными подвесками. Следует также учитывать, что пряжка костюма составляла единый ансамбль с нагрудными застёжками, головным убором и другими украшениями.

Si les formes massives rectangulaires de la boucle de ceinture sont typiques pour les régions méridionales du Daguestan et pour la Transcaucasie, au Caucase du Nord, depuis la deuxième moitié du XIXe s., on prise particulièrement des boucles étroites et longues, ceignant presque la taille, utilisées dans les costumes féminins de fête.

Le dessin à la nielle y disparaît presque, excepté sur les côtes où des bandes soulignent schématiquement l'orientation générale des lignes et des contours de la décoration à filigrane. Le dur travail de gravure a cédé la place à un procédé plus facile et plus impressionnant: l'assemblage d'éléments filigranés de même type.

Dans les ateliers fabriquant ces objets, le travail se divise entre les assembleurs de la filigrane, les monteurs etc. Pour accélérer la composition, on utilisait des poncifs. Mais le caractère de la composition restait le même, les trois accents principaux étant les demi-sphères sur le fond de la surface incurvée plus ou moins richement ornée. A la place des pierres, on sertissait des verres de couleur, la dorure cachait entièrement la couleur de l'argent. Pour que le fond métallique reste brillant, le filigrane était non plus soudé, mais surimposé sur les plaquettes et rivé au verso. Les ensembles de grains et de boucles forment des croissants de lune, des cercles, des figures en forme de goutte d'eau. Le nombre de goupilles fixant les moitiés de la boucle de ceinture augmente jusqu'à deux, les pièces de monnaie-pendentifs cèdent la place à des pendentifs richement décorés en filigrane. Il ne faut pas oublier non plus que la boucle de ceinture faisait un tout unique avec les agrafes de poitrine, le couvre-chef et les autres ornements.

Unlike massive rectangular buckle designs common for the Southern regions of Daghestan and Trans-Caucasia was more inclined in the female holiday outwear on narrow but long buckles that ran round the waist.

The niello pattern was almost gone in these, except for lateral planes and bands accentuating schematically the overall direction of lines and contours of filigree designs.

The labour-consuming process of engraving gave place to a more handy and effective technique of set-in identical filigree elements.

Accordingly, labour in suchlike workshops came to be divided into filigree setters, fitters, etc. Stencils were applied by and large to accelerate the setting process. However, the composition remained essentially the same, having three chief accents: a semi-sphere against the background of a more or less generously decorated curved plane. Bright glass replaced stones, just as gilding ousted completely the colour of silver. To preserve the shining metallic background the filigree was not soldered and fixed to the back side of the plates with rivets. Little grains and locks were fitted together to form the silhouettes of crescents, circles, drop-like designs. The number of pins locking together the halves of the buckle was increased to two while the pendant-coins were replaced by finely executed and richly decorated pendants. It must be also noted that costume's buckles would match into a single ensemble with chest clasps, headdress and other embellishments.

31
Пряжка пояса женского праздничного костюма. Серебро, позолота, чернь, филигрань, зернь, бирюза, цв. стекло. Мастер М. Монаев. Даргинцы, с. Кубачи. Начало XX в.

32
Пряжка пояса женского праздничного костюма. Серебро, позолота, чернь, филигрань, зернь, гравировка. Мастер М. Монаев. Даргинцы, с. Кубачи. Начало XX в.

33
Пояс с пряжкой к праздничному костюму. Серебро, позолота, эмаль, филигрань, зернь, гравировка, чернь, гранат, красный сафьян. Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в.

31
Boucle de ceinture de costume de fête féminin. Argent, dorure, grain, filigrane, nielle, turquoise, verre de couleur. Auteur: M. Monayev. Darguiens, v. de Koubatchi. Début du XXe s.

32
Boucle de ceinture de costume de fête féminin. Argent, dorure, nielle, filigrane, grain, verre de couleur. Darguiens, v. de Koubatchi. Début du XXe s.
Auteur: M. Monayev

33
Ceinture à boucle pour costume de fête. Argent, dorure, émail, filigrane, grain, gravure, nielle, grenat, maroquin rouge. Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du XIXe s.

31
Silver belt buckle decorated with turquoise and colour glass, from woman's holiday dress. Filigree, niello, gilding, granulation. Made by M. Monayev. Darghin work from the village of Kubachi. Early 20th century

32
Silver belt buckle decorated with colour glass, from woman's holiday dress. Niello, gilding, filigree, granulation. Made by M. Monayev. Darghin work from the village of Kubachi. Early 20th century

33
Red morocco belt with a silver buckle decorated with garnets and enamel, from holiday dress. Filigree, gilding, enamelling, granulation, engraving, niello. Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century

Широкое распространение в Закавказье и на Северном Кавказе получили пояса к женскому свадебному платью. Пояс целиком монтировался из десяти-двенадцати звеньев, скрепленных шарнирами. Аналогичные пояса изготовлялись не только лакцами, кубачинцами, но и армянскими, азербайджанскими, северокавказскими мастерами и издавна входили в национальный костюм этих народов.

Эмалевая работа представляет самый молодой вид техники кубачинского художественного производства. Несмотря на это к началу XX в. мы располагаем вещами, свидетельствующими о высоком уровне мастерства кубачинцев-эмальеров. Применялась эмаль большей частью на мелких вещах — мундштуках, серьгах. Но иногда цветными эмалями отделялись ножны и рукоятки шашек, еще реже пряжки женских свадебных поясов. В иных случаях кубачинцы применяют вид выемчатой эмали, то есть предварительно вырезанный и вынутый фон заполнен эмалью. Гравированный узор, поблескивая гранями, слегка выступает над поверхностью или шлифуется „заподлицо“ с ней.

Эмалевая работа, как видно на изделиях, тесно связана с филигранью и гравировкой и требует от мастера большой разносторонности.

Etaient très répandues en Transcaucasie et au Caucase du Nord les ceintures destinées au costume de nocce féminin. La ceinture était assemblée entièrement à partir de dix à douze maillons fixés par des charnières. Des ceintures de ce genre étaient fabriquées non seulement par les artisans lakiens, koubatchiens, mais aussi par des artisans arméniens, azerbaïdjanais, nord-caucasiens et faisaient partie depuis longtemps du costume national de ces peuples.

Les émaux sont la technique la plus jeune de la production artistique de Koubatchi. Cela n'empêche que nous possédons dès le début du XXe s. des objets attestant la grande maîtrise des émailleurs koubatchiens. L'émail était utilisé essentiellement pour les petits objets: fume-cigarettes, boucles d'oreilles. Mais parfois on employait des émaux de couleur pour orner les fourreaux et les poignées des sabres, plus rarement encore les boucles des ceintures féminines de mariage. Ailleurs, les Koubatchiens utilisent le procédé de l'émail en creux, consistant à creuser le fond et à le remplir d'émail. Le dessin gravé aux facettes brillantes dépasse légèrement la surface de l'émail et est ensuite poli «à plat».

Les émaux, comme le montrent bien les objets, sont étroitement liés au filigrane et à la gravure et exigent de l'artisan une grande variété de talents.

In Transcaucasia and North Caucasia belts for female wedding garment were in vogue. The belt was wholly collected out of ten or twelve links fastened with hinges. Such belts were made not only by Laks and Kubachinians, but by craftsmen in Armenia, Azerbaijan and North Caucasia, where from time immemorial they made a part of the national costume.

Enamelwork, the youngest of the Kubachi art techniques, produced by the early 20th century some pieces testifying to the high skill of Kubachi enamellers. Enamel was welcome of smaller items, like mouthpieces and ear-rings. Yet sometimes it was applied to decorate scabbards and handles of swords and, less often, the buckles of female wedding belts. In the latter case Kubachinians made use of hollow enamel, i.e. the background was first cut out and removed, and then filled with enamel. An engraved design, its facets glittering extends slightly over the surface and was ground to be flush with it.

Enamelwork, as can be seen from enamelled articles, is closely linked with filigree and engraving and calls for diversified aptitudes on the part of the enameller.

34
Пояс к праздничному костюму. Серебро, позолота, филигрань, зернь, бирюза. Мастер М. Монаев. Даргинны, с. Кубачи. Начало XX в. Деталь

34
Ceinture pour costume de fête. Argent, dorure, filigrane, grain, turquoise. Auteur: M. Monâïev. Darguïens, v. de Koubatchi. Début du XXe s. Détail

34
Belt decorated with silver and turquoise, from holiday dress. Niello, filigree, gilding. Made by M. Monayev, Darghin work from the village of Kubachi. Early 20th century. Detail

Далеко за пределами Дагестана известно оружие, изготовленное в селениях Кубачи, Кумух, Казанищи, расположенных в даргинских, лакских и кумыкских районах. Как древнейший среди этих центров оружейного производства славится район с. Кубачи. Расположенное недалеко от Кубачей селение Амузи поставляло клинки сабель, шашек и кинжалов, а другое, соседнее селение Харбук, начиная с XVIII в., занималось изготовлением огнестрельного оружия.

35
Кинжал и ножи. Клинок „дамаскской“ стали. Серебро, чернь, гравировка. Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в.

Les armes fabriquées dans les villages de Koubatchi, de Koumoukh, de Kazanichtchi, situés dans les régions darguiennes, lakiennes et koumykiennes, sont connues loin au-delà des frontières du Daguestan. C'est la région du village de Koubatchi qui est le centre le plus ancien de l'armurerie. Le hameau d'Amouzgui, près de Koubatchi, fournissait les fers de sabres et de poignards, tandis qu'un autre hameau voisin, Kharbouk, fabriquait depuis le XVIIIe siècle des armes à feu.

35
Poignard avec fourreau. Fer «acier de Damas». Argent, nielle, gravure. Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du XIXe s.

One other item of Daghestan craftsmanship known far beyond its borders was the weaponry from the villages of Kubachi, Kumukh, Kazanistchi (Darghin, Lak and Kumyk districts). Of these, Kubachi is renowned as the most ancient arms centre. The hamlet of Amuzgi near Kubachi was a supplier of sword, sabre and dagger blades while the other nearby village of Kharbuk ever since the 18th century produced fire-arms.

35
Dagger and scabbard. Damask steel blade. Silver. Niello, engraving. Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century

Амузгинские и харбукские кузнецы поставляли свою продукцию кубачинским мастерам для художественной отделки. Оружие, выполненное рукой кубачинцев, отличалось высоким качеством технической обработки и совершенством художественного исполнения. Мастера в равной степени владели чеканкой, глубокой гравировкой, насечкой и резьбой по кости и стали и многими другими техниками. Но в конце XVIII — начале XIX в. самое большое распространение получили работы с чернью. Черневой узор контрастно выделяется на светло-серебристом фоне глубокой гравировки. Однако на таких крупных предметах, как, сабли и шашки, мелкий черневой узор на расстоянии мог не просматриваться, и мастер членил плоскость на ряд внутренних накладок, сохраняя общий декоративный эффект.

Знаменитые кубачинские узоры „заросль“ („мархарай“) и „ветвь“ („тутта“) покрывают не только серебро, но и накладки из слоновой кости в технике золотой насечки на шашках. Высокое умение и мастерство требовалось на то, чтобы прочно вколотить золотую проволоку в тонкую пластину хрупкой слоновой кости. Неменьшее мастерство требовалось и для насечки золотого узора на клинке — крепчайшей стали, откованной амузгинскими кузнецами.

Les forgerons d'Amouzgui et de Kharbouk livraient leur production aux artisans de Koubatchi qui s'occupaient du finissage artistique. Ceux-ci le faisaient avec une grande perfection technique et artistique. Ils possédaient avec un art égal le bosselage, la gravure profonde, l'incision, la sculpture sur os et sur acier et maintes autres techniques. Mais à la fin du XVIIIe et au début du XIXe siècles, c'est la niellure qui prit le dessus. Le dessin niellé ressortissait nettement sur le fond argent clair de la gravure profonde. Mais comme le dessin niellé fin était mal visible à distance sur des objets aussi grands que les sabres, l'artisan divisait la surface en plusieurs appliques intérieures et préservait ainsi l'effet décoratif général.

Les célèbres ornements koubatchiens, les «broussailles» («markharai») et la «branche» («toutta»), couvrent non seulement l'argent, mais aussi les appliques en ivoire selon la technique des incisions d'or sur les sabres. L'artisan devait posséder un grand talent pour fichier solidement le fil d'or dans la fragile plaquette d'ivoire. Il fallait non moins de maîtrise pour inciser le dessin à l'or sur le fer en acier ultra-solide forgé par les Amouzguiens.

Amuzgi and Kharbuk armourers supplied their crude produce to Kubachi craftsmen for finish. After being treated by Kubachinians the arms demonstrated a high quality of technical execution and fine skill in décor. In fact, the masters were equally superb in chasing as well as in deep engraving, inlaying, bone carving and many other techniques. But in the late 18th–early 19th century the choice went invariably for niello work. A niello design stood out in vivid contrast with the light silvery background of deep engraving. However, on such big objects as sabres a diminutive niello pattern could hardly be seen, so the master had to dismember the plane into a number of internal laps but kept intact the general decorative arrangement.

The famous Kubachi patterns “thicket” (markharai) and „branch” (tutta) covered not only silver but also ivory laps executed in gold damascening on sabre surfaces. A high mastery ability was required in order to fix tight a gold thread in a thin plate of brittle ivory. No smaller mastery was required, too, for damascening a golden pattern on the blade made of the strongest steels from the Amuzgi forges.

36
Рукоять кинжала. Серебро, чернь, гравировка. Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в.

37
Ножны. Серебро, чернь, гравировка. Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в. Деталь

38
Ножны. Серебро, чернь, гравировка. Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в. Деталь

36
Poignée de poignard. Argent, nielle, gravure. Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du XIXe s.

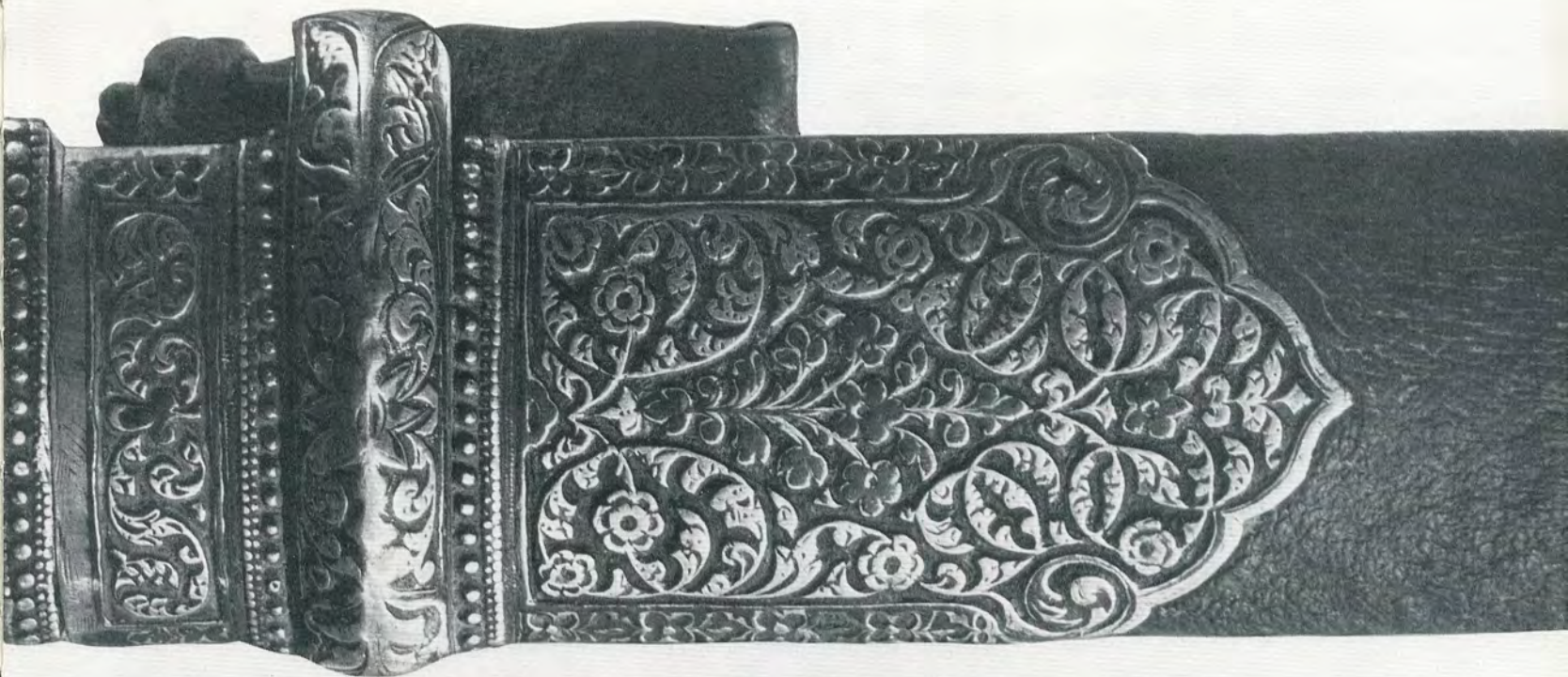
37
Fourreau. Argent, nielle, gravure. Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du XIXe s. Détail

38
Fourreau. Argent, nielle, gravure. Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du XIXe s. Détail

36
Silver dagger handle. Niello, engraving. Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century

37
Silver scabbard. Niello, engraving. Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century

38
Silver scabbard. Niello, engraving. Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century. Detail

Если для работ начала XIX в. характерна чернь с глубокой гравировкой, а позолота применялась лишь в виде небольших акцентов, то к концу века золочение завоевывает все большие плоскости. Нарядные ножны, несмотря на их большую величину, целиком отделялись этим дорогим металлом в сочетании с различными техниками.

С большим искусством отделяются кубачинцами ручки и ножны кинжалов — самого распространенного вида оружия на Кавказе. Иногда в серебро заключались только концы ножен, контрастно выделяясь на фоне черной кожи. Ручка кинжала, сделанная из плотного абрикосового дерева или рога буйвола, также лишь частично отделялась металлом. В таких случаях мастер особенно тщательно и детально разрабатывал лицевую серебряную поверхность глубокой прочеканенной гравировкой с островками черневых мотивов. Чернь, за исключением небольших полосок, и золото здесь не применялись совсем. Обратная сторона ножен, как почти и во всех видах оправы XIX в., несла на гладко отполированной поверхности „московский“ узор — мотив, нашедший в Кубачах распространение во время укрепления контактов с Россией.

Si les travaux du début du XIXe siècle se caractérisent par la niellure et la gravure profonde, la dorure ne servant qu'à accentuer l'effet par endroits, vers la fin du siècle la dorure occupe des superficies toujours plus grandes. Les élégants fourreaux, malgré leurs grandes dimensions, sont entièrement revêtus de ce métal précieux combiné à diverses techniques.

Les Koubatchiens décorent avec grand art les poignées et les fourreaux des poignards, arme blanche la plus répandue du Caucase. Parfois on ne revêtait d'argent que les bouts des fourreaux qui contrastaient beaucoup avec le fond de cuir noir. La poignée du poignard, découpée dans de l'abricotier dur ou dans de la corne de buffle, n'était, elle aussi, revêtue de métal que partiellement. Dans ces cas, l'artisan travaillait avec un soin particulier la superficie faciale de l'argent en la couvrant de gravure profonde à bosselage et en l'agrémentant d'îlots de motifs niellés. Le grain, exception faite pour de petites bandes, et l'or n'étaient guère utilisés. Le verso des fourreaux, comme dans presque tous les types de revêtements du XIXe siècle, portait sur sa surface soigneusement polie un dessin «moscovite», motif qui s'est répandu à Koubatchi à l'époque de la consolidation des contacts avec la Russie.

While the works of the early 19th century carried usually a niello design with deep engraving, and applications of gilding were limited to minor accents, toward the end of the century gilding began to cover ever greater planes. Spectacular scabbards, in spite of their large size, were decorated from bottom to top with this precious metal in combination with various other techniques.

Kubachinians' fine artistry showed up in trimming the handles and scabbards of daggers, the most popular weapon in the Caucasus. Sometimes silver enwrapped only the ends of scabbards, thus providing a contrast to the glossy black leather. The dagger's handle made out of strong apricot wood or buffalo horn, was likewise metal-coated only in part. The master, when he set out to make dagger decoration, was particularly thorough and precise in working out the silvery face surface with deep chased-through engraving with small patches of niello motifs. Granulation, except perhaps for small strips, had little or no application, and neither had gold. The reverse side of the sheaths, in common with almost all types of 19th century casing, carried on its smoothly polished surface the "Moscow-type" motif, a design that became popular in Kubachi at the time of consolidating ties with Russia.

39
Кинжал в ножнах. Серебро, чернь, гравировка. Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в.

39
Poignard dans son fourreau. Argent, nielle, gravure. Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du XIXe s.

39
Dagger in silver scabbard. Niello, engraving. Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century

Другой тип ножен, так же как и ручка кинжала, целиком чеканился из серебра. Обычно это было парадное оружие небольшого размера. До конца XIX в. оно сохраняло композиционную ясность и логику построения орнамента. Подобно узору в кубачинском резном камине, прялке или стелс этого же времени, „ветвь“ черного серебра ножен кинжала состоит из множества элементов, каждый из которых имеет определенное название. Очень часто встречаются „стамбульская голова“, „косточка“, „голова-козел“, „очаговый крюк“, „крапивный лист“ и другие названия, указывающие на происхождение элемента или на его сходство с каким-либо реальным предметом.

Простейшая основа „ветви“ — стебель с одинаковыми, идущими одно за другим ответвлениями, которые одеваются множеством головок. Черновой узор „ветвь“ особенно хорошо komponуется в сильно вытянутой плоскости кинжала, а глубокая гравировка позволяет наилучшим образом выявиться его пластическим качествам.

Только в середине XIX в. в Дагестане было прекращено производство кремневых пистолетов. Изготовленное кубачинскими и лакскими мастерами оружие с золотой насечкой и серебряной оправой с чернью имело нарядный вид и несмотря на старинное примитивное устройство отличалось дальностью и точностью боя.

Un autre type de fourreau, de même que la poignée du poignard, était entièrement bosselé dans de l'argent. D'ordinaire c'étaient des armes d'apparat de petites dimensions. Jusqu'à la fin du XIXe siècle elles ont conservé une composition très claire et un dessin à construction logique. Comme dans les dessins de la pierre taillée, des rouets et des stelles de la même époque, la «branche» d'argent niellé du poignard se compose d'une foule d'éléments dont chacun possède son nom propre. On rencontre fréquemment «la tête de Stamboul», «le noyau», «la tête-bouc», «la crémaillère», «la feuille d'hortie» et d'autres appellations désignant l'origine de l'élément ou sa ressemblance à tel ou tel objet.

La base la plus simple de la «branche» est une tige à ramifications identiques qui se succèdent et sont coiffées par une foule de «têtes». Le dessin niellé de la «branche» est en harmonie particulière avec la surface oblongue du poignard, et la gravure profonde permet à ses qualités plastiques de se révéler avec le maximum d'effet.

Ce n'est qu'au milieu du XIXe siècle que cessa au Daguestan la fabrication de pistolets à silex. Les armes à feu avec incisions d'or et monture en argent niellé fabriquées à Koubatchi étaient fort élégantes et, malgré leur système primitif de fonctionnement, se caractérisaient par une grande portée et une grande précision.

One other sheath type, same as a dagger handle, was wholly forged of silver. It was a small-size full-dress weapon. Till the end of the 19th century it retained its characteristic clarity in composition and logic in ornamentation. Like the pattern of the Kubachi stone carvings—a distaff or a stele of the period, “the branch” of niello silver on dagger scabbard consisted of many elements each of which was known under a certain name. The most popular were “Stamboul head”, “little bone”, “head-billygoat”, “fireplace hook”, “nettle leaf” and other names pointing out either to the origin of the element or to its similarity with some real object.

The simplest base was “a branch”, a stem with equal off-shoots following upon one another, which were capped with multiple heads. The niello pattern “branch” was best-suited for the lengthy plane of a dagger while deep engraving permitted to accentuate in the best possible way its plastic qualities.

It was not until the mid-19th century that the production of flint pistols had ended up in Daghestan. Executed by Kubachi or Lak armourers, the weapon was utterly spectacular, having a silver damascening and niello, and, primitive as it was, had a remarkable accuracy and shooting range.

40
Рукоять кинжала. Серебро, чернь, гравировка. Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в.

41
Ножны. Серебро, чернь, гравировка. Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в. Деталь

42
Ножны. Серебро, чернь, гравировка. Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в. Деталь

40
Poignée de poignard. Argent, nielle, gravure. Darguicns, v. de Koubatchi. Fin du XIXe s.

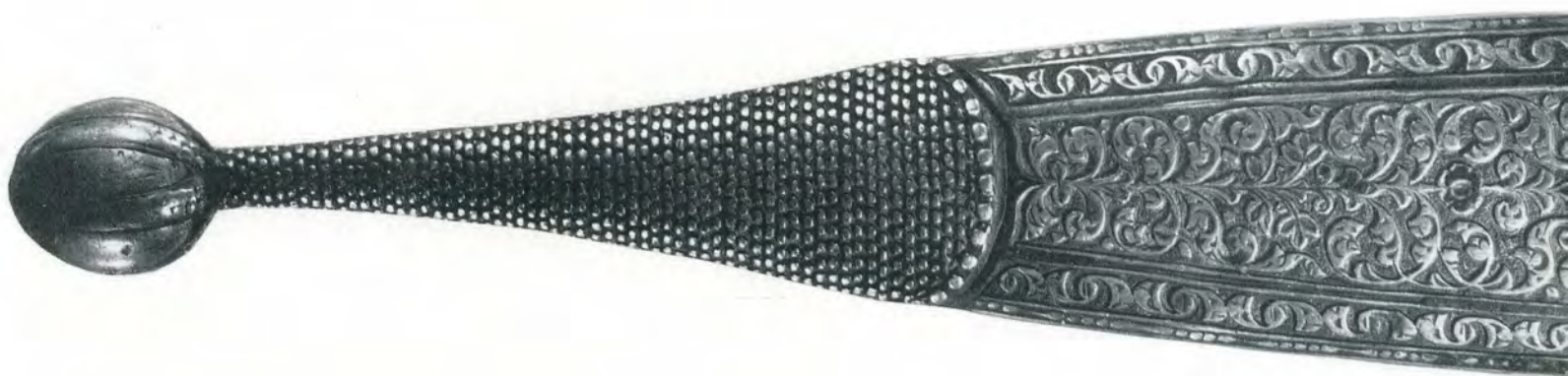
41
Fourreau. Argent, nielle, gravure. Darguicns, v. de Koubatchi. Fin du XIXe s. Détail

42
Fourreau. Argent, nielle, gravure. Darguicns, v. de Koubatchi. Fin du XIXe s. Détail

40
Dagger's silver handle. Niello, engraving. Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century

41
Silver scabbard. Niello, engraving. Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century. Detail

42
Silver scabbard. Niello, engraving. Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century. Detail

Пистолеты, относящиеся к началу XVIII в., отделялись в технике чеканки и гравировки. Крупный рельефный узор с большим количеством разнообразных элементов своими истоками восходит к лучшим традициям орнаментального творчества XIV—XV вв., нашедшего блестящее выражение в так называемых „албанских“ литых бронзовых котлах и каменных рельефах. Чеканный узор как бы поддерживается и паправляется длинными полосками отштампованной зерни.

К середине XIX в. усиливается пышность отделки. Если раньше верхняя половина стального ствола отделялась гравировкой, то в это время он почти целиком закрывается богато разгравированной серебряной оправой с обильной позолотой. Открытая часть ствола и замок пистолета почти сплошь покрываются золотой насечкой. Широкое применение позолоты и менее усложненный рисунок узора особенно характерны для работ лакских медников. И если кубачинский мастер более склонен к унаследованию традиций, то лакский восприимчив к различного рода художественным новшествам. Этому немало способствовал регулярный отход мастеров-серебряников во многие северокавказские города, где они занимались изготовлением оружия для русского офицерства и казачества.

Les pistolets datant du début du XVIIIe siècle étaient ornés au bosselage et à la gravure. La décoration composée d'un grand nombre d'éléments assez grands prend sa source aux meilleures traditions de l'art décoratif des XIVe—XVe siècles dont les meilleurs spécimens sont les chaudrons moulés de bronze et les reliefs taillés dans la pierre dits «albanais». Le dessin bosselé est comme soutenu et orienté par de longues bandes de grains estampillés.

Vers le milieu du XIXe siècle, la décoration devient plus luxueuse. Si avant la moitié supérieure du canon d'acier était décorée à la gravure, maintenant on la couvrait presque toute d'une monture richement gravée en argent avec d'abondantes dorures. La partie découverte du canon et la platine du pistolet sont presque entièrement couverts d'incisions d'or. L'ample usage de la dorure et la plus grande simplicité du dessin caractérisent particulièrement les œuvres des artisans lakiens. Et si l'artisan de Koubatchi était enclin à respecter la tradition héritée, l'artisan lakien était très sensible à toutes sortes d'innovations artistiques. Ceci était dû pour une grande part aux fréquents voyages d'appoint des argentiers dans de nombreuses villes du Caucase du Nord où ils fabriquaient des armes pour les officiers et les Cosaques russes.

The pistols dating from the early 18th century were executed in chasing and engraving techniques. An impressive relief pattern with a large number of diversified elements had its origin in the best traditions of 14th–15th century ornamental art, of which the so-called “Albanian” cast bronze cauldrons and stone steles are a brilliant example. The chasing pattern seemed to be supported and directed by long strips of stamped granulation.

Toward the mid-19th century the décor adds up in exuberance. Engraving that previously covered the upper part of the steel barrel, was extended at that time to hide it almost completely with richly engraved silver mounting and generous gilding. The open part of the barrel and the lock were completely covered with golden damascening. Extensive use of gilding and less sophisticated ornamental pattern are a characteristic of the works of Lak copperworkers. While Kubachi craftsmen showed a propensity toward continuity in the art traditions the Laks were highly susceptible to novelty in art. What promoted this approach was that master-silversmiths were regularly “on the make” in many North-Caucasian towns where they made arms for Russian officers.

43
Пистолет. Серебро, чернь, золотая насечка, гравировка. Даргинцы, с. Кубачи. Середина XIX в.

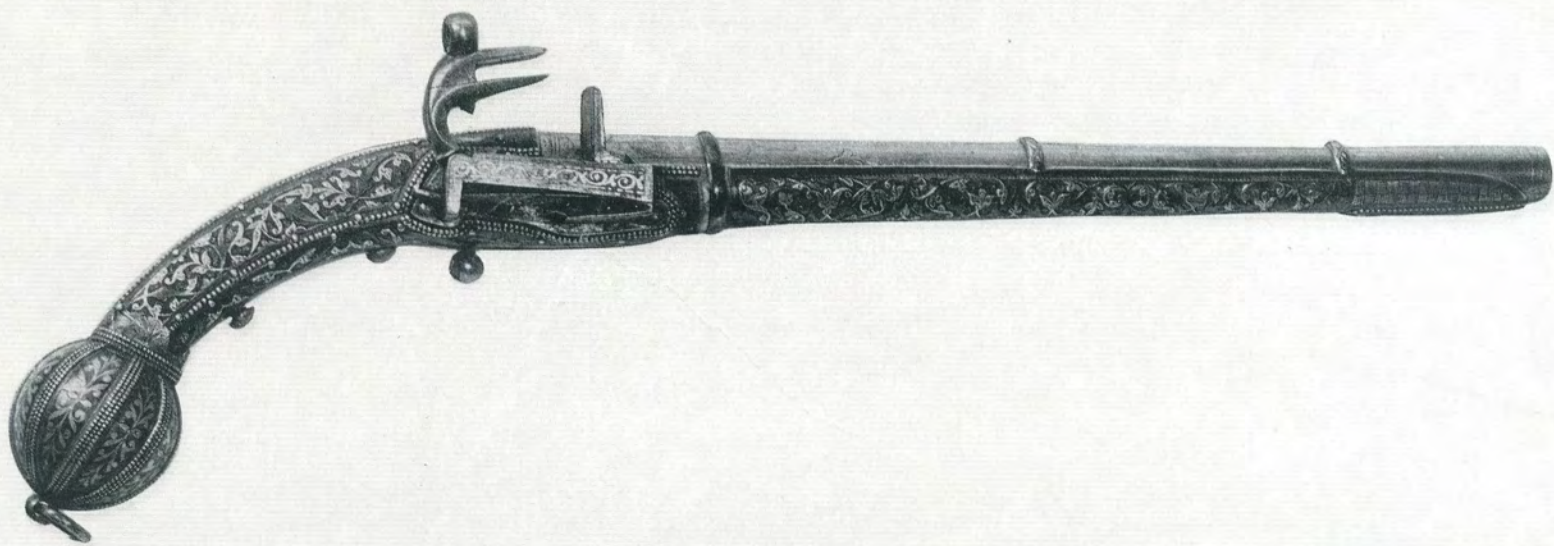
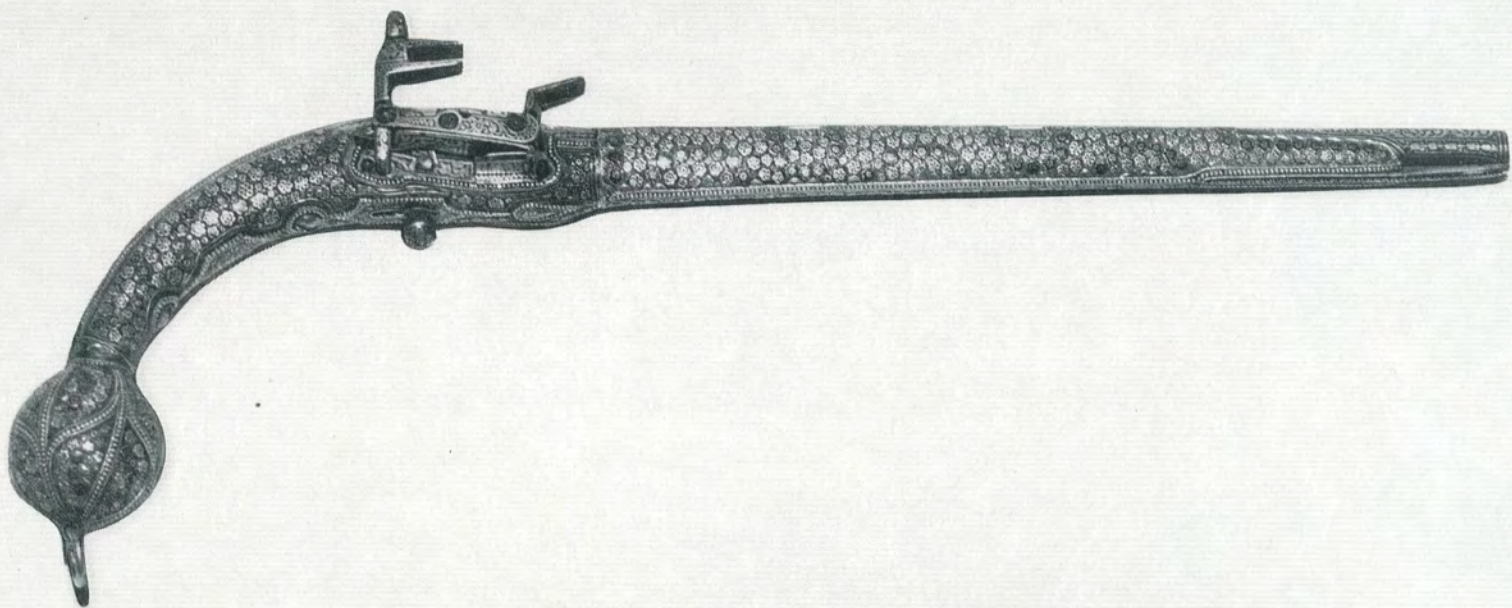
44
Пистолет. Серебро, чернь, золотая насечка, гравировка. Даргинцы, с. Кубачи. Середина XIX в.

43
Pistolet. Argent, nielle, incision à l'or, gravure. Darguiens, v. de Koubatchi. Milieu du XIXe s.

44
Pistolet. Argent, nielle, incision à l'or, gravure. Darguiens, v. de Koubatchi. Milieu du XIXe s.

43
Silver pistol. Niello, gold damascening, engraving. Darghin work from the village of Kubachi. Mid-19th century

44
Silver pistol. Niello, gold damascening, engraving. Darghin work from the village of Kubachi. Mid-19th century

К комбинированию разных техник дагестанские мастера прибегали не только при отделке оружия, но и в других изделиях. В конце XIX — начале XX в. контакты с Россией нашли отражение в таких вещах, как трости, керамика, медная посуда и пр. Иногда это были такие крупные вещи, как шкатулки и ларцы. Изготовленные в манере вещей XVII в., они богато отделаны различными драгоценными материалами: серебром, слоновой костью с золотой насечкой и гравировкой. Характер пышного растительного узора типично кубачинский. В то же время чрезмерное преувеличение некоторых деталей узора и недостаток опыта над такого рода крупными изделиями привели к некоторой утрате чувства ювелирности.

Les artisans daguestannais ne combinaient pas diverses techniques seulement dans la décoration des armes, ils le faisaient aussi pour d'autres articles. A la fin du XIXe et au début du XXe siècles, les contacts avec la Russie font apparaître la fabrication d'objets tels que les cannes, la céramique, la vaisselle de cuivre etc., parfois même d'objets aussi grands que les cassettes et les coffrets. Fabriqués à la manière des objets du XVIIIe siècle, ils sont richement décorés à l'aide de divers matériaux précieux: argent, ivoire à incisions d'or et à gravure. Le caractère de l'abondant dessin végétal est typiquement koubatchien. En même temps l'exagération trop poussée de certains détails du dessin et le manque d'expérience dans la fabrication d'objets de cette grandeur engendrent une certaine perte du sens de la mesure.

Daghestan craftsmen would make a habit of combining different techniques not only in arms trimming, but in other aerts as well. The contacts with Russia in the late 19th—early 20th century found expression in canes, ceramics, copperware, etc. Sometimes it was fairly big things, like boxes and cases. Following the 17th-century style, they were richly adorned with various precious materials, such as silver, gold-damascened or gold-engraved ivory, etc. The ubiquitous sumptuous vegetation design was essentially Kubachi in character. At the same time, overemphasis on some details of the design coupled with the lack of experience in producing sizable objects resulted in some loss of the lapidary feeling.

45
Кувшин для розовой воды. Серебро, позолота, эмаль, чернь, гравировка. Мастер Г.-Б. Магомедов. Даргинцы, с. Кубачи. 1950-е гг.

45
Broc pour eau de rose. Argent, dorure, émail, nielle, gravure. Auteur: G.-B. Magomédo, Darguiens, v. de Koubatchi. Années 1950

45
Silver jug for rose-water. Gilding, enamelling, niello, engraving. Made by G.-B. Magomedov. Darghin work from the village of Kubachi. The 1950s

Изделиям 1950-х годов присущ сложный силуэт, использование многих техник и материалов. В основу форм большинства сосудов брался чрезвычайно распространенный на Ближнем Востоке тип небольшого кувшина-водолея, хотя в его деталях часто находила отражение европейская чеканка XVII—XVIII вв., хорошо знакомая кубачинцам по привозной посуде, попадающей в их домашние коллекции. Богато отделанные сосуды и блюда несли много позолоты, глубокой гравировки и эмалей интенсивных цветов. Но наряду с искусством исполнения орнамента в 1950-х годах наблюдается некоторая измельченность, утрата чувства большой цельной формы.

Для конца 1950-х годов становится характерным обращение к традициям конца XVIII — начала XIX в. Наряду с гравированным узором, в блюдах применяется способ сквозной просечки, столь часто встречающийся в кубачинских медных печатках для хлеба. В соответствии с техникой гравировки и черни по серебру, узор строится не только на силуэте, но и с учетом внутренней разработки — легкого рельефа, контрастных черных пятен.

Les articles des années 1950 se distinguent par une silhouette compliquée, par l'utilisation de nombreuses techniques et de matériaux variés. La forme de la majorité des récipients prend pour modèle le type très répandu au Moyen Orient du broc-versoir, bien que les détails laissent paraître l'influence du bosselage européen des XVIIe—XVIIIe siècles que les Koubatchiens connaissent bien d'après les pièces de vaisselle importées qu'ils conservaient dans leurs collections familiales. Les récipients richement décorés étaient abondamment dorés, gravés en profondeur et émaillés d'émaux à couleurs vives. Mais à côté de l'art de l'ornementation, on observe dans les années 1950 un certain émiettement, une perte du sens de la grande unité de la forme.

La fin des années 1950 se distingue par un retour aux traditions de la fin du XVIIIe et du début du XIXe siècles. À côté du dessin gravé, on utilise pour les plats le procédé de la trouée, si fréquent dans les cachets de cuivre pour le pain de Koubatchi. La technique de la gravure et de la nielle sur argent fait que le dessin est construit non plus seulement en fonction de sa silhouette, mais aussi compte tenu de son aspect intérieur: léger relief, taches noires contrastantes.

The pieces that appeared in the 1950s had a complex silhouette, and demonstrated extreme diversity of techniques and materials. The shapes of most vessels followed the type, then current in the Near East, of a small ewer, though in details they were apparently influenced by the 17th–18th century European chasing tradition well-familiar to Kubachinians from imported pottery which by hook or by crook made its way into their home collections. Lavishly adorned vessels carried a great deal of gilding, deep engraving and enamelling of intense colours. But along with high art in ornamentation, another observable trend in the 1950s was loss of the feel for a big integrate form.

The late 1950s witnessed to a recourse to the art traditions of the late 18th—early 19th century. Engraved patterns would go side-by-side with the technique of chasing-through, which one commonly comes across in Kubachi brass seals for bread. In keeping with the accepted techniques of engraving and niello on silver the pattern was keyed down not only to the silhouette but to the internal qualities, such as light relief, contrasting black spots, etc.

46

Блюдо для фруктов. Серебро, чернь, позолота, гравировка, просечка. Мастер А. Мюллаев. Даргинцы, с. Кубачи. 1956

46

Plat pour les fruits. Argent, nielle, dorure, gravure, entailles. Auteur: A. Mullaïev. Darguiens, v. de Koubatchi. 1956

46

Silver fruit dish. Niello, gilding, engraving, damascening. Made by A. Myullayev. Darghin work from the village of Kubachi. 1956

Стремление разнообразить ассортимент изделий проявилось в создании небольших предметов — пудрениц, флаконов для розовой воды, лоточков, вазочек. Иной тип предметов подсказал новые художественные решения. Сосуды для розовой воды имеют вытянутую каплеобразную форму и высокое узкое горлышко с плотно закрывающейся крышкой. Небольшие размеры изделия предопределяют использование дорогих материалов. Иногда в отделке применяется пропиленная ажурная слоновая кость, ранее также не употреблявшаяся.

47
Туалетная тарелочка. Серебро, чернь, гравировка. Мастер Р. Алиханов. Даргинцы, с. Кубачи. 1960

Le désir de varier le choix d'articles s'est exprimé par la fabrication de petits objets; boîtes à poudre, flacons pour eau de rose, petits vases. Le type nouveau de ces objets a suggéré de nouvelles décorations. Les flacons pour eau de rose ont une forme allongée, en forme de goutte, avec un goulot effilé doté d'un couvercle hermétique. Les petites dimensions de l'article permettent d'utiliser des matériaux coûteux. Parfois on utilise comme ornement de l'ivoire découpé à jour, technique inconnue auparavant.

47
Petite assiette de toilette. Argent, nielle, gravure. Auteur: R. Alikhanov. Darguïens, v. de Koubatchi. 1960

The wish for varying the assortment of articles set in trend the manufacture of small objects, like powder-boxes, bottles for rose-water, trays, small vases. A new type of manufacture brought in artistic conceptions. The rose-water vessels had an extended drop-like shape and high narrow neck with tightly fitted cover. The small size invited the use of precious materials. Sometimes sawed-through ivory, previously never used, would appear in ornamentation.

47
Toilet small plate. Niello, engraving. Made by R. Alikhanov. Darghin work from the village of Kubachi. 1960

К середине 1950-х годов относятся попытки использования форм знаменитых кубачинских сосудов, ведущих свое происхождение от так называемых „албанских котлов“, широко распространенных по всему Дагестану с древнейших времен до наших дней. Форма кубачинского котла представляет большие возможности для выгодного размещения узора. Низкий конус крышки заполняется радиально расходящимися мотивами „ветвь“. Нижняя часть котлов обогащается крупными клеймами, гравированными в технике высокого рельефа, фон равномерно заполняется орнаментом „заросль“.

На примерах нескольких образцов можно проследить изменения в композиции и характере узора. Так почти сплошное заполнение позолотой и глубокой выемчатой гравировкой уступает место чередованию с гладкой серебряной плоскостью. Узорный край котлов и скульптурное решение ручки выгодно дополняют декоративное убранство сосудов.

C'est du milieu des années 1950 que date la tentative d'utiliser les formes des célèbres récipients de Koubatchi prenant leur origine chez les «chaudrons albanais» répandus dans tout le Daguestan dès les temps les plus anciens et jusqu'à nos jours. La forme du chaudron de Koubatchi offre beaucoup de champ à une décoration avantageuse. Le cône bas du couvercle est rempli de motifs de la «branche» divergeant en rayons. La partie inférieure des chaudières est enrichie par des estampilles de grandes dimensions gravées dans la technique du haut relief, le fond est rempli uniformément de «broussailles».

Plusieurs échantillons permettent de suivre les modifications survenues dans la composition et le caractère du dessin. C'est ainsi que la dorure et la gravure profonde en creux, presque totales, cèdent la place à la juxtaposition de surfaces dorées et gravées et de surfaces d'argent lisse. La bordure dessinée des chaudières et le caractère sculptural de l'anse complètent avantageusement l'ornementation des récipients.

In the mid-1950s attempts were made to take advantage of the shape of famous Kubachi vessels which had their source in the so-called "Albanian cauldrons" and were widely popular across Daghestan since time immemorial until now. The shape of the Kubachi vessel provided good opportunities for the lucrative disposition of decoration designs. The low conical lid was covered with radially running "branch" motifs. The lower part of cauldrons carried large brands engraved in high relief while the background was filled up uniformly with "thicket" ornamentation.

The examples of several specimens can help to follow changes in the composition and nature of decor. Thus, almost complete filling out of gilding and deep hollow engraving comes to be alternated with an even silver plane. A tracery-covered edge of cauldrons and sculpturally executed handles made a valuable adjunct to the decorative execution of vessels.

48
Сахарница в форме котла. Серебро, чернь, позолота, зернь, глубокая гравировка. Мастер А. Ахмедов. Даргинцы, с. Кубачи. 1947

49
Сахарница в форме котла. Серебро, чернь, позолота, глубокая гравировка. Мастер А. Ахмедов. Даргинцы, с. Кубачи. 1945

48
Sucrrière en forme de chaudron. Argent, nielle, dorure, grain, gravure profonde. Auteur: A. Akhmedov. Darguiens, v. de Koubatchi. 1947

49
Sucrrière en forme de chaudron. Argent, nielle, dorure, gravure profonde. Auteur: A. Akhmedov. Darguiens, v. de Koubatchi. 1945

48
Silver sugar-basin in the form of a cauldron. Niello, gilding, granulation, deep engraving. Made by A. Akhmedov. Darghin work from the village of Kubachi. 1947

49
Silver sugar-basin in the form of a cauldron. Niello, gilding, deep engraving. Made by A. Akhmedov. Darghin work from the village of Kubachi. 1945

Форма большого кубачинского водоносного кувшина также использовалась в небольших предметах — перечницах. Все до мельчайших деталей в сильно уменьшенных масштабах повторяется в этих изящных вещах. Но каждая деталь повторена как бы в декоративном переложении. Полосы зерни подобны заклепкам, узор „ветвь“ заменяет копьевидную чеканку, гравированная чернь напоминает медь, черненную скорлупой грецкого ореха (издавна применяющийся в Дагестане очень прочный краситель). Масштабы элементов гравированного узора и ювелирность техники подчеркивают изящность вещи.

Начало 1960-х годов характеризуется уходом от мелкого узорочья в сторону орнамента, ясно читаемого даже на значительном расстоянии. В изделиях упрощается силуэт, некогда многословная, с большим количеством розеток и клейм, поверхность равномерно заполняется однотипным орнаментом с ограниченным количеством элементов. Даже в небольшом предмете из туалетного набора — флаконе для духов — мастер считает возможным отказаться от мелкого узора и ограничивается светлой серебристой гравировкой на гладком полированном черном фоне. Позолота совершенно уходит из орнамента и остается в виде узких полосок на гранях и внутренней части сосуда.

В середине 1960-х годов кубачинскими ювелирами были предприняты дальнейшие шаги по пути усиления декоративного эффекта черногого узора. Простота и обобщенность, достигнутые на предыдущем этапе, подкрепляются выразительностью силуэтов, отдельных деталей узора и внутренней их разработкой. Мастер отказывается от глубокой гравировки и прочеканки, способствующих зрительному разрушению плоскостей.

La forme de la grande jarre porte-eau de Koubatchi a également été utilisée pour de petits objets: les poivriers. Tout jusqu'aux moindres détails est reproduit à une échelle fort petite dans ces élégants objets. Mais chaque détail est pour ainsi dire transposé décorativement. Les bandes de grains ressemblent aux rivets, le dessin de la «branche» remplace le bosselage en forme de lance, la niellure gravée rappelle le cuivre noirci à la coquille de noix (colorant très stable utilisé depuis longtemps au Daguestan). L'échelle des éléments du dessin gravé et la finesse de la technique rehaussent l'élégance de l'objet.

Le début de années 1960 se distingue par un abandon du dessin fin en faveur d'ornements visibles clairement même à des distances importantes. La silhouette des objets se simplifie, la surface, jadis volubile avec sa grande quantité de rosettes et d'estampilles, est maintenant remplie uniformément d'un dessin d'un type unique ne se composant que d'un nombre réduit d'éléments. Même quand il fait un petit objet de service de toilette — un flacon de parfum — l'artisan croit possible de renoncer au dessin fin et de s'en tenir à une gravure argentée claire sur fond noir poli. La dorure est totalement abandonnée dans la décoration et ne subsiste que sous forme d'étroites bandes le long des arêtes et à l'intérieur du flacon.

Au milieu des années 1960, les bijoutiers de Koubatchi ont fait un nouveau pas vers l'accroissement de l'effet décoratif du dessin niellé. La simplicité et le laconisme de l'étape précédente sont renforcées par le laconisme des silhouettes, de certains détails du dessin et par leur élaboration intérieure. L'artisan renonce à la gravure profonde et au bosselage des lignes détruisant la perception des surfaces.

The shape of a large Kubachi water-carrier found application in smaller objects, one example being a pepper-box. It can be retrieved up to the last detail even though to a substantially reduced scale in these fine pieces. But each detail seemed to be replicated in its decorative variation. Graining strips became similar to rivets, the “branch” pattern substituted for spear-shaped chasing, engraved niello clearly recalled copper nielloed with doughnut shell (known in Daghestan long since as a very stable dyer). The dimensions of the elements of engraved patterns and fine technique accentuated the article's finesse in execution.

In the early 1960s petty tracery was abandoned in favour of ornaments that could be read from afar. As a result, the silhouette became simpler and the surface previously glib and with numerous rosettes and brands, acquires a uniform ornamentation with a limited number of decorative elements. Even in a scent-bottle, a small object from the toilet set, the master thought it possible to give up diminutive patterning for the sake of light silvery engraving over a smooth polished background. Gilding was gone for good from ornamentation and was only present in the narrow bands on the facets and inner part of the vessel.

In the mid-1960s Kubachi jewellers took further steps toward stressing the decorative effect of niello designs. The simplicity and generality attained at the previous stage were further buttressed by the expressive silhouettes, individual ornamental details and their inward development. The master had no further use for deep engraving and chasing-through which worked for the visual destruction of planes.

50
Перечница в форме водоносного кувшина. Серебро, чернь, позолота, гравировка, зернь. Мастер Г. Кишев, Даргинцы, с. Кубачи. 1930-е — 1940-е гг.

51
Флакон для духов. Серебро, чернь, позолота, гравировка, прорезная слононая кость. Мастер Г. Кишев. Даргинцы, с. Кубачи. 1940

52
Декоративная вазочка. Серебро чернь, гравировка. Мастер Р. Алиханов. Даргинцы, с. Кубачи. 1960

53
Флакон для духов. Серебро, чернь, глубокая гравировка. Мастер Г.-Б. Магомедов. Даргинцы, с. Кубачи. 1960

50
Poivrier en forme de jarre porte-eau. Argent, niello, dorure, gravure, grain. Auteur: G. Kichev. Darguiens, v. de Koubatchi. Années 1930—1940

51
Flacon pour parfums. Argent, niello, dorure, gravure, ivoire ajouré. Auteur: G. Kichev. Darguiens, v. de Koubatchi. 1940

52
Petit vase décoratif. Argent, niello gravure. Auteur: R. Alikhanov. Darguiens, v. de Koubatchi. 1960

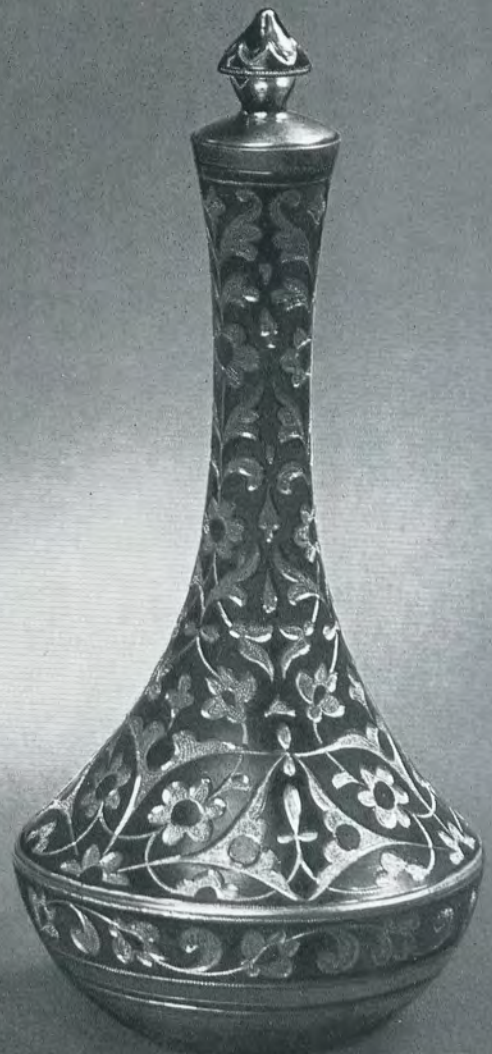
53
Flacon pour parfums. Argent, niello, gravure profonde. Auteur: G.-B. Magomedov. Darguiens, v. de Koubatchi. 1960

50
Silver pepper-box in the form of a water-carrier. Niello, gilding, engraving, granulation. Made by G. Kichev. Darghin work from the village of Kubachi. 1930s–1940s.

51
Silver scent-bottle decorated with openwork ivory. Niello, gilding, engraving. Made by G. Kichev. Darghin work from the village of Kubachi. 1940

52
Silver decorative vase. Niello, engraving. Made by R. Alikhanov. Darghin work from the village of Kubachi. 1960

53
Silver scent-bottle. Niello, deep engraving. Made by G.-B. Magomedov. Darghin work from the village of Kubachi. 1960

Поверхность изделий как бы обволакивается плавно изгибающимися стеблями „заросль“, четких и выразительных на серебристом фоне, покрытом легкой фактурой гравировки „ро-ро“. Такая же плавность, полное отсутствие граней и резких переходов характерны для форм изделий этого периода. Следует также отметить, что в кубачинской посуде все более превалирует ее назначение как декоративной вещи. Поэтому с середины 1960-х годов в изделиях преобладают декоративные вазы самых различных размеров, настенные подносы и тарелки.

Наряду с равномерно заполняющими плоскость завитками „заросль“ для кубачинских мастеров середины 1960-х годов излюбленным становится „московский“ узор. В отличие от других схем орнамента здесь несимметричная, красиво изогнутая ветка, стебли которой усеяны цветами, листочками, завитками. Ранее, в XVIII—XIX вв., такого рода узор употреблялся лишь на обратной стороне ножен оружия.

La surface des articles est comme enlacée par les tiges sinueuses de la «broussaille» qui se détachent nettement et expressivement sur le fond argenté recouvert de la légère gravure à facture «ro-ro». La même souplesse, la même absence totale d'arêtes et de transitions brutales caractérisent les formes des articles de cette période. Il faut noter également que la vaisselle de Koubatchi reste toujours essentiellement un objet décoratif. C'est pourquoi, à partir du milieu des années 1960, ce sont les vases décoratifs des dimensions les plus diverses, les plats muraux et les assiettes murales qui prévalent.

À côté des boucles de la «broussaille» remplissant uniformément la surface, un des motifs préférés des artisans de Koubatchi devient le motif «moscovite». À la différence des autres schémas décoratifs, nous avons là une branche asymétrique élégamment courbée dont les tiges sont parsemées de fleurs, de feuilles, de boucles. Avant, aux XVIIIe—XIXe siècles, ce dessin n'était utilisé que pour le verso des fourreaux d'armes blanches.

The surface of articles seemed to be enwrapped in softly bending “thicket” stems, expressive and clear-cut, with a silvery background covered with the light texture of “ro-ro” engraving. The same softness in the absence of facets and sharp contrasts was a hall-mark of the shapes of objects in that period. It is also noteworthy that in the Kubachi pottery at that time there was a gradual shift of emphasis toward its decorative function. Therefore, from the mid-1960s onwards the predominant trend in Kubachi art became decorative vases of various dimensions, mural trays and plates.

One other favourite style with the Kubachi workmen in the mid-1960s, besides the “thicket” which would fill the plane uniformly with locks was a “Moscow” ornament. In contrast with other ornamental pattern, an assymetrical, finely curved branch its stems studded with flowers, little leaves and tendrils was applied previously, in the 18th–19th century if only on the back side of scabbards.

54

Кувшин для розовой воды. Серебро, чернь, гравировка, зернь. Мастер М. Джамалутдинов. Аварцы, с. Гочатль. 1960

54

Broc pour eau de rose. Argent, nielle, gravure, grain. Auteur: M. Djama-loutdinov. Avars, v. de Gotsatl. 1960

54

Silver jug for rose-water. Niello, engraving, granulation. Made by M. Djama-lutdinov. Avar work from the village of Gotsatl. 1960

На круглых плоскостях блюд крупным цветком создается ярко выраженный центр композиции, поддерживаемый по краям лепестками и „головками“. Четкий силуэт „московского“ узора хорошо просматривается издали, в то время как вблизи подробно читается мельчайшее внутреннее черное заполнение его отдельных деталей.

Одним из центров художественной обработки серебра в Дагестане является селение Гочатль. Мастера-серебряники этого аварского селения в XIX в. наряду с оправой оружия изготавливали множество серебряных украшений, расхившихся по всему северо-западному Дагестану. Почти угасший в конце XIX в. аварский промысел возродился в начале 1960-х годов. Большую часть их изделий составляют застольные роги, оправленные в серебро, меньшую — ювелирные украшения и посуда. Гочатлинские мастера возрождают лучшие традиции аварского черного серебра.

Простота, плавность линий, использование древних солярных мотивов — отличительные черты аварского черного узора. В подавляющем большинстве своих изделий аварцы редко прибегают к прочеканке фона и глубокой гравировке. Обычай нашивать украшения на одежду предопределил тонкость серебряных пластин и соответственно глубину аварской гравировки по сравнению с приемами кубачинцев. Эта же техника обработки была перенесена на гочатлинские застольные роги, черновой рисунок которых гораздо древнее самих предметов.

Une grande fleur crée sur les surfaces circulaires des plats un centre net de composition entouré sur les bords de pétales et de «petites têtes». La silhouette précise du dessin «moscovite» est bien visible de loin, tandis que de près on observe parfaitement le remplissage intérieur à la nielle de certains détails.

Un des centres de l'argenterie du Daguestan est le village de Gotsatl. Les maîtres-argentiers de ce village avar fabriquaient au XIXe siècle non seulement des montures d'armes, mais aussi une multitude de bijoux en argent vendus dans tout le Daguestan du nord-ouest. Presque disparue à la fin du XIXe siècle, l'industrie avare renaquit au début des années 1960. La majeure partie des articles sont des cornes à boire à monture d'argent, mais il y a aussi des bijoux et des objets de vaisselle. Les artisans de Gotsatl ressuscitent les meilleures traditions de l'argent niellé avar.

La simplicité, l'élégance des lignes, l'utilisation des antiques motifs solaires, tels sont les traits distinctifs du dessin niellé avar. Dans la majorité écrasante de leurs articles les Avars ont rarement recours au bosselage du fond et à la gravure profonde. La coutume consistant à les coudre sur les vêtements a prédéterminé la finesse des plaquettes d'argent et, partant, la moindre profondeur de la gravure avare par rapport aux procédés de Koubatchiens. Cette même technique a été transposée sur les cornes à boire de Gotsatl dont le dessin niellé est beaucoup plus ancien que ces objets eux-mêmes.

On the round planes of large dishes a big flower marks down a clear-cut composition centre supported on the edges by petals and "heads". The well-defined silhouette of the "Moscow" pattern was easily sighted from after, and as one came closer the eye took in the tiniest internal niello fillings of its individual details.

The craftsmen of the Avar village of Gotsatl, another centre of silverwork in Daghestan, turned out in the 19th century, besides arms and weapons, multiple silver trinkets which spread wide about the entire area of north-west Daghestan. This trend that was nearly extinct toward the end of the 19th century revived in the early 1960s. The emphasis in their produce was on silver-rimmed drinking horns while jewelry and pottery were a minor preoccupation. The Gotsatl craftsmen kept alive the best traditions of the Avar niello silver style.

The Avar niello ornamentation featured a remarkable simplicity, flowing lines and use of ancient solar motifs. The overwhelming majority of Avar articles had limited applications for the chasing-through of the background and deep engraving. Because trinkets were customarily sown on to the garment they had to be fairly thin, so the depth of Avar engraving compared with the Kubachi style differed accordingly. The same processing technique was applied to Gotsatl drinking horns whose niello design dates to far more ancient times than the objects themselves.

55
Застольный рог. Серебро, чернь, гравировка, рог. Мастера Б. Гимбатова и М. Батыралиева. Аварцы, с. Гочатль. 1968

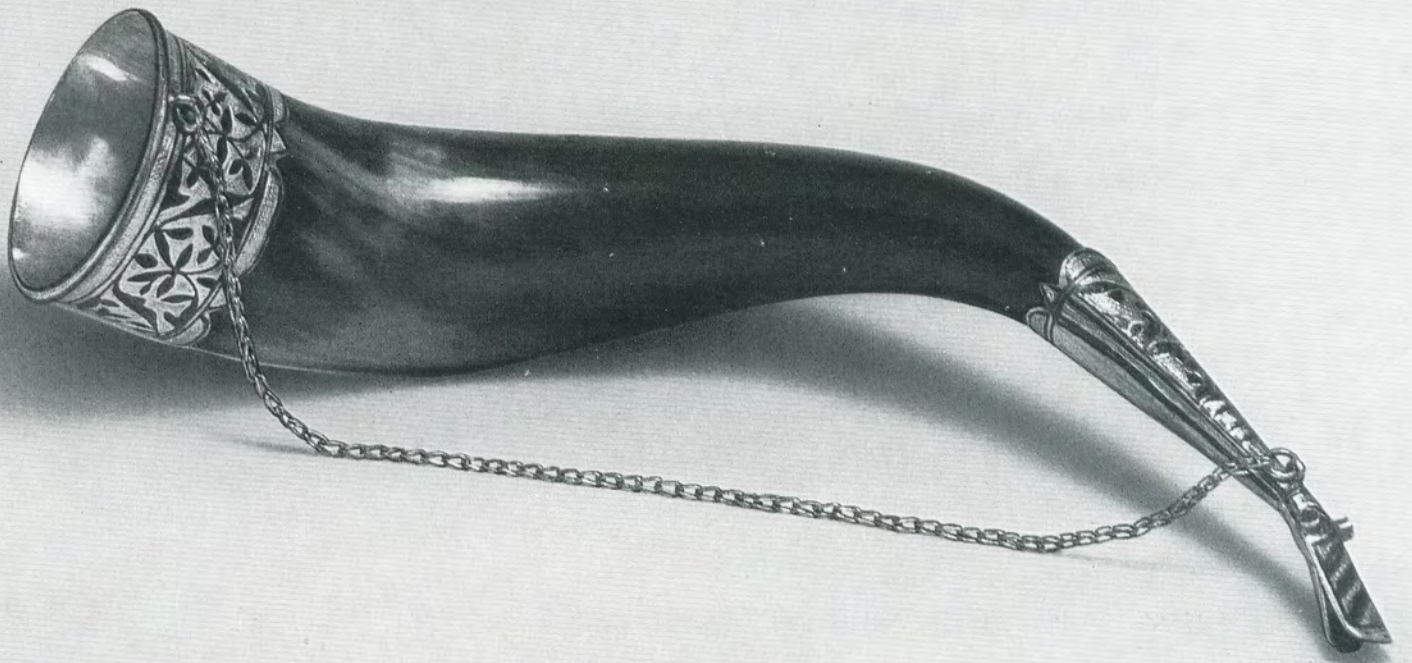
56
Застольный рог. Рог, серебро, чернь, гравировка. Мастера Б. Гимбатова и М. Батыралиева. Аварцы, с. Гочатль. 1968

55
Corne à boire. Corne, argent, nielle, gravure. Auteurs: B. Guimbatov et M. Batoryaliev. Avars, v. de Gotsatl. 1968

56
Corne à boire. Corne, argent, nielle, gravure. Auteurs: B. Guimbatov et M. Batoryaliev. Avars, v. de Gotsatl. 1968

55
Silver drinking horn decorated with horn. Niello, engraving. Made by B. Ghimbatov and M. Batoryaliev. Avar work from the village of Gotsatl. 1968

56
Silver drinking horn decorated with horn. Niello, engraving. Made by B. Ghimbatov and M. Batoryaliev. Avar work from the village of Gotsatl. 1968

Заполнение фона чернью в украшениях встречается и у кубачинцев, но значительно реже, чем у аварцев. Браслеты, например, широкие и массивные, покрываются крупным узором типа „заросль“, но заключенный в светлый контур, каждый элемент в свою очередь подвергается мелкой внутренней орнаментальной разработке. Получивший известное распространение в начале 1960-х годов, этот декоративный прием в настоящее время почти не применяется.

Удачно применена филигрань в настольной пудренице. Расположения стебля и деталей здесь укладывается в схему „московского“ узора. Несимметрично изогнутый стебель с множеством ответвлений красиво заполняет овальную, слегка выпуклую плоскость крышки. В данном случае богато украшенный зернью центр коробочки кажется вполне оправданным.

Боковую часть обрамляет скромный черневой узор с неглубокой гравировкой. Переходным мотивом служит целый ряд полос плетенки из искусственной зерни. Позолоченная филигрань удачно сочетается с блестящей серебряной поверхностью и четким рисунком черни.

Le remplissage du fond des bijoux à la nielle est aussi utilisé par les Koubatchiens, bien que bien plus rarement que par les Avars. Les bracelets, par exemple, larges et massifs, sont recouverts d'un dessin du type «broussailles», mais chaque élément entouré d'un contour clair est à son tour travaillé minutieusement à l'intérieur. Ce procédé décoratif, assez répandu au début des années 1960, n'est presque plus utilisé.

Le filigrane est fort judicieusement utilisé dans cette boîte à poudre. La position de la tige et des détails y suit le schéma «moscovite». La tige est courbée asymétriquement et ses innombrables ramifications remplissent la surface ovale, légèrement convexe, du couvercle.

En l'occurrence, l'abondante décoration au grain du centre de la boîte à poudre est parfaitement justifiée. Les côtés de la boîte sont encadrés d'un modeste dessin à la nielle à gravure non profonde. Le motif de transition se compose d'une série de bandes de treille en grain artificiel. Le filigrane doré se combine harmonieusement avec la brillante surface d'argent et le dessin net de la nielle.

The custom of filling the background with niello is found in Kubachi, true, but a deal less often than in Avaria. For example, bracelets, broad and massive, have an impressive ornamental design of the "thicket" type enframed into a bright contour, with each element being subject in turn to fine internal ornamental processing. Although widely popular in the early 1960s, this decorative device has gone almost out of use today.

Good use is made of filigree in a desk powder-box. The position of the stem and details follows very precisely the "Moscow" scheme. An assymmetrically curved stem with many off-shoots fills delicately the oval, somewhat prominent plane of the cover.

In this particular case the richly grained centre of the box seems to have a good point to it. The side of the powder-box is adorned with a modest niello design with rather shallow engraving. A number of wattled bands of artificial graining form a transitory motif. The gilded filigree goes well with the shining silver surface and graphical niello design.

57
Браслет. Серебро, перегородчатая эмаль. Мастер Г.-Б. Магомедов. Даргинцы, с. Кубачи. 1960

58
Пудреница. Серебро, накладная филигрань, зернь, позолота. Мастер А. Абдурахманов. Даргинцы, с. Кубачи. 1965

57
Braslet. Argent, émail cloisonné. Auteur: G.-B. Magomédiv. Darguiens, v. de Koubatchi. 1960

58
Boîte à poudre. Argent, filigrane surimposé, grain, dorure. Auteur: A. Abdourakhmanov. Darguiens, v. de Koubatchi. 1965

57
Silver bracelet decorated with cloisonne enamel. Made by G.-B. Magomedov. Darghin work from the village of Kubachi. 1960

58
Silver powder-box. Applied filigree, gilding, granulation. Made by A. Abdurakhmanov. Darghin work from the village of Kubachi. 1965

Оригинальная форма старинного медночеканного водоносного кувшина во второй половине 1960-х годов вновь используется кубачинскими мастерами. Теперь это большая декоративная ваза, выполненная с использованием многих художественных приемов. Крупный черновой рисунок „заросль“ чередуется с узкими фризами, украшенными изображениями птиц. Очень простая, угловатая форма на изломах дополняется и разнообразится крупной зернью и поясками из витой проволоки. Применение позолоты крайне ограничено.

59

Декоративная ваза в форме водоносного кувшина. Серебро, чернь, гравировка, зернь, позолота. Мастер А. Абдурахманов. Даргинцы, с. Кубачи. 1967

La forme originale de l'ancienne jarre porte-eau en cuivre bosselé est de nouveau utilisée par les artisans de Koubatchi dans la deuxième moitié des années 1960. C'est maintenant un grand vase décoratif exécuté avec utilisation de nombreux procédés décoratifs. La grand dessin niellé «broussailles» alterne avec d'étroites frises décorées d'images d'oiseaux. La forme très simple, un peu angulaire, est complétée et diversifiée sur les arêtes par du gros grain et par des ceinturons de fil métallique tressé. Les dorures sont très limitées.

59

Vase décoratif en forme de jarre porte-eau. Argent, nielle, gravure, grain, dorure. Auteur A. Abdourakhmanov. Darghiens, v. de Koubatchi. 1967

Generally, in the late 1960s the Kubachi master-craftsmen showed renewed interest for the original form of an ancient copper-chased water-carrier. They developed into a large decorative vase, with many art techniques successfully applied for its execution. The large niello "thicket" pattern alternates with narrow friezes adorned with bird images. A simple angular shape is accentuated at fractures both with large-size granulation and straps of twisted wire. The application of gilding is extremely limited.

59

Silver decorative vase in the form of a jug. Niello, engraving, gilding, granulation. Made by A. Abdurakhmanov. Darghin work from the village of Kubachi. 1967

Следует отметить, что хотя устойчивая традиционная форма сосуда ограничивала поиски новых решений, мастера Кубачей бесконечно варьировали гравированный рисунок вещи. В конце 1960-х годов в „ауле златокузнецов“ уже насчитывался целый ряд мастеров, обладавших ярко выраженной творческой манерой. Участие во многих выставках, в том числе международных, расширило художественный кругозор мастеров. Для творчества кубачинцев становятся характерными успешные поиски не только в области орнамента, но и формы.

60
Кувшин. Серебро, накладная филигрань, зернь, позолота. Мастер А. Гаджиламаев. Даргинцы, с. Кубачи. 1965

Il faut noter toutefois que bien que la forme traditionnelle invariable du récipient restreignît les possibilités d'innovation, les artisans de Koubatchi faisaient varier à l'infini le dessin gravé sur l'objet. Vers la fin des années 1960, il y avait déjà dans «l'aoul (village) des orfèvres» beaucoup d'artisans possédant un style artistique individuel très marqué. Leur participation à de nombreuses expositions, dont des internationales, a élargi de beaucoup leurs horizons artistiques. L'œuvre des Koubatchiens se distingue de plus en plus par des recherches fructueuses portant non seulement sur l'ornementation, mais aussi sur la forme.

60
Broc. Argent, filigrane surimposé, grain, dorure. Auteur: A. Gadjilamaïev. Darguiens, v. de Koubatchi. 1965

It is noteworthy that although the traditional stable shape of the vessel hampered the search for new solutions, Kubachi metalworkers varied infinitely the engraved pattern of an object. Toward the end of the 1960s in the “goldsmiths' *aul*” masters were quite many who possessed a well-defined original manner in art. Participation in art exhibitions, including international displays, broadened the vision of the craftsmen. Characteristic of the Kubachi art now is a successful search both in the area of fresh ornamentation and forms.

60
Silver jug. Applied filigree, gilding granulation. Made by A. Gadjilamaïev. Darghin work from the village of Kubachi. 1965

Винный комплект, изготовленный в 1968 году, отличает органичное сочетание самых различных традиционных техник и новое пластическое решение. Совершенно отсутствуют сложные профилировки, типичные для 1960-х годов, многословность орнамента перешла в лаконизм, форма каждого предмета сервиза проста и изысканна.

Традиция филигранный продолжается не только в ювелирных изделиях, но и в посуде. Не получая широкого развития, она находит выражение в появлении отдельных вещей выставочного плана. Восприняв традиции второй половины XIX в., мастера накладывают филигрань на блестящую полированную поверхность посуды и закрепляют ее заклепками. Ряд элементов свидетельствует о восприятии традиций крупнейшего русского центра по производству филигранных изделий — красносельского промысла. В то же время обилие крупной зерни — настоящей и искусственной — весьма характерно для северокавказских изделий из филигранный. Это сходство дополняется позолотой, покрывающей все изделие. Однако богатство элементов здесь приводит к перенасыщенности и утрате ясности формы. Совершенно новый декоративный прием применен кубачинскими мастерами в наборе для варенья. Все три круглые, почти шаровидные предметы набора покрыты „московским“ узором. Стебли узора настолько тонки, что их движение угадывается лишь по направлению цветков и листьев. Цветы, бутоны и листья очень крупны и рельефно гравированы, а гладкий и полированный фон состоит из черни, в которую вкраплен мельчайший узор „заросль“. В этом случае позолота крупного узора уместно поддерживается золотом открытой внутренней части посуды.

Le service à vin fabriqué en 1968 se distingue par une synthèse organique des techniques traditionnelles les plus variées et de nouvelles trouvailles plastiques. Les profils compliqués typiques des années 1960 sont entièrement absents, l'ornement jadis très volubile est devenu laconique, la forme de chaque objet du service est simple et recherchée.

La tradition du filigrane se conserve non seulement dans la bijouterie, mais aussi dans la vaisselle. Sans se développer beaucoup, elle se manifeste par l'apparition de diverses œuvres destinées aux expositions. Les artisans, influencés par les traditions de la deuxième moitié du XIXe siècle, surimposent le filigrane sur la surface polie brillante et le fixent avec des rivets. De nombreux éléments témoignent d'une influence des traditions du plus grand centre russe d'objets à filigrane, Krasnosselsk. En même temps, l'abondance de gros grains — vrais et artificiels — est caractéristique des articles à filigrane du Caucase du Nord. Cette ressemblance est soulignée par la dorure couvrant tout l'objet. Mais la richesse des éléments provoque un effet de saturation et détruit la clarté de la forme.

Un procédé décoratif absolument nouveau est utilisé par les artisans de Koubatchi dans le service à confiture. Les trois objets ronds, presque sphériques, du service sont couverts d'un dessin «moscovite». Les tiges du dessin sont si fines qu'on ne devine leur mouvement que grâce à la disposition des fleurs et des feuilles. Les fleurs, les boutons et les feuilles sont très grands et gravés en relief, le fond est lisse et poli et se compose de nielle incrustée d'une très fine «brousaille». Ici la dorure du gros dessin est supportée par l'or de la partie intérieure visible des pots.

A wine set produced in 1968 demonstrates an original array of most variegated traditional techniques combined with new plastic solutions. Complex profiles, a by-feature of the 1960s style, are altogether gone, glib ornamentation is reduced to laconic forms while the shape of each object in the set is simple and dainty at a time.

Here, for the first time ever the method of oxidation of deep engraving with chasing was applied. Heavily oxidized frosted surface harmonizes well with the polished niello and emphasizes through contrast a high relief of the bright shining pattern. It offers a new view of the dark brands which constitute an organizing centre of composition in any piece of the set.

The tradition of filigree has proved of staying significance not only in jewelry but in pottery, too. Aware of the late 19th century tradition the master craftsmen apply filigree to the shining polished surfaces of pottery pieces and rivet it. A number of elements evidence to the continuity of the trend of Crasnoye Selo, Russia's most ancient supplier of filigree. At the same time, overabundance of large granulation, both artificial and natural, is rather typical of North-Caucasian filigree articles. This similarity is further emphasized due to the gilding that covers the entire piece. However, the abundance of elements leads to oversaturation and loss of clear-cut form.

A novel decorative means was applied by Kubachi masters in the set for jam. All the three pieces, round and nearly globe-shaped, are covered with the "Moscow" designs. The stems of the pattern are so thin that their movement can be perceived only by the direction of flowers and leaves. The flowers, buds and leaves are fairly big and engraved in a relief-like fashion while the background, smooth and polished, is made up of niello with a diminutive sprinkled-in design.

61
Винный комплект: кувшин, поднос, четыре стопки. Серебро, чернь, глубокая гравировка, чеканка, оксидировка. Мастер Р. Алиханов, с. Даргинцы, Кубачи. 1968

62
Комплект для варенья. Серебро, чернь, глубокая гравировка, позолота. Даргинцы, с. Кубачи. 1963

61
Service à vin: broc, plateau, quatre verres. Argent, nielle, gravure profonde, bosselage, oxydation. Auteur: R. Alikhanov. Darghiens, v. de Koubatchi. 1968

62
Service à confiture. Argent, nielle, gravure profonde, dorure. Darghiens, v. de Koubatchi. 1963

61
Silver wine set: jug, tray, four wine glasses. Niello, deep engraving, oxidizing, chasing. Made by A. Abdurakhmanov. Darghin work from the village of Kubachi. 1968

62
Silver jam set. Niello, deep engraving, gilding. Darghin work from the village of Kubachi. 1963

Одной из вершин современного кубачинского мастерства можно считать декоративную вазу, выполненную в необычной для этого промысла манере. Все удлиненное, похожее на луковицу, тулово вазы покрыто плотной сеткой блестящего с внутренней дополнительной разгравировкой узора „ветвь“. Низкоопущенный прочеканенный фон покрыт темно-серой матовой оксидировкой. Мастер почти отказался от привычной техники черни — ей отведена скромная роль узкого обрамляющего пояса. Крупная фактура, образованная рельефной гравировкой, еще более подчеркивается совершенно гладкими горлышком и поддоном вазы. На примере этого изделия видно, как умело использованная только одна техника, без применения зерни и позолоты, дает наивысший декоративный эффект.

63
Декоративная ваза. Серебро, чернь, глубокая гравировка с последующей прочеканкой, оксидировка. Мастер Г.-Б. Магомедов. Даргинцы, с. Кубачи. 1969

Un des sommets de l'art moderne de Koubatchi est le vase décoratif exécuté d'une manière inhabituelle pour l'industrie de ce village. Tout le tronc oblong, ressemblant à un oignon, de ce vase est couvert d'un filet dense de dessin brillant «branche» à gravure interne supplémentaire. Le fond bas bosselé est oxydé en gris-foncé mat. L'artisan a presque totalement renoncé à la technique habituelle de la nielle: elle ne joue qu'un rôle modeste de petite ceinture étroite. La grosse facture formée par la gravure en relief est soulignée encore par le goulot et le support du vase absolument lisses. Cet objet montre comment une technique unique bien utilisée, sans grain ni dorure, produit un effet des plus décoratifs.

63
Vase décoratif. Argent, nielle, gravure profonde avec bosselage consécutif des lignes, oxydation. Auteur: G.-B. Magomédoov. Darguiens, v. de Koubatchi, 1969

One of the summits of modern Kubachi art, a decorative vase is executed in a way that makes it a digression from the accepted Kubachi handicraft. Its body, protracted all along and onion-like, is covered with the cobweb of shining “branch” pattern with additional internal engraving. A low-fit chased-through background has a coating of dark grey frosted oxidation. The master has little use for the customary niello technique—it plays a part as a narrow enframing girdle. Sweeping texture formed by relief engraving is further accentuated by the smooth neck and tray of the vase. The vase provides an exemplary case of using only one technique, without either granulation or gilding, to attain a topmost decorative effect.

63
Silver decorative vase. Niello, deep engraving and chasing, oxidizing. Made by G.-B. Magomedov, Darghin work from the village of Kubachi, 1969

Для последних работ ведущих кубачинских мастеров характерно обращение к декоративным приемам и техникам прошлого. Многоцветная эмаль, появившаяся в Кубачах в середине XIX в. и достигшая расцвета в первой четверти XX в., периодически используется в уникальных выставочных вещах. В технике перегородчатой многоцветной эмали выполняются вставки и фризы тарелок, браслеты. Если в прошлом гамма цветов была яркой и порой переходила в пеструю, то теперь она основана на серо-голубых и темно-вишневых тонах. Отличительным признаком современной композиции является также укрупнение элементов орнамента, введение сюжетов с птицами. Для кубачинской эмали всех времен типичен позолоченный металл и фон, выполненный в черном цвете.

64
Переплет книги Р. Гамзатова „Мой Дагестан“. Серебро, перегородчатая эмаль. Мастер М. Магомедова. Даргинцы, с. Кубачи. 1969

Dans leurs dernières œuvres les artisans de Koubatchi se tournent vers les procédés décoratifs et les techniques du passé. L'émail multicolore, apparu à Koubatchi au milieu du XIXe siècle et ayant atteint la faite de la perfection pendant le premier quart du XXe siècle, est utilisé dans des œuvres destinées aux expositions. Les incrustations et les frises des assiettes, les brasselets sont exécutés dans la technique de l'émail multicolore cloisonné. Si avant la gamme des couleurs était vive et devenait parfois trop barriolée, maintenant elle repose sur des tons gris-bleu et cerise foncé. Le trait distinctif de la composition moderne est aussi le grossissement des éléments de la décoration, l'introduction de sujets représentant des oiseaux. Les émaux koubatchiens de tous les temps se caractérisent par leur dorure du métal et par la couleur noire de leur fond.

64
Reliure du livre de R. Gamzatov «Mon Daguestan». Argent, émail cloisonné. Auteur: M. Magomédoва. Darguïens, v. de Koubatchi, 1969.

In their latest works the leading Kubachi masters tend to turn for ideas to the decorative means and techniques of the past. The multicoloured enamel which first emerged in Kubachi in the mid-19th century and came to its own in the first quarter of the 20th century makes a common entry, in unique exhibitional pieces. Now the polychrome *cloisonné* enamel techniques are widely used for inserts and friezes in plates and bracelets. Unlike the colour range of the past, bright and at times nearly motley, the modern array of colours is based on grey-blue and dark purple. One other distinction of modern composition are larger ornamental elements and renewed emphasis on bird subjects. Kubachi enamel of all times showed preference for gilded metal and a background executed in black.

64
Book cover decorated with silver and cloisonne enamel for R. Gamzatov's "My Daghestan". Made by M. Magomedova. Darghin work from the village of Kubachi. 1969.

Предпринимаются отдельные попытки создания сюжетных композиций с включением пейзажа, архитектуры, надписей. Однако с появлением изобразительности в значительной мере утрачена декоративность и орнаментальность вещей. В конце 1960-х годов продолжают поиски художественного решения шрифта в сочетании с кубачинским орнаментом. Удачным следует признать рисунок букв и цифр вазы „Юбилейная“. Силуэт цифр орнаментален и органично сливается со сложным рисунком узора. Эти же качества присущи и надписи в нижней части вазы. При прорисовке цифр и букв мастер исходил от широко распространенных в даргинских районах изречений на каменных стелах.

В вазе также обращает внимание новый декоративный прием в гравировке узора. Завитки стеблей и цветов так крупны и закомпонованы так плотно, что фон почти отсутствует. Пышные, круто завивающиеся ветви черного растительного узора тесно переплетаются со светлыми рельефно гравированными листьями и цветами. Весь орнаментальный строй вазы позволяет говорить об определенных композиционных принципах и декоративных приемах, сложившихся в наши дни.

Diverses tentatives ont été faites de créer des compositions figuratives contenant des paysages, des édifices architecturaux, des inscriptions. Mais la figuration détruit en grande partie le côté décoratif et ornemental des objets. A la fin des années 1960, les recherches se poursuivent en vue de trouver des formes des caractères de l'alphabet qui se marient bien avec le dessin koubatchien. Il faut reconnaître que la forme des lettres et des chiffres du vase d'anniversaire sont réussis. La silhouette des chiffres est décorative et s'unit organiquement au dessin compliqué. Les mêmes qualités caractérisent les inscriptions au bas du vase. En dessinant les chiffres et les lettres, l'artisan a pris pour modèle les dictons taillés dans les stalles de pierre si répandues dans les régions darguiniennes.

Autre caractère intéressant du vase: le nouveau procédé décoratif de gravure du dessin. Les boucles des tiges et des fleurs sont si grosses et si denses qu'il n'y a presque pas de fond. Les ramures luxuriantes, à courbures brusques, du dessin végétal s'entremêlent avec les feuilles et les fleurs claires gravées en relief. Tout le style ornemental du vase permet de parler de principes déterminés de composition et de procédés décoratifs nés à notre époque.

Attempts now being taken by individual craftsmen to create thematic compositions including landscape, architecture, inscriptions, deserve attention though the emphasis on portrayal has reduced in a large measure the decorative and ornamental impact of such pieces. Toward the end of the 1960s the search continued to find the best artistic solutions for print in combination with the Kubachi ornament. An obvious step-forward in this direction is the way figures and characters are designed in "Jubileinaya" (Jubilee) vase. The outline of figures possesses ornamental quality and merges organically with the complex decoration pattern. Much the same qualities are found in the inscription on the lower part of the vase. In designing the figures and letters the master's starting point were sayings in stone steles widespread across the Darghin area.

Other attraction of the vase is a new decorative technique in engraving the ornament. The locks of the stems are so large and so tightly fitted together that there is practically no background to speak of. Sumptuous, steeply curling branches of a niello vegetation design intertwine with light, relief-engraved leaves and flowers. The entire ornamental arrangement of the vase lends weight to the statement of certain peculiar composition principles and decorative techniques emergent nowadays.

65
Декоративная ваза „Юбилейная“. Серебро, чернь, глубокая гравировка с последующей прочеканкой, оксидировка. Мастер Р. Алиханов. Даргинцы, с. Кубачи. 1967

65
Vase décoratif d'anniversaire. Argent, niello, gravure profonde avec bosselage consécutif des lignes, oxydation. Auteur: R. Alikhanov. Darguïens, v. de Koubatchi. 1967

65
Silver decorative "Jubilee" vase. Niello, deep engraving and chasing, oxidizing. Made by R. Alikhanov. Darghin work from the village of Kubachi. 1967

Резной камень и дерево

Резьба по камню и дереву нашла широкое распространение по всему Дагестану. Каменные рельефы и деревянные архитектурные детали украшают различные сооружения и составляют неотъемлемую часть облика селений горцев. Резной камень особенно часто встречается в надгробных стелах. Мастера резьбы по камню работали в каждом селении, но были районы, в которых это искусство достигало высокого совершенства. Лакцы, даргинцы, табасаранцы и лезгины в течение многих веков овладевали техникой резьбы по камню, и их искусство отличается особым богатством и разнообразием декоративных

Pierre et bois taillés

La taille de la pierre et du bois est fort répandue dans tout le Daguestan. Des reliefs de pierre et des détails architecturaux de bois décorent divers édifices et font partie intégrante de l'aspect des villages montagnards. La pierre taillée est particulièrement fréquente sur les stèles tombales. Des tailleurs de pierre existaient dans chaque village, mais il y avait des régions où cet art atteignait une perfection particulière. Les Lakiens, les Darguiens, les Tabassaraniens et les Lezguiens perfectionnaient pendant des siècles la technique de la pierre taillée et leur art se distingue par une richesse et une variété particulières des procédés décoratifs. Dans les monts de Kaïtag

Wood and Stone Carving

Wood and stone carving found broad application throughout Daghestan. Stone reliefs and wooden architectural details which adorn various structures make part and parcel of the outward look of highlanders' settlements. Carved stone is most often met with in burial steles. Master stone-cutters were at work in each village yet only in some of them the art of stone carving achieved tremendous heights. Laks, Darghins, Tabasarans and Lezgians have taken many centuries to learn to excel in stone carving. Small wonder, their craft boasts a remarkable variety and multiplicity of decorative means,

приемов. В горах Кайтага и в Табасарани в течение многих веков распространялся растительный геометрический и плетеночный узор. И древние и более поздние сюжетные мотивы включают изображения птиц, животных, реже — человека. Древние намогильные камни IX—X вв. в селах Варсит, Турага, Джули украшены солярными знаками: кругами, звездами, розетками. Наряду с архитектурными и мемориальными памятниками из камня изготавливаются небольшие вещи бытового назначения: ступки для чеснока, основания прялок. Еще более распространены в быту изделия из дерева. Кроме ступок и стоек для прялок вырезаются мерки для муки, солонки, чаши для бузы, настенные полки для ложек, решетки для сушки различных продуктов, ложки самых разнообразных форм, сундучки, шкапулки, табуретки, детские кровати, шкафы и лари для муки. Стилистическая близость узорной резьбы на камне и дереве объясняется тем, что почти все мастера владеют обеими профессиями. Вместе с техникой резьбы широко применяется выжигание. В этой технике выполнены контуры цветочной росписи на консолях и потолке мечетей селений Джули, Ахты.

Близкая по форме утварь в каждом селении орнаментировалась по-разному. В даргинских селениях Кубачи, Киша, Харбук, Шири господствует пышный растительный узор, целиком покрывающий все изделие.

В табасаранских селениях Хучни, Ханаг, Джули и Шилаги преобладают очень сложные мотивы плетенок. В лезгинских центрах нашел распространение геометрический узор в технике трехгранно-выемчатой и ногтевидной резьбы.

et en Tabassaranie, on utilisait depuis des siècles un dessin géométrique et tressé. Les motifs anciens, comme les motifs plus récents, comprennent des images d'oiseaux, d'animaux, plus rarement des figurines humaines. Les vieilles pierres tombales des IXe—Xe siècles des villages de Varsit, de Touraga, de Djouli sont ornées de signes solaires: cercles, étoiles, rosettes. La pierre servait non seulement dans l'architecture et la sépulture, mais aussi à faire de petits objets d'usage courant: mortiers pour l'ail, bases de rouets. Les objets de bois d'usage courant étaient encore plus nombreux. Outre les mortiers et les supports de rouets, on fabriquait des mesures pour la farine, des salières, des coupes pour la bouza, des rayons pour les cuillers, des grilles pour le séchage de diverses denrées, des cuillers aux formes les plus diverses, des mallettes, des cassettes, des tabourets, des lits d'enfants, des armoires et des caisses pour la farine. La similitude stylistique de la pierre taillée décorative et du bois sculpté s'explique par le fait que presque tous les artisans possédaient les deux métiers. A côté de la taille, on utilisait aussi la pyrogravure. C'est au moyen de cette technique que furent tracés les contours de la peinture à fleurs sur les consoles et le plafond des mosquées de Djouli et d'Akhta.

Les objets d'usage courant, tout en ayant des formes à peu près identiques, étaient décorés de façon diverses dans chaque village. Dans les hameaux darguiens de Koubatchi, de Kichtcha, de Kharbouk, de Chiri, c'est une décoration végétale luxuriante recouvrant tout l'objet qui domine. Dans les villages tabassaraniens de Khoutchni, de Khanag, de Djouli et de Chiliagui, dominent les motifs très compliqués des treillis. Dans les centres lezguiens s'est répandu un dessin géométrique exécuté selon la technique de la taille trièdre et unguinoforme en creux.

For many centuries a vegetation design, both geometrical and wattled, has established itself in the mountains of Kaitag and in Tabasaran area. Ancient, as well as more recent thematic motifs include images of birds, animals and, less often, of man. Ancient 9th–10th century gravestones in the villages of Varsit, Turag, Djuli carry solar signs, i. e. circles, stars and rosettes.

On par with architectural structures and memorials, small household utensils, too, were made of stone, one example being mortars for garlic and distaff seats. Still more popular were wooden domestic objects. Apart from mortars and distaff seats, they include measures for flour, salt-cellars, bowls for *buza* (local alcoholic beverage), mural spoon holders, grills for drying various products, spoons of various shapes, coffers, boxes, cases, stools, children's beds, wardrobes and flour chests. The stylistic affinity of decorative wood and stone carving is ascribed to the masters being usually handy in both these skills. Besides carving, work is also done in searing and chasing. The latter technique has considerable historic record behind it; in fact, fine specimens of poker-work may be seen not only on wood kitchenware but on ceiling beams in mosques and homes. This is the technique in which floral ornamentation contours are executed on the consoles and ceiling of mosques in the villages of Djuli and Akhty.

Utensils, though much similar in form, are differently decorated in each village. In the Darghin villages of Kubachi, Kisha, Kharbuk, Shiri the predominant type of decoration is a sumptuous vegetation design that covers the article throughout. Complex wattled motifs outrival all others in the Tabasaran villages of Khuchni, Khanag, Djuli and Shilyagi, while a geometrical design executed in trihedral or nail-like techniques sells well in Lezgian centers.

Обязательная принадлежность каждого дагестанского жилища — ступки для чеснока, необходимого компонента любимого национального дагестанского блюда.

Изготавливаются они из дерева и камня. Каменные ступки имеют форму стопы и сравнительно небольшой размер. Узор, покрывающий их, относится к широко распространенному типу растительного орнамента, получившего особенно широкое распространение в XIX в. во многих даргинских селениях. Происхождение его, однако, следует отнести к гораздо более древнему времени.

1
Ступка с пестиком. Камень, выемчатая резьба. Даргинцы, с. Кубачи. Вторая пол. XIX в.

Les mortiers pour ail sont un instrument obligatoire dans chaque famille daguestannaise; l'ail est une composante indispensable du plat national daguestannais préféré. Ils sont taillés dans le bois ou dans la pierre. Les mortiers de pierre ont la forme d'un verre et des dimensions relativement petites. Le dessin qui les couvre appartient au type très répandu de l'ornement végétal, particulièrement en vogue au XIXe siècle dans de nombreux villages darguiens. Mais son origine date d'une époque beaucoup plus lointaine.

1
Mortier avec pilon. Pierre, taille en creux. Darguiens, v. de Koubatchi. Deuxième moitié du XIXe s.

An indispensable belonging of each Daghestan home, mortars for garlic which is requisite to any Daghestan national dish, are made either of wood or of stone. Stone mortars are of modest size and shaped after a tapering vessel. Their ornamentation is of a widespread vegetation type which became especially popular in many Darghin villages in the 19th century. Its origin, however, can be traced back to a much more ancient period.

1
Stone mortar with a pestle. Champleve carving. Darghin work from the village of Kubachi. Second half. 19th century

В архитектуре Кубачей и окружающих селений сохранилось большое количество так называемых „албанских“ камней XV—XVIII вв. с крупным узором, который послужил прототипом рассматриваемого орнамента.

Аналогичный узор XIX в. покрывает каменное основание кубачинской прялки (ее верхняя часть вырезается из дерева). Иногда мастер не ограничивался орнаментом и вводил сюжет: сцены охоты, всадников, животных, птиц. Однако в отличие от высокопрофессионального узора „заросль“ изображения конца XIX — начала XX в. имеют ярко выраженный характер примитива. Подобные рисунки часто вырезались на обратной стороне надгробных стел, реже — камнях, вмурованных в стены жилищ.

2
Подставка прялки, Камень, выемчатая резьба. Даргинцы, с. Сутбук. Конец XIX в.

Dans l'architecture de Koubatchi et des villages voisins il y a encore un grand nombre de pierres dites «albanaises» des XVe—XVIIIe siècles, avec gros dessin, ayant servi de prototype à celui du mortier. Un dessin analogue du XIXe siècle couvre la base de pierre du rouet koubatchien (sa partie supérieure est taillée dans du bois). Parfois l'artisan ajoutait au dessin décoratif des sujets figuratifs: scènes de chasse, cavaliers, animaux, oiseaux. Mais à la différence du dessin très professionnel des «broussailles», les images de la fin du XIXe siècle et du début du XXe siècle ont un caractère primitif marqué. Des dessins semblables étaient souvent taillés au verso des stèles tombales, plus rarement sur des pierres incorporées aux murs de la maison.

2
Support de rouet. Pierre, taille en creux. Darguiens, Soutboug. Fin du XIXe s.

The architectural survivals in Kubachi and nearby locality include the so-called “Albanian” stones of 15th–18th centuries, with a large ornament that has given birth to the ornamentation under study.

A similar 19th-century design may be found on the stone base of the Kubachi distaff, its upper part being carved of wood. Sometimes the master craftsman went farther than mere ornamentation to introduce subjects, such as hunting scenes, horsemen, animals, birds. However, in contrast with the highly professional “thicket” design of the early 19th-late early 20th century they are expressly primitive in character. Designs of this kind were often carved on the reversed side of burial steles, or, less often, on stones immured into the walls of houses.

2
Stone distaff seat. Champlave carving. Darghin work from the village of Sutbuk. Late 19th century

В аварских районах узор ступок бывает предельно скуп. Массивнос, в виде большой рюмки, тулово ступки покоится на таком же прочном поддоне. Узор иногда ограничивается одной-двумя полосками по краю изделия и крупной, со следами топора, подрубкой у основания. Ручка и сосуд изготовлялись из одного куска дерева, что предопределяло ее небольшую величину. Отверстие в ручке не только помогает удерживать ступку во время

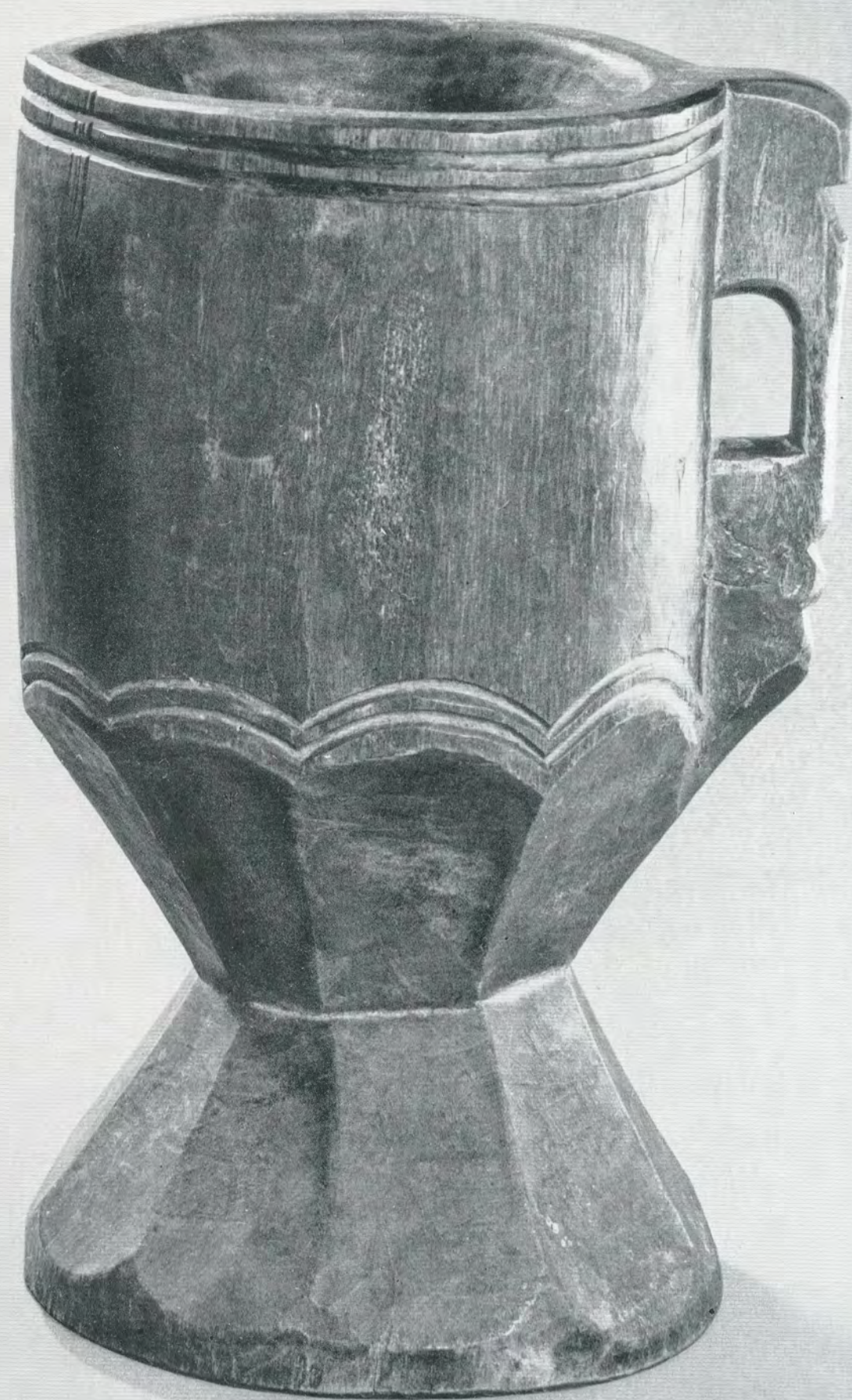
³
Ступка для чеснока. Липовое дерево, резьба. Аварцы. Начало XX в.

Dans les régions avars, le dessin des mortiers est très modeste. Le corps massif, en forme de verre, du mortier repose sur un support tout aussi solide. Le dessin se limite parfois à un-deux traits le long de l'article et par de grosses entailles à la hache près de la base. L'anse et le mortier lui-même étaient taillés dans le même bois, ce qui explique les dimensions assez réduites de l'objet. L'orifice de l'anse non seulement permet de tenir le mortier immobile pendant son uti-

³
Mortier pour ail. Tilleul, taille. Avars. Début du XXe s.

In Avar areas mortar designs are extremely terse. The body, massive and shaped after a big wine-glass, is rested on an equally solid base. The décor is at times confined to one or two bands on the mortar's edge and large cuts near the bottom that customarily bear the marks of an axe. The handle and the vessel were made out of a single wood slab and hence their modest dimensions. A hole in the handle to hold the mortar steady during operation permits to hang it on the wall.

³
Lime-wood mortar for garlic. Carving. Avar work. Early 20th century

пользования, но и служит для подвешивания на стене жилища. Изготавливаются ступки из разных пород дерева — липы, груши, абрикоса, кизила. Толстостенность их обусловлена назначением. Пестиком служат так называемые „чертовы камни“ — плотные кремневые породы, имеющие вытянутые, обтекаемые формы. Дерево ступки, пропитанное соком чеснока, с течением времени также обретает твердость камня.

⁴
Ступка для чеснока. Липовое дерево, резьба. Аварцы. Начало XX в.

lisation, mais sert aussi à l'accrocher au mur de la maison. Les mortiers sont taillés dans les bois les plus durs: poirier, abricotier, cornouiller. L'épaisseur des parois s'explique par les fonctions des mortiers. Servaient de pilons les «pierres du diable», silex épais à forme oblongue et coulante. Le bois du mortier, imprégné de jus d'ail, devient peu à peu dur comme pierre.

⁴
Mortier pour ail. Tilleul, taille. Avars. Début du XXe s.

The material for mortar-making is wood of various kinds—pear, apricot, cornel. The designation of mortars made necessary thick walls. For pestle, use was made of the so-called “devil’s stones”, strong flint rocks of lengthy, stream-lined shapes. The mortar wood, after it gets soaked with garlic juice, acquires the hardness of stone.

⁴
Lime-wood mortar for garlic. Carving. Avar work. Early 20th century

Форма ступки настолько традиционна, что образцы начала XIX в. ничем не отличаются от современных. Однотипность их формы для различных районов Дагестана также является характерной. Поэтому ступки аварцев, даргинцев и табасаранцев имеют лишь небольшие различия в способах порезки. Исключение составляют каменные ступки кубачинцев, обильно украшенные стеблями „заросль“.

5
Ступка для чеснока. Абрикосовое дерево, резьба. Даргинцы, с. Кица. Конец XIX в.

La forme du mortier est si traditionnelle que les échantillons du début du XIXe siècle ne diffèrent en rien des modernes. L'uniformité des mortiers dans toutes les régions du Daguestan est aussi à noter. C'est pourquoi les mortiers des Avars, des Darguiens et des Tabassaraniens n'ont que de faibles différences dans la manière de la taille. Ne font exception que les mortiers de pierre des Koubatchiens qui sont abondamment ornés de tiges de «broussaille».

5
Mortier pour ail. Abricotier, taille. Darguiens, v. de Kichtcha. Fin du XIXe s.

The shape of the mortar is so traditional that 19th-century specimens do not differ in the least from present-day ones. This identity of form throughout various regions in Daghestan is in itself highly significant. Therefore, the mortars of Avars, Darghins and Tabasarans differ if only in their cutting techniques, the only exception being the stone Kubachi mortars generously adorned with “thicket” stems.

5
Apricot-wood mortar for garlic. Carving. Darghin work from the village of Kische. Late 19th century

Другой обязательный предмет горского быта — мерка для муки. Это высокий цилиндрический сосуд с тонкими стенками и массивной ручкой. Благодаря значительным размерам, изделие играло видную роль в обстановочном комплексе жилища, а потому очень часто богато украшалось. В селениях долины Гидатля мерки покрывались крупной выразительной резьбой с изображениями птиц.

Мерки, изготовлявшиеся в даргинских селениях Тумли, Мирсеги, Кубачи, поражают обилием мельчайшего узора с множеством переплетающихся стеблей, цветов и завитков. Он сплошной густой сеткой ложится на поверхность изделия. Не исключена возможность, что в прошлом эти сосуды имели ритуальное значение, поскольку верхняя часть их иногда украшалась узорной надписью — изречением из корана. В прошлом аналогичные надписи были распространены на резных деревянных вставках в кафедрах мечетей.

6
Мерка для муки. Липовое дерево, плоскостно-выемчатая резьба. Даргинцы, с. Кубачи. Датирована 1354 г. Хиджры

Autre objet indispensable du ménage des montagnards: la mesure à farine. C'est un haut vase cylindrique à minces parois et à anse massive. Grâce à ses grandes dimensions cet objet jouait un rôle éminent dans l'aménagement intérieur de l'habitat, c'est pourquoi on le décorait richement. Dans les villages de la vallée du Guidatl, les mesures étaient couvertes de grands dessins taillés représentant des oiseaux.

Les mesures fabriquées dans les villages darguiens de Toumli, de Mirségui, de Koubatchi frappent par l'abondance de leur ornementation très fine avec une multitude de tiges, de fleurs et de boucles entrelacées. Le dessin couvre en réseau dense toute la surface de l'article. Il n'est pas exclu que jadis ces vases avaient une signification rituelle, car leur partie supérieure était parfois décorée d'une inscription calligraphique contenant un verset du Coran. Il fut un temps où des inscriptions analogues étaient faites sur diverses parties de bois des chaires des mosquées.

6
Mesure pour farine. Tilleul, taille à plat en creux. Darguiens, v. de Koubatchi. Daté de l'an 1354 de l'ère musulmane

One other necessary attribute of highlanders' way of life is a measure for flour. It is a high cylindrical vessel with thin walls and massive handle. Having an impressive dimensions, it occupied a place of prominence in a highlander's home and, therefore, more often than not was richly decorated. In the villages of the Gidatl valley the measures were covered with large expressive carving of bird images.

The measures manufactures in the Darghin villages of Tumli, Mirsegi, and Kubachi never fail to impress the viewer by an abundance of diminutive ornamentation with multiple intertwining stems, flowers and tendrils. It lies down like a cobweb on the article's surface. It is not impossible for these vessels to have had ritual significance because their upper part used to be decorated with ornamental inscriptions—adages from the Coran. In the past suchlike inscriptions were quite common on carved wooden inserts in the pulpits in mosques.

6
Lime-wood measure for flour. Carving, Darghin work from the village of Kubachi. Dated Khidjra 1354

Около ста пятидесяти — двухсот лет назад в высокогорном аварском селении Унцукуль возник деревообделочный промысел. Из тростника, растущего по берегам реки Аварское Койсу, унцукульцы изготавливали ручки для нагаск, кнутовища, трости и стеки. Изделия вывозились на продажу за Терек и Сунжу. Позже унцукульцы начали украшать трубки и палки. Для инкрустации медью, мельхиором, серебром, рогом, костью и бирюзой стал применяться плотный материал — дерево твердых пород. Кизилловая и абрикосовая древесина хорошо распаривалась на огне и легко принимала нужную форму, а затем прочно удерживала кусочки инкрустации.

Рынком сбыта изделий стали Кавказские Минеральные воды, Ростов, Царицын, Астрахань и Нижний Новгород. В начале XX в. вещи с насечкой стали экспортироваться за границу.

Чем больше и сложнее была насечка, тем дороже ценилась трость. С годами выработались традиционные унцукульские орнаменты. Несмотря на свою самобытность, они, несомненно, родственны росписи на балхарских кувшинах, гацатлинской гравировке по меди, резному камню Западной Аварии, черневому рисунку ругуджинских серебряных украшений.

Il y a cent-cinquante à deux cents ans naquit dans le village avar de haute montagne d'Ountsoukoul une industrie de travail du bois. Les Ountsoukouliens utilisaient les joncs poussant le long des rives de l'Avarskoié Koissou pour fabriquer des poignées d'escourgées (fouets courts), des manches à fouets, des cannes et des cravaches. Ces objets étaient écoulés au-delà du Terek et du Sounjou. Puis les Ountsoukouliens se mirent à décorer des pipes et des bâtons. Ils utilisaient une matière dense, des bois durs, pour les incrustations de cuivre, de melchior (maillechort), d'argent, de corne, d'os et de turquoise. Le bois d'abricotier et de cornouiller s'amolissait facilement au feu et prenait la forme nécessaire, puis, refroidi, retenait solidement les morceaux incrustés.

La marchandise était écoulée aux Eaux Minérales du Caucase, à Rostov, Tsaritsyne (act. Volgograd), Astrakhan et Nijni-Novgorod (act. Gorki). Au début du XXe siècle les objets incisés commencèrent à être exportés à l'étranger.

Plus l'incision était grande et compliquée, plus la canne coûtait cher. Les années aidant, des ornements traditionnels ountsoukouliens se formèrent. Malgré leur originalité, ils ont une parenté indéniable avec la peinture des jarres de Balkhar, avec la gravure sur cuivre de Gotsatl, avec la pierre taillée de l'Avarie occidentale, avec le dessin niellé des bijoux d'argent de Rougoudj.

Nearly 150–200 years ago in the highland Avar village of Untsukul the art of woodworking was first emergent. Out of the reeds growing on the banks of the river Avarskoye Koisu, the Untsukul craftsmen made handles for lashes, whip-holders, canes and sticks. Their manufacture was imported for sale across the Terek and Sunzhu. Later on, the Untsukulians set out to adorn pipes and sticks. They applied a strong material, hard wood, for laying-in copper, cupro-nickel, silver, horn, bone and turquoise. Cornel and apricot wood was easy to steam-treat in fire; it assumed readily the required shape and held well pieces of inlaying.

Their market for Untsukul articles extended to Caucasian Mineralnye Vody, Rostov, Tsaritsyn, Astrakhan and Nizhni Novgorod. From the early 19th century onwards the articles with chasing were exported to foreign countries.

The more complex and heavy the damascening, the more expensive was the cane. With years, traditional Untsukul ornamentation patterns came to their own. Despite their originality they were akin, undoubtedly, to the decoration found on Balkhar jugs, Gotsatl copper engraving, West-Avarian stone carving and the niello design to Rugudja silver trinketry.

7
Трубка для курения. Абрикосовое дерево, насечка серебром, кость, рог. Аварцы, с. Унцукуль. 1920-е—1930-е гг.

8
Трубка для курения. Абрикосовое дерево, насечка серебром, кость, рог. Аварцы, с. Унцукуль. 1920-е—1930-е гг.

7
Pipe. Abricotier, incision à l'argent, corne, os. Avars, v. d'Ountsoukoul. Années. 1920–1930

8
Pipe. Abricotier, incision à l'argent, corne, os. Avars, v. d'Ountsoukoul. Années 1920–1930

7
Pipe. Apricot-wood, bone, horn. Silver damascening. Avar work from the village of Untsukul. 1920s–1930s

8
Pipe. Apricot-wood, bone, horn. Silver damascening. Avar work from the village of Untsukul. 1920s–1930s

Отдельные элементы узора насечки и их сочетания имеют определенные названия. Зигзагообразный бесконечный узор называется „улицей“, палочки, исходящие веером из одной точки, — „птичьим следом“ и т. д.

Можно заметить, что большинство вколоченных кусочков металла располагается по окружностям. Это происходит оттого, что в основе рисунка, наносимого предварительно, лежат циркульные линии. Все остальные элементы лишь объединяют их. Совершенное владение этим инструментом позволяет мастеру находить бесконечно разнообразные варианты узора. Иногда трость помимо мельхиоровой насечки обогащается рельефным изображением змеи, а верхняя часть ее делается в виде конька, птицы или сказочного фантастического существа.

Со второй половины XIX в. наряду с палками все большее распространение получали трубки, находящие хороший сбыт не столько внутри края, сколько на внешнем рынке (Шамиль карал смертной казнью за курение). Вырезались трубки из плотного абрикосового дерева и имели самые разнообразные, порой весьма замысловатые формы.

Les éléments du dessin incisé et leurs combinaisons possèdent des noms particuliers. Le dessin interminable en zigzag s'appelle «la rue», les bâtonnets divergeant en éventail d'un même point s'appellent «pattes d'oiseau» etc.

On peut remarquer que la majorité des morceaux de métal incisés se répartissent en circonférence. La raison est que le dessin, apposé d'avance, est fait au compas. Les autres éléments ne servent qu'à unifier le tout. L'artisan maniant le compas à la perfection savait trouver des combinaisons innombrables de dessin. Parfois la canne, en plus des incisions de melchior (maillachort), était sculptée en forme de serpent, et sa partie supérieure ressemblait à un petit cheval, à un oiseau ou à un être fantastique.

A partir de la deuxième moitié du XIX siècle se répandent de plus en plus, à côté des cannes, des pipes fort demandées non pas tant dans le pays lui-même qu'au-delà (Chamil punissait de mort les fumeurs). Les pipes étaient découpées dans de l'abricotier dur et avaient les formes les plus diverses, parfois très bizarres.

Individual elements of the damascening design entered into combinations known under certain names. A zigzag continuous ornament was called a “street” while short sticks bristling out in a fan-like fashion from the same point bore the name of “bird’s footmark”, etc.

It may be noted that most of the built-in metal pieces were disposed along in circularly. This is a result of the design being preliminarily applied and based on compass-drawn lines. All other elements only linked them together. A superb skill in handling the device enabled the master to produce these designs in infinite variety. Sometimes a cane, besides cupro-nickel damascening would carry a snake image with the upper part having the shape of a little horse, bird or mythical fantastic monster.

Pipes, along with sticks, became increasingly popular in the second half of the 19th century and were in great demand not so much at the home market but at foreign market as well (in Shamil’s time smoking entailed capital punishment). They were carved out of apricot wood and had variegated, at times highly sophisticated shapes.

9
Трубка для курения. Абрикосовое дерево, насечка серебром, белая и подкрашенная кость, рог. Аварцы, с. Унцукуль. 1920-е—1930-е гг.

10
Трубка для курения. Абрикосовое дерево, насечка серебром, белая и подкрашенная кость, рог. Аварцы, с. Унцукуль. 1920-е—1930-е гг.

11
Трубка для курения. Абрикосовое дерево, насечка серебром, кость, рог. Аварцы, с. Унцукуль. 1920-е—1930-е гг.

9
Pipe. Abricotier incision à l'argent, os blanc et teinté, corne. Avars, v. d'Ountsoukoul. Années 1920—1930

10
Pipe. Abricotier, incision à l'argent, os blanc et teinté, corne. Avars, v. d'Ountsoukoul. Années 1920—1930

11
Pipe. Abricotier, incision à l'argent, os, corne. Avars, v. d'Ountsoukoul. Années 1920—1930

9
Pipe. Apricot-wood, white and painted bone, horn. Silver damascening. Avar work from the village of Untsukul. 1920s—1930s

10
Pipe. Apricot-wood, white and painted bone, horn. Silver damascening. Avar work from the village of Untsukul. 1920s—1930s

11
Pipe. Apricot-wood, white and painted bone, horn. Silver damascening. Avar work from the village of Untsukul. 1920s—1930s

Подобно балхарской керамике, из которой только часть, предназначенная для вывоза, богато расписывалась, унцукульские трубки подразделялись на „пастушеские“ и „на продажу“. „Пастушеские“ имели скромный узор, но были довольно велики по размеру. На их лицевую, хорошо обозримую часть с помощью гвоздиков вколачивались кусочки латуни или мельхиора, имеющие треугольные, трапециевидные и округлые очертания. Такого рода насечка хорошо просматривалась даже на большом расстоянии и была нетрудоемка.

Второй тип трубок иногда частично сохранял инкрустацию пластинками, но основную его часть составляла насечка из проволоки. Проволока, в свою очередь, подразделяется на сплюснутую, вколачиваемую ребром, и круглую, вставленную торцом. Последняя выполняет роль гвоздиков или клипшев, предохраняющих плоскую проволоку от выпадения. Иногда центром деталей узора служат вставки из черного рога, подкрашенной или белой кости. Мундштук трубки изготовлялся из черного буйволиного или светлого коровьего рога, изогнутого в нагретом состоянии. Замысловатые формы чубука и сильно изогнутые очертания мундштука в начале XX в. сменяются более простыми, прямолинейными.

Со второй половины 1950-х годов количество видов изделий, выпускаемых унцукульцами, намного расширилось. Подобно черневым изделиям кубачинских мастеров, унцукульцы стали широко использовать формы традиционных предметов быта: ступок для чеснока, мерок для муки и зерна, солонок, ковшей и больших блюд для замешивания теста.

Comme la céramique de Balkhar, dont une partie seulement, destinée à l'exportation, était richement peinte, de même les pipes d'Ountsoukoul se subdivisaient en pipes «de berger» et en pipes «à vendre». Les pipes «de berger» avaient un dessin modeste, mais d'assez grandes dimensions. On incisait à l'aide de petits clous sur leur partie face, la mieux visible, des morceaux de laiton ou de melchior à forme triangulaire, trapézoïde ou circulaire. Ces incisions étaient visibles de loin et n'exigeaient pas un grand travail.

Les pipes du second type conservaient parfois en partie l'incrustation à plaquettes, mais le gros de la décoration se composait d'incisions en fils métalliques. Le fil se subdivisait en fil aplati, qu'on incisait en posant l'arête contre le bois, et en fil rond qu'on incisait en appliquant contre le bois sa section. Le fil rond remplissait le rôle de petits clous ou coins empêchant le fil plat de se détacher. Parfois les détails du dessin ont pour centre des incrustations de corne noire, d'os teint ou blanc. Le chalumet de la pipe était fait en corne noire de buffle ou blanche de vache pliée à chaud. Les formes bizarres du fourneau et les formes très courbes du chalumet cèdent la place, au début du XXe siècle, à des formes réctilignes plus simples.

A partir de la deuxième moitié des années 1950 le nombre d'articles différents fabriqués par les Ountsoukouliens s'est de beaucoup accru. Comme les artisans de Koubatchi dans leurs articles niellés, les Ountsoukouliens se sont tournés vers les formes des objets ménagers traditionnels: mortiers pour l'ail, mesures pour la farine et le grain, salières, augets et grands plats pour pétrir la pâte.

In common with Balkhar ceramics, which were partly meant for exports and, therefore, richly decorated, Untsukul pipes were either “herdsman’s” or “for sale”. “Herdsman’s” pipes had a modest ornamentation but were of an impressive size, with triangular, round or trapezoid pieces of brass hammered-in with little nails on their face, well-sighted surface. Such damascening was easy to sight even from the distance and was not particularly labour-consuming.

One other trend in pipes retained partly the original inlaying of plates but had most of its décor made of wire damascening. The wire, in turn, was divided into flattened one, to be hammered-in by its brink, and round one inserted by its end. The latter acted as nails or wedges which prevented the falling-away of the flat wire. Sometimes, ornamentation details were centered around the inserts of black horn and painted or white bone. The pipe mouthpiece was executed of black buffalo or light cow’s horn which was bent in a heated state. Exquisite shapes of the pipe stem and deep-curved outline of the mouthpiece gave place in the early 19th century to more simple and straight forward designs.

Since the second half of the 1950s the assortment of Untsukul produced articles has widened immensely. Like niello pieces of the Kubachi craft, Untsukul articles used extensively the shapes of traditional domestic utensils, like mortars for garlic, measures for flour and grain, salt-cellar, ladles and large dishes for dough kneading.

12
Трубка для курения. Абрикосовое дерево, насечка мельхиором, кость, рог. Аварцы, с. Унцукуль. 1930-е—1940-е гг.

13
Трубка для курения. Абрикосовое дерево, насечка мельхиором, кость, рог. Аварцы, с. Унцукуль. 1930-е—1940-е гг.

13а
Трубка для курения. Абрикосовое дерево, насечка мельхиором, рог. Аварцы, с. Унцукуль. 1930-е—1940-е гг.

12
Pipe. Abricotier, incision au melchior, os, corne. Avars, v. d'Ountsoukoul. Années 1930—1940

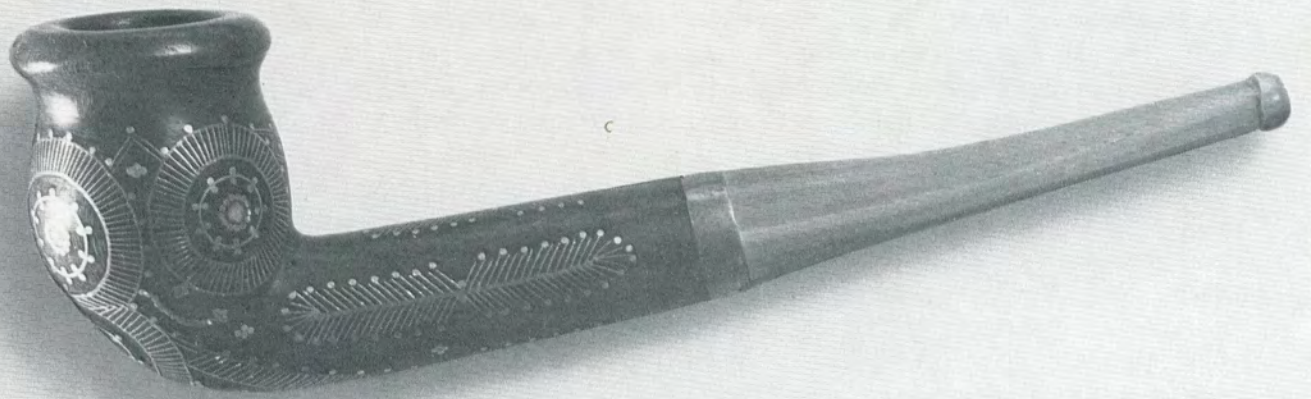
13
Pipe. Abricotier, incision au melchior, os, corne. Avars, v. d'Ountsoukoul. Années 1930—1940

13а
Pipe. Abricotier, incision au melchior, os, corne. Avars, v. d'Ountsoukoul. Années 1930—1940

12
Pipe. Apricot-wood, bone, horn. Cupro-nickel damascening. Avar work from the village of Untsukul. 1930s—1940s

13
Pipe. Apricot-wood, bone, horn. Cupro-nickel damascening. Avar work from the village of Untsukul. 1930s—1940s

13а
Smoking pipe. Apricot wood, chasing with niello, horn. Avars, v. Untsukul, the 1930s—1940s

Изготовленные на токарной основе, отполированные, с хорошо выявленной текстурой дерева, изделия обрели новые декоративные качества. Узор на изделиях располагается таким образом, чтобы наиболее выгодно подчеркнуть форму. Если издали просматривается общее расположение пятен, то вблизи видна виртуозная техника насечки, тончайшие полоски, заполняющие внутреннюю часть узоров.

Тщательная обработка поверхности изделий создала возможности для применения новых декоративных приемов насечки. Для конца 1960-х годов становится характерным матовое, нелакированное дерево. Коричневая с красным отливом древесина выгодно оттеняет тонкий, как кружево, узор. Мастер не стремится к сплошному и плотному заполнению поверхности металлом, оставляя много свободного дерева. В то же время и ступка и богато украшенный пестик утрачивают свое функциональное назначение, превращаясь в нарядную декоративную вещь.

Fabriqués au tour, polis, avec la texture du bois très nettement marquée, ces articles ont acquis une nouvelle qualité décorative. L'ornement est disposé de manière à souligner la forme aussi avantageusement que possible. Si de loin on voit la disposition générale des taches, de près on admire la technique virtuose de l'incision, les traits fins remplissant la partie intérieure du dessin.

Le travail soigné de la surface de l'objet rend possible l'utilisation de nouveaux procédés d'incision décorative. La fin des années 1960 se caractérise par du bois mat non laqué. Le bois brun rougeâtre fait ressortir avantageusement le dessin, fin comme de la dentelle. L'artisan ne cherche pas à remplir entièrement de métal toute la surface, il laisse des espaces de bois libres. Cependant, le mortier et le pilon richement décorés perdent leur rôle utilitaire et deviennent des objets élégants strictement décoratifs.

Executed on a lathed base, polished and with well-revealed wooden texture, the articles acquired fresh decorative qualities while the ornamentation was so patterned as to take maximum advantage of the object's shape. While only the general arrangement of spots can be seen from afar, a closer look helps discern the high artistry of damascening and subtlest strips filling the inner side of the ornamentation.

A thorough treatment of the surface of these articles made possible application of new decorative damascening techniques. With varnished wood largely out of use frosted wood becomes a by-feature of woodwork in the 1960s. The wood, hazel and with slightly tinged in red, provides a contrast to the design which is as fine as lacework. It is not the master's intention to fill up the surface heavily and completely with metal, leaving a deal of free space. At the same time, the mortar and richly decorated pestle lost much of their functional significance in favour of spectacular decorativeness.

14
Ступка для чеснока. Кизиловое дерево, насечка мельхиором, подкрашенная кость. Аварцы, с. Унцукуль. 1968

14
Mortier pour ail. Cornouiller, incision au melchior, os teinté. Avars, v. d'Ountsoukoul. 1968

14
Cornel-wood mortar for garlic decorated with painted bone. Cupronickel damascening. Avar work from the village of Untsukul. 1968

Переход на токарную обработку заготовок способствовал не только расширению ассортимента изделий, но увеличению их размеров. Унцукульцы изготавливают большие выставочные вазы, в основе которых, однако, лежат привычные традиционные формы. В то же время, при изменившейся технике обработки, ручка вырезалась отдельно и монтировалась. Для работ мастеров конца 1960-х годов характерны поиски организации плоскостей на больших предметах, новых композиционных решений.

В вазочках, солонках и другой посуде возрождаются старинные приемы насечки, применявшиеся мастерами прошлых поколений. Многие узоры как бы переживают второе рождение. Вновь появляются: „стрелка“, „косой“, „птичий хвост“, но в целом следует отметить большую ясность композиции и ограничение числа составляющих ее элементов. Все чаще применяется точечный узор из гвоздиков в сочетании с кружочками, поскольку он прочно удерживается в дереве и дает хороший декоративный эффект.

Le passage à l'utilisation de tour pour le travail du bois a contribué non seulement à une augmentation du nombre des types d'articles, mais aussi à un accroissement de leurs dimensions. Les Ountsoukouliens font de grands vases pour les expositions, conservant des formes traditionnelles. Mais la nouvelle technique exigeait que l'anse soit taillée séparément pour être fixée après. Les travaux des artisans de la fin des années 1960 se caractérisent par la recherche de nouveaux moyens d'organiser les surfaces sur de grands objets, de nouvelles compositions.

Dans les petits vases, les salières et les autres pièces de vaisselle renaissent les anciens procédés d'incision utilisés par les artisans des générations passées. De nombreux ornements vivent une deuxième vie: «la flèche», «oblique», «la queue d'oiseau», mais dans l'ensemble il faut souligner la plus grande clarté de la composition et la diminution du nombre des éléments. On a de plus en plus souvent recours au pointillé de petits clous combiné à de petits ronds: ce dessin tient bien sur le bois et est très décoratif.

A change-over to treatment by lathing has been conducive to not only a broader assortment, but a larger size of articles. Untsukul craftsmen produced large vases intended for exhibitions but based nevertheless, on conventional traditional forms. At the same time, the treatment techniques having changed, the handle was carved separately and then fixed in place. In the 1960s masters were searching frantically for the new ways to organize planes on larger objects and new compositional arrangements.

In small vases, salt-cellars and other kitchenware there was shown a renewed interest in the old-time damascening techniques, such as were applied by and large by the old generations of masters. Many patterns seemed to be living through their rebirth. Although the “arrow”, “oblique”, “bird’s tail” patterns reappeared anew, in general, the feature of the 1960s style was compositional clarity and constricted number of component parts. Growing emphasis was made on a dotted pattern out of little nails in combination with circles because it stuck well in wood and was highly decorative.

15
Ступка с пестиком для чеснока.
Абрикосовое дерево, насечка мельхиором, подкрашенная кость. Аварцы, с. Унцукуль. 1968

15
Mortier pour ail avec pilon. Abricotier, incision au melchior, os teinté. Avars, v. d'Ountsoukoul. 1968

15
Apricot-wood mortar with a pestle for garlic decorated with painted bone. Cupro-nickel damascening. Avar work from the village of Untsukul. 1968

Среди предметов, изготавливаемых унцукульскими мастерами, в конце 1960-х годов можно встретить ряд вещей, которые ранее резьбой не украшались. Это прежде всего ложки, черпаки, дуршлагаи. Полный набор таких предметов размещается в подвесных солонках-ложечницах на стенах жилищ. Настенные солонки украшались чрезвычайно щедро резьбой

16
Декоративный сосуд в виде мерки для муки. Абрикосовое дерево, инкрустация, насечка мельхиором. Аварцы, с. Унцукуль, 1969

Parmi les objets fabriqués par les artisans d'Ountsoukoul vers la fin des années 1960, on en trouve beaucoup, qui, auparavant, n'étaient jamais sculptés. Il s'agit avant tout des cuillers, des puisoirs, des passoirs. L'ensemble complet de ces objets était gardé dans des salières porte-cuillers suspendues aux murs de l'habitat. Les salières murales étaient abondamment couvertes

16
Récipient en forme de mesure pour la farine. Abricotier, incrustation, incision au melchior. Avars, v. d'Ountsoukoul. 1969

Among the Untsukul objects of the late 1960s one may come across a number of things previously never carved, first of all, spoons, ladles and strainers. A complete set of such objects was held salt-cellars and spoon-holders suspended to the walls in homes. The mural salt-cellars carried an extremely lavish decoration of carved-in solar motifs and complex silhouettes made up of

16
Apricot-wood decorative vessel in the form of a measure for flour. Inlay, cupro-nickel damascening. Avar work from the village of Untsukul. 1969

с мотивами солярного происхождения, имели сложный силуэт напоминающий птиц, лошадей, реже — архитектуру. Разнообразные формы ложек, воткнутых ручками вниз по бокам солонки, служили как бы скульптурным дополнением.

Форма современных ложек значительно упростилась, но ручка их стала украшаться мельхиоровой насечкой.

17
Солонка с инкрустацией. Абрикосовое дерево, насечка мельхиором, кость. Аварцы, с. Унцукуль. 1969

de motifs taillés d'origine solaire, elles avaient une silhouette compliquée représentant des oiseaux, des chevaux, plus rarement des édifices architecturaux. Les formes variées des cuillers, fichées la poignée vers le bas sur les côtés de la salière, servaient de complément plastique.

La forme des cuillers modernes s'est nettement simplifiée, mais on s'est mis à en décorer la poignée d'incisions de melchior.

17
Salière avec incrustation. Abricotier, incision au melchior, os. Avars, v. d'Ountsoukoul. 1969

the images of birds and horses, and, less often, of architecture. Diversified spoon shapes stuck-in handles down on the sides of the salt-cellar provided a sort of sculptural adjunct.

Modern spoons have become far simpler in shape and their handle taken on cupro-nickel damascening.

17
Apricot-wood salt-cellar with bone inlay. Cupro-nickel damascening. Avar work from the village of Untsukul. 1969

Роль унцукульских изделий как декоративных предметов еще более определялась по мере появления таких вещей, как настенные блюда и панно. Традиция украшать стены жилищ Аварии блюдами и тарелками очень древняя, но обычно это чеканная, гравированная медь и керамика. Деревянные блюда имели лишь хозяйственное назначение и не имели никакого узора.

Во второй половине 1960-х годов унцукульские блюда стали покрываться насечкой. Закономерно, что узор таких больших изделий был крупным и выразительным. Ровная поверхность блюда еще более чем в других предметах предрасполагала к циркульным приемам. Вся его плоскость покрывалась множеством кругов, вписанных один в другой, круглыми дисками, фигурами, напоминающими колесо со спицами. Иногда блюда достигали такой большой величины, что употреблялась древесина самого крупного дерева — ореха.

Le rôle décoratif des articles d'Ountsoukoul s'est encore plus accentué avec l'apparition d'objets tels que les plats et les panneaux muraux. La tradition consistant à orner de plats et d'assiettes les murs de la maison est très ancienne en Avarie, mais il s'agissait d'ordinaire de cuivres bosselés et gravés ou de céramiques. Les plats de bois étaient utilisés pour le ménage et n'étaient nullement décorés.

Dans la deuxième moitié des années 1960 on se mit à couvrir les plats d'Ountsoukoul d'incisions. Comme il fallait s'y attendre, le dessin de ces grands articles était gros et expressif. La surface plane du plat exigeait, plus encore que dans les autres objets, des procédés au compas. Toute la surface du plat était couverte d'une multitude de cercles inscrits les uns dans les autres, de disques circulaires, de figures rappelant des roues à rayons. Parfois les plats étaient si grands qu'il fallait utiliser comme bois celui de l'arbre le plus grand, le noyer.

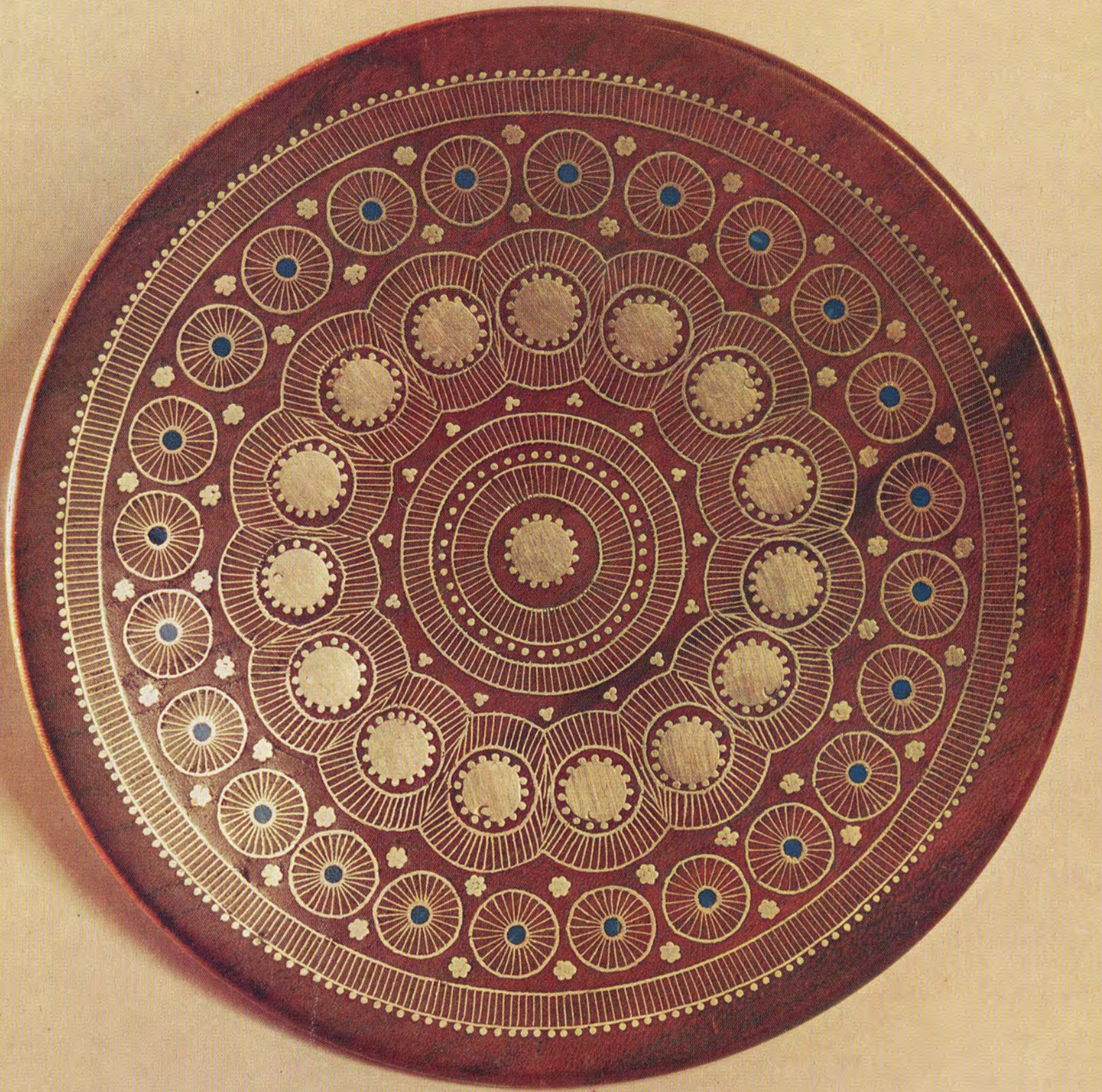
That Untsukul articles have tremendous significance as decorative objects has become increasingly clear as new objects, like mural dishes and mural paintings made their first appearance there. The tradition of decorating walls in Avar homes with dishes and plates comes down from ancient times but never extended farther than chased and engraved brass and ceramics. Wooden dishes had only domestic usage and carried no decoration whatever.

Ever since the latter half of the 1960s the Untsukul dishes took on damascened motifs. It is only natural that the ornamental patterns of such dishes were large and highly expressive. The flat surface of a dish more than anything else called for compass motifs. Its entire plane was painted with a multiplicity of circles inscribed in one another, circular discs, figures shaped after wheels with spokes. Sometimes the dishes were made of the wood of the biggest tree, hazelnut.

18
Декоративная тарелка с инкрустацией. Абрикосовое дерево, насечка мельхиором, рог. Аварцы, с. Унцукуль. 1969

18
Assiette décorative avec incrustation. Abricotier, incision au melchior, corne. Avars, v. d'Ountsoukoul. 1969

18
Apricot-wood decorative dish with horn inlay. Cupro-nickel damascening. Avar work from the village of Untsukul. 1969

К самому последнему времени относятся панно с насечкой, изготовленные унцукульцами. В основу их сюжетов положены изображения на каменных рельефах-вставках, украшавших стены жилищ и мечетей в Кубачах. Несколько поврежденные в период смены религий (у большинства изображений живых существ отбиты головы), эти средневековые рельефы донесли до нашего времени прекрасную декоративную трактовку животных, птиц, людей. В унцукульских панно кубачинские каменные рельефы творчески интерпретированы. В соответствии с иным материалом они даются очень условно.

Innovation toute récente: les panneaux figuratifs à incision fabriqués par les Ountsoukouliens. Les sujets sont empruntés aux reliefs de pierre imbriqués dans les murs des maisons et des mosquées de Koubatchi. Un peu endommagées à l'époque du changement de religion (la majorité des êtres vivants ont été décapités), ces reliefs médiévaux nous ont conservé des exemples d'utilisation décorative remarquable de figures d'animaux, d'oiseaux, d'hommes. Dans les panneaux ountsoukouliens, les reliefs de pierre de Koubatchi subissent une interprétation nouvelles. Conformément à leur manière nouvelle, les artisans leur confèrent un aspect très conventionnel.

One of the latest developments in the Untsukul art were thematic mural paintings with damascening. The themes were derived from stone relief inserts decorating the walls of homes and mosques in Kubachi. Somewhat damaged in the period of religious change (most images have their heads chipped off) these Medieval reliefs kept alive the exquisite decorative style in executing animals, birds and men. The Untsukul murals may be said to have interpreted in a creative spirit the Kubachi stone reliefs. In view of the type of the material used, they were presented with extreme conditionality.

19
Декоративное панно „Птица“.
Абрикосовое дерево, насечка мельхиором, рог. Мастер М. Казимагомедов. Аварцы, с. Унцукуль. 1968

19
Panneau décoratif «Oiseau». Abricotier, incision au melchior, corne. Auteur: M. Kaziragomedov. Avars, v. d'Ountsoukoul. 1968

19
Bird, apricot-wood decorative panel ornamented with horn and cupronickel damascening. Made by M. Kazimagomedov. Avar work from the village of Untsukul. 1968

В фигурах обращает внимание большая орнаментальность изображения. В изгибах туловища, сильных когтистых лап и хвоста использованы уже известные нам мотивы „улица“, „птичий след“, „стрелка“. Это столько же изображение, сколько и типичный унцукульский орнамент. В работе использованы те же технические приемы: линейный и точечный узор, инкрустация круглыми и овальными мельхиоровыми пластинками, рогом, костью. Слегка выпуклая поверхность дощечки, играя на свету бликами металла, создает дополнительный эффект.

Следует оговориться, что хотя декоративные панно с изображением животных интересны, их можно рассматривать пока как поиск, не определяющий общего характера современных унцукульских изделий. По-прежнему основным направлением, которому отдают свои силы ведущие мастера, остается традиционный, порой заново переосмысленный своеобразный узор унцукульской насечки.

L'image de l'animal frappe par son caractère très décoratif. Les courbures de son corps, de ses fortes pattes griffues et de sa queue sont rehaussées par les motifs décoratifs que nous connaissons déjà: «la rue», «la patte d'oiseau», «la flèche». C'est tout autant de la figuration que de l'ornementation ountsoukoulienne typique. Les mêmes procédés techniques sont utilisés: traits et points, incrustations de plaquettes rondes et ovales de melchior, d'os et de corne. La surface légèrement convexe de la planchette et le scintillement du métal accroissent l'effet décoratif.

Il est bon d'ajouter, toutefois, que, bien qu'intéressants, les panneaux représentant des animaux ne peuvent être considérés que comme des essais d'innovation ne déterminant pas le caractère général des articles modernes d'Ountsoukoul. Comme toujours, ce à quoi les artisans principaux consacrent leurs forces est avant tout le dessin traditionnel original de l'incision ountsoukoulienne, quoique considéré sous un jour nouveau.

The beastly image was noted for the emphasis on the ornamental part of the design. In the bends of its body, in strong sharp-clawed paws and tail the artist made use of motifs, familiar to us by now, of "street", "bird's footprint", "arrow". They are as much of an image as of a typical Untsukule ornament. The work made use of the customary technical ways and means, like linear and dotted patterns, inlay in round and oval cupro-nickel plates, horn and bone. A somewhat convex surface of the plank, through an interplay of metal flecks in light produced an additional effect.

Decorative murals with animal images, although not altogether uninteresting, may be viewed at this stage as a search that by no means determines the general trend in modern Untsukul art. What determines it now, same as in the past years, is a traditional Untsukul chasing design, long-persisting in the national tradition but sometimes reconsidered anew by Untsukul masters who contributed every effort to furthering it.

20
Декоративное панно „Зверь“. Абрикосовое дерево, насечка мельхиором, кость. Мастер М. Казимагомедов. Аварцы, с. Унцукуль. 1969

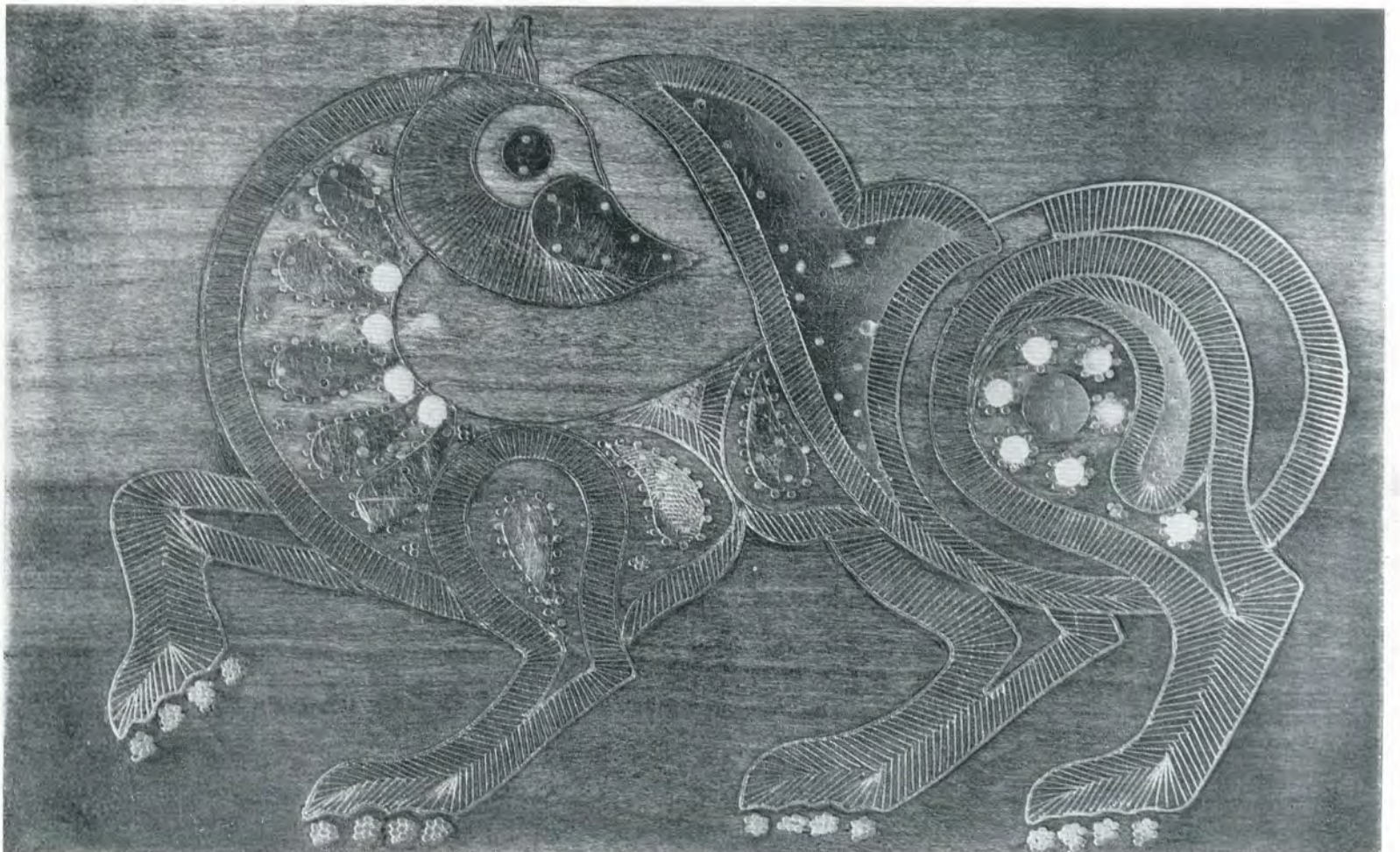
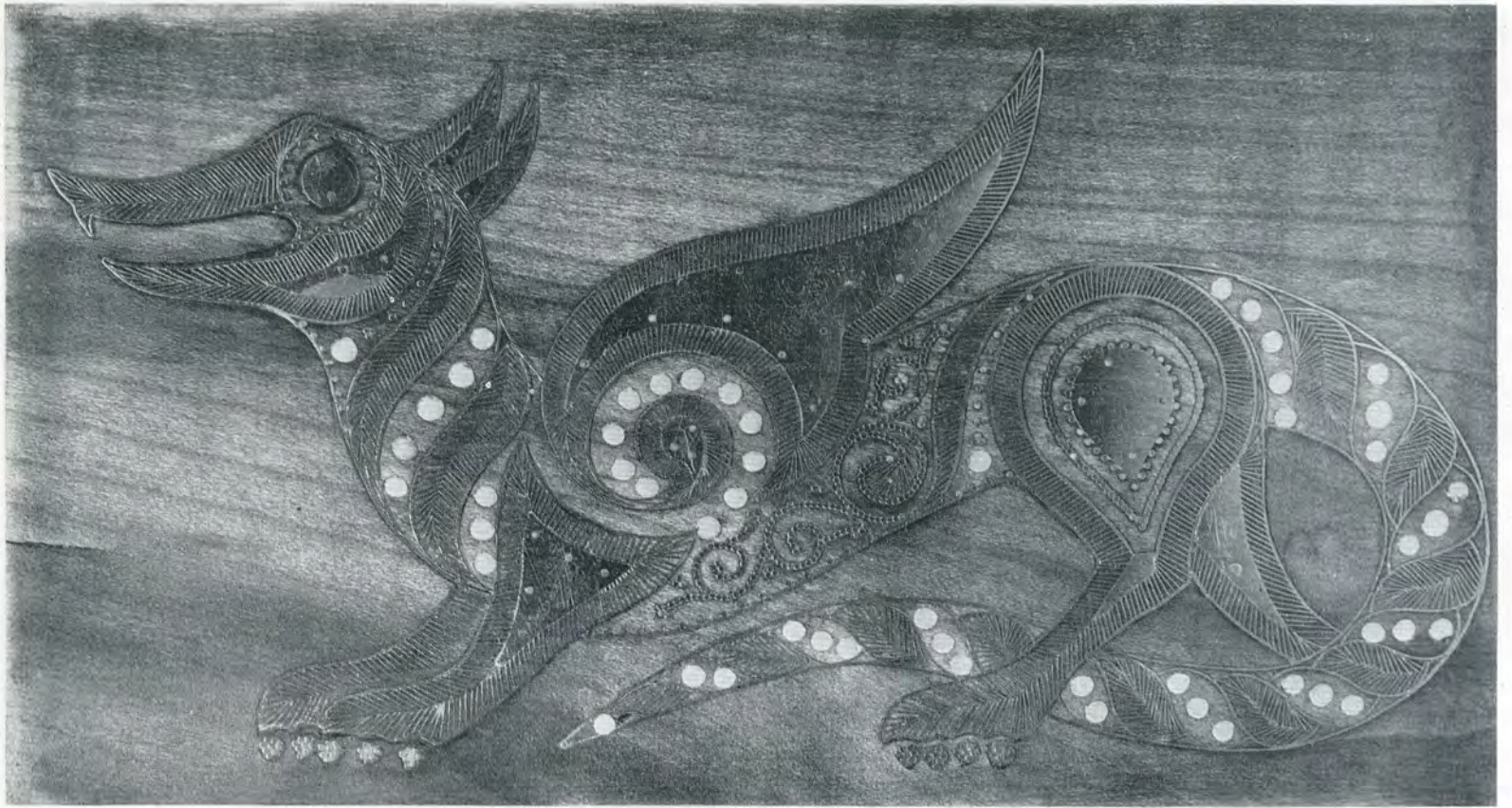
21
Декоративное панно „Зверь“. Абрикосовое дерево, насечка мельхиором, кость. Мастер М. Казимагомедов. Аварцы, с. Унцукуль. 1969

20
Panneau décoratif «Animal». Abri-cotier, incision au melchior, os. Auteur: M. Kazimagomédo. Avars, v. d'Ountsoukoul. 1969

21
Panneau décoratif «Animal». Abri-cotier, incision au melchior, os. Auteur: M. Kazimagomédo. Avars, v. d'Ountsoukoul. 1969

20
Animal, apricot-wood decorative panel ornamented with bone and cupro-nickel damascening. Made by M. Kazimagomedov. Avar work from the village of Untsukul. 1969

21
Animal, apricot-wood decorative panel ornamented with bone and cupro-nickel damascening. Made by M. Kazimagomedov. Avar work from the village of Untsukul. 1969

Ковроделие Вязание Ткачество

Искусство ковроделия в Дагестане складывалось на протяжении многих веков. Развитие производства ковров было связано с развитием овцеводства. По сведениям античных греческих историков, уже в V веке до н. э. население западного побережья Каспийского моря занималось изготовлением цветных шерстяных тканей. Уже тогда было известно, что окрашивание производилось красителями, полученными из растений, произрастающих в здешних местах.

Tapisserie Tissage Tricotage

L'art du tapis s'est développé au Daguestan pendant des siècles. Le développement de la production de tapis est lié à celui de l'élevage des moutons. Selon les historiens de l'Antiquité grecque, dès le Ve siècles avant n. è. la population du littoral occidental de la mer Caspienne fabriquait déjà des tissus de couleur en laine. Dès cette époque on savait que les couleurs étaient obtenues au moyen de colorants extraits de plantes poussant dans ces régions.

Tapestry Weaving Knitting

The art of tapestry has been taking shape in Daghestan over many centuries. Its origination and extension was a legitimate result of fast-developing sheep-breeding. According to antique Greek historians, as early as in the 5th century B.C. the population of the west coast of the Caspian Sea was engaged in making colourful wool fabrics. It was known even then that fabric colouring required the use of natural dyers from plants growing in the area.

В XII в. г. Дербент славился красками, добываемыми из трав, кустарников и деревьев, окрашивающих пряжу в яркие насыщенные цвета. Природа Южного Дагестана издавна снабжала мастериц естественными красителями. Только из корня небольшого травянистого растения марены добывалась краска трех цветов: коричневого, красного и розового.

До 60-х годов прошлого века корни марены представляли важнейшую статью торговли и экспортировались во многие страны. Разводить марену перестали лишь после изобретения химических красителей. Из молодой кожуры грецкого ореха добывали прочную коричневую краску, из растения „карачуп“ — черную, а из белого клевера получали различные золотистые оттенки. Известно, что в недрах гор на территории Дагестана имеются все химические вещества, необходимые для закрепления окраски пряжи: железный купорос, алюминиевые квасцы и другие.

Малоземелье, избыток свободных рук и наличие сырья в крае предопределяли развитие женских художественных ремесел, связанных с ковровым производством. Женщины могли уделять ковроткачеству восемь-десять месяцев в году, свободных от сельскохозяйственных работ. Мастерицы изготовляли напольные ворсовые и войлочные ковры (пол в домах был земляной), настенные паласы, хурджины, пояса для носки кувшинов и другие изделия, необходимые в горском быту. Узорное ткачество встречается во многих селениях Дагестана, но особенно известны такие центры, как лакское селение Балхар, даргинские селения Кища, Кудагу, аварские селения Ругуджа, Чох, Корода.

Au XIIe siècles Derbent était réputé pour les colorants qu'on y obtenait de diverses herbes, buissons et arbres conférant au filé des couleurs vives intenses. La nature du Daguestan méridional fournissait depuis longtemps des colorants naturels aux artisans. Rien que la racine de la plante herbeuse marène servait à obtenir des colorants de trois couleurs: brun, rouge et rose.

Avant les années 60 du siècle dernier, la racine de marène était un des principaux produits d'exportation et de commerce. Sa culture ne prit fin qu'avec l'invention des colorants chimiques. L'écorce jeune des noix servait à faire du brun stable, la plante «karatchoup» du noir, et la trèfle blanche donnait diverses nuances dorées. On sait que le sous-sol des montagnes du Daguestan contient toutes les substances chimiques nécessaires pour fixer la couleur du filé: coupe-rose verte (sulfate de fer), alun d'aluminium etc.

Le manque de terre, le surplus de main d'œuvre et l'existence de matière première locale ont contribué à développer les industries artistiques féminines liées à la fabrication de tapis. Les femmes pouvaient consacrer à la tapisserie huit à dix mois par an. Les artisans fabriquaient des tapis à poil et de feutre pour le sol (qui était de terre battue dans les maisons), des palas muraux, des khourdjines, des ceintures pour le port des jarres et d'autres articles indispensables dans la vie des montagnards. Le tissage décoratif est pratiqué dans de nombreux villages du Daguestan, mais les centres les plus connus sont le village lakien de Balkhar, les villages darguiens de Kichtcha, Koudagou, les villages avares de Rougoudja, Tchokh, Koroda.

In the 12th century Derbent was famous for paints from grasses, shrubs and trees which dyed the yarn into bright rich colours. South Daghestan was a time-old supplier of natural dyers for women-weavers. The root of marena, a small grassy plant, would alone provide paints of three colours: brown, red and pink.

Until the 1860s marena roots were a chief merchandize to be exported to many countries. It was not until the invention of chemical dyers, that marena-growing came to an end. A staying brown paint was obtained from young walnut sheel, a back paint—from the “karachup” plant and a variety of golden shades—from white clover. It was known that in the mountain depths on the territory of Daghestan there were available all chemical stuffs for yarn dyers fixation, like iron pyrites, aluminium alum and others.

Land shortages coupled with work hands redundancies and easily available raw materials in the area gave rise to the development of female crafts linked with carpet-making. Women could put in to carpet-making annually some seven or eight months during slack agricultural seasons. The women carpet-makers produced floor carpets, nap, as well as felt. Daghestan homes had earthen floors, mural tapestry, *khurdjins* (saddle-bags), belts for carrying jugs and other articles indispensable in highlanders' domestic life. Ornamental weaving was common for many Daghestan villages, but especially well-known were the weaving centres, such as the Lak village of Balkhar, Darghin villages of Kische and Kudaghu, Avar villages of Rugudja, Chokh and Koroda.

Балхарские тканые подстилки имеют красивую охристо-коричневую гамму и характерный рисунок внутри полос. Даргинские паласы выдержаны в коричнево-белом цвете и узор их скромн. Для аварских поясов к кувшинам характерна красно-охристо-голубая гамма.

В горных районах Дагестана чрезвычайно распространены узорные вязаные носки, а также валяная расшитая обувь. Форма и рисунок узора этих вещей настолько разнообразны, что изделия почти каждого селения имеют свои самобытные черты. Особый оригинальный вид изделий представляет вязаная обувь. Наиболее крупные центры производства этих изделий — Рутульский, Тляратинский и Бежтинский районы.

Если узорное ткачество поставлялось на внутренние рынки, то ковры уже в средневековье шли на продажу и за пределы Дагестана. По характеру узора и технике исполнения ковровые изделия подразделяют на две большие группы. Первую многочисленную составляют ковры Южного Дагестана. Сюда входят вещи Дербентского, Ахтынского, Табасаранского, Хивского и Рутульского районов. В основном — это ворсовые ковры, гладкие односторонние сумахи, двухсторонние паласы и многочисленные небольшие ковровые изделия — сумы-хурджины, наседельники.

Les couches balkhariennes tissées ont une belle gamme ocre à brun et un dessin caractéristique à l'intérieur des bandes.

Les palas darguiens sont bruns et blancs et leur dessin est modeste. Les ceintures pour jarres avars se distinguent par une gamme rouge — ocre — bleu ciel.

Dans les régions montagneuses du Daguestan on porte partout des chaussettes tricotées décoratives et des chaussures de feutre brodé. La forme et le dessin de la décoration de ces objets sont si variés que les articles de chaque village possèdent inmanquablement leurs particularités propres. Les chaussures tricotées sont les articles les plus originaux. Les centres les plus importants confectionnant ces articles sont les districts de Routoul, de Tliaratine et de Bejtine.

Si le tissage décoratif était destiné aux marchés intérieurs, les tapis étaient, dès le Moyen-Age, écoulés au-delà du Daguestan. Par le caractère du dessin et la technique d'exécution les tapis se divisent en deux grands groupes. Le premier, le plus nombreux, est celui des tapis du Daguestan méridional. Il comprend les œuvres des districts de Derbent, d'Akhtyn, de Tabassaran, de Khiv et de Routoul. Ce sont surtout des tapis à poil, des soumakhs lisses unilatéraux, des palas bilatéraux et de multiples petits articles de tapisserie: sacs khourdjines, dossières.

The Balkhar woven pads featured a fine brown-yellowish gamut and a characteristic pattern between the strips.

Darghin tapestry was worked out in brown-white and their pattern was fairly modest. Avar belts showed a characteristic red, yellow and light-blue colours.

In the mountainous areas in Daghestan an extremely popular trend in garments were decorated knitted socks, and also fully embroidered footwear. In their shape and decoration pattern, these articles varied so much that in nearly every village they had some highly original features, not to be found anywhere else. Knitted footwear, a specific type of knitwork came mostly from the shoe-producing centres in the districts of Rutul, Tlyarata and Bejta.

While the output of ornamental weaving went mostly for sale at home markets, the carpets even in the Middle Ages were exported outside Daghestan. By the nature of their ornamentation and execution techniques, tapestry articles were broken down into two large groups. The first was made up of numerous rugs from South Daghestan, including the produce of the Derbent, Akhtyn, Tabasaran, Khiv and Rutul districts. Mainly, these are napped rugs, unfigured one-sided *sumakhs*, two-sided mural tapestry and numerous smaller carpet items, such as *khurdjin*-bags, saddle-covers, etc.

Во вторую группу входят ковровые изделия Центрального и Северного Дагестана. Преимущественно гладкие двухсторонние ковры, а также войлоки и циновки изготавливаются в Хунзахском, Левашинском и Тляратинском районах.

Войлоки с прорезным и вваляным узором, паласы и мелкие ковровые изделия: попоны, подушки, торбы — широко распространены у кумыков и аварцев Хунзахского и Буйнакского районов.

Своеобразные войлочные ковры с вваляным узором представляют собой мягкую толстую кошму, в которую ввалян узор другого цвета. В простейшей из них сохраняется натуральный цвет шерсти — белый и черно-коричневый. Ввалянный узор мягкий, расплывчатый и состоит из геометрических и рогообразных мотивов, что связывается с пережитками древних скотоводческих культов.

Свои излюбленные типы ковров есть почти у каждой народности, населяющей Дагестан. Гладкие узорные и ворсовые ковры изготавливают лезгины и рутульцы. Своеобразные конопляные изделия с ткаными узорами и ворсовые ковры выделывают табасаранцы. Длинные тканые паласы и войлоки с вваляным узором характерны для лакцев. Оригинальные узорные циновки, гладкие безворсовые ковры и вязаные изделия присущи большинству аварских районов. Узорные прорезные войлоки, гладкие и ворсовые ковры составляют основу кумыкского ковроделия.

Несмотря на многообразие, большинство перечисленных видов ковровых изделий обладает общими признаками, составляющими как бы „общедагестанское“ единство.

Le deuxième groupe se compose des tapis du Daguestan central et septentrional. Les tapis, d'ordinaires lisses et bilatéraux, ainsi que des feutres et des nattes, sont fabriqués dans les districts de Khounzakh, Lévacine et Tliaratine.

Des feutres à ornementation découpée et incrustée, des tapis muraux et de petits articles de tapisserie (caparaçons, coussins, musettes) sont fort répandus chez les Koumyks et les Avars des districts de Khounzakh et de Bouïnak.

Les originaux tapis de feutre à dessin de feutre incrusté sont faits de feutre mou dans lequel est embouti du feutre de couleur différente. Les plus simples conservent la couleur naturelle de la laine: blanc et brun foncé. Le dessin embouti est doux, aux formes floues et se compose de motifs géométriques et en forme de cornes, survivance des vieux cultes des éleveurs.

Presque chaque population du Daguestan possède ses types préférés de tapis. Les tapis lisses décorés et les tapis à poil sont tissés par les Lezguiens et les Routouliens. Les Tabassaraniens tissent d'originaux tapis de chanvre à dessins tissés et des tapis à poil. Les longs palas tissés et les feutres à dessin incrusté sont typiques pour les Lakiens. Des nattes originales à dessin, des tapis lisses sans poil et des articles tricotés sont fabriqués dans la majorité des régions des Avars. Les feutres à dessins découpés, les tapis lisses et à poil forment la base de la tapisserie des Koumyks.

Malgré la grande variété, la majorité des tapis mentionnés possèdent des traits communs composant leur unité «pan-daguestannaise».

The second group consisted of articles coming from Central and North Daghestan. These were mostly smooth two-sided rugs, as well as felts and mats produced in the districts of Khunzakh, Levashin and Tlyaratin.

Felts with cut-through and fulled-in ornament, tapestry and smaller carpet items, like horse-cloths, cushions and bags were all widely popular among the Kumyks and Avars in the districts of Khunzakh and Buinak.

While generally felt carpets, highly original and with a fulled-in pattern, were but a soft thick *koshma* with a fulled-in design of a differing colour, the simplest specimens kept intact the natural colour of wool—either white or brown-black. Fulled-in designs, soft and dim, were made up of geometrical and horn-like motifs, and commonly associated with the survivals of ancient livestock-breeding cult.

Almost each nationality out of the many that populated Daghestan had its own favourite carpet types. These included ornamented napped or pileless carpets for Lezgians and Rutuls, peculiar hemp-made articles with inwoven designs and napped carpets for Tabasarans, long woven mural tapestry and felts with fulled-in designs for Laks, originally decorated mats, smooth napless carpets and knitwork for most of the Avar districts, and, finally, ornamented cut-through felts, as well as smooth and napped rugs for Kumyks.

Varying as they were over a wide range, most of the enumerated carpet manufacture had some features in common which seem to make up the 'all-Daghestan' idiom of the art of tapestry.

Большим своеобразием отличается традиционная, в значительной степени архаичная, так называемая кайтагская вышивка. Некогда широко распространенный в отдельных селениях Нагорного Дагестана — кайтагских, даргинских и аварских — теперь этот вид вышивки почти не встречается. Кайтагские вышивки конца XVIII — первой половины XIX в. представляют собой прямоугольные или квадратные коврики, сплошь заполненные крупными разноцветными узорами. С лицевой стороны изделия простегиваются крупными стежками, закрепленными с обратной стороны дополнительной нитью, что позволяет экономично расходовать ценные, привозимые издалека, шелковые нити. В орнаменте кайтагских вышивок просматриваются древние изобразительные мотивы, широко распространенные в Нагорном Дагестане. Изображения фигуры человека, животных, птиц, руки в сочетании с причудливыми контурами мотива рогов, солярных знаков и геометрических элементов создают неповторимый декоративный эффект.

1
Подушка (лицевая часть). Вышивка гладью „в прикреп“ по настилу некрученого шелка. Даргинцы. XVIII в. Деталь

La broderie traditionnelle dite kaïtaguienne est une broderie assez archaïque possédant une grande originalité. Jadis fort répandue dans certains villages du Daguestan montagneux (kaïtaguiens, darguiens et avars), cette broderie n'existe pratiquement plus. Les broderies kaïtaguiennes de la fin du XVIIIe et de la première moitié du XIXe siècles sont de petits tapis rectangulaires ou carrés entièrement couverts de grands dessins multicolores. De côté face l'objet était contrepointé de grosses piqûres fixées au verso par un fil supplémentaire, ce qui permettait d'économiser les fils de soie importés de loin et fort coûteux. On distingue dans l'ornementation des broderies kaïtaguiennes d'antiques motifs figuratifs fort répandus dans le Daguestan montagneux. Les figurines humaines, les bêtes, les oiseaux, les mains, à côté des motifs bizarres des cornes, des signes solaires et des éléments géométriques, produisent un effet décoratif indescriptible.

1
Coussin (Recto). Broderie plate «à fixation» sur support de soie non torse. Darguiens. XVIIIe s. Détail

A great originality marks down the traditional and perhaps somewhat archaic, the so-called *Kaitag* embroidery. Widely popular at one time in some areas in Daghestan, such as Kaitag, Darghin and Avar, this embroidery type is something one rarely comes across in modern Daghestan. The Kaitag embroidery pieces of the late 18th and the first half of the 19th century, rectangular or square rugs covered upwards and backwards with large polychrome designs, were all quilted on their front surface with large stitches fixed on the back side with an additional thread, the idea being to spare economically expensive silk threads imported from far-off areas. In the ornament of Kaitag embroidery one could discern the ancient decorative motifs widespread in their time throughout Nagorny Daghestan. There, the images of human figures, animals, birds, hands in combination with the weird outline of the motif of horns, solar symbols and geometrical elements produces an unforgettable decorative impact.

1
Pillow (face). Satin-stitch embroidery on silk untwisted warp. Darghin work. 18th century

Принцип построения узора во многом перекликается с гацатлинской гравировкой по меди, с валяными узорными лакскими войлоками, с унцукульской насечкой по дереву и балхарской ангобной росписью.

Хотя в настоящее время кайтагские вышивки не изготавливаются, в прошлом они были распространены чрезвычайно широко и применялись для обшивки одной стороны подушки, являясь важным элементом декоративного оформления комнаты. Этому способствовала чрезвычайно насыщенная цветовая гамма при относительно небольших размерах изделий. На сдержанном серо-синем фоне контрастно вырисовываются золотисто-оранжевые пятна розеток с белым и вишневым рисунком. В то же время почти каждый цвет имел много градаций благодаря разным оттенкам нитей. Иногда для акцента центральная часть розеток вышивалась золотой или серебряной нитью.

2
Подушка (лицевая часть). Вышивка гладью „в прикреп“ по настилу некрученого шелка. Даргинцы. XIX в.

Le principe de construction du dessin a bien des points communs avec la gravure sur cuivre de Gotsatl, avec les dessins emboutis des feutres lakiens, avec l'incision ountsoukoulienne sur bois et avec la peinture à l'engobe de Balkhar.

Bien que les broderies kaitagiennes ne soient plus fabriquées de nos jours, elles étaient fort répandues par le passé et on les utilisait pour revêtir le recto des coussins; c'étaient des éléments très importants de la décoration des pièces. Ceci a été favorisé par la gamme de couleurs extrêmement vive de l'objet, malgré ses dimensions relativement réduites. Les taches oranges dorées des rosettes à dessin blanc et cerise se détachent bien sur le fond gris-bleu terne. D'autre part presque chaque couleur possédait de nombreuses gradations grâce à l'utilisation de fils de nuances différentes. Parfois, pour en rehausser l'accent, la partie centrale des rosettes était brodée de fil d'or ou d'argent.

2
Coussin (recto). Broderie plate «à fixation» sur support de soie non torse. Darguiens. XIXe s.

The pattern of ornamentation recalled in many ways the Gotsatl copper engraving, the ornamented Lak felts, the Untsukul metal damascening on wood and the Balkhar slipware decoration.

Although no more in production, the Kaitag embroidery pieces were extremely widespread in the past days when they were applied as a holstery for pillows and, due to a very rich colour range and a relatively small size, made an important element of the decorative arrangement of the room. They featured golden-orange rosettes with white and cherry-colour designs which stood out against the sharply contrasted background of reserved greyish-blue. At the same time, each colour presented itself in many gradations, thanks to numerous shades of threads. Sometimes an additional accent was provided by embroidering the central part of the rosette with a gold or silver thread.

2
Pillow (face). Satin-stitch embroidery on silk untwisted warp. Darghin work. 19th century

Широкое распространение золотошвейное искусство получило в Дагестане в начале XX века, хотя при дворах казикумухских ханов, кайтагских уцмиев, аварских нуцалов и тарковских шамкалов оно встречалось и в более раннее время. В центральных аварских (Чох, Согратль, Чарода) и даргинских (Кубачи, Губден) селениях с применением техники золотого шитья изготавливались самые разнообразные предметы быта: занавесы на нишу, подушки, настенные коврики, сумочки и игольницы. До настоящего времени в Кубачах сохранился обычай украшения золотошвейным узором больших белых головных платков. Это очень тонкий изящный узор растительного характера. Наряду с цветками и трилистниками в шитье встречается изображение птицы, традиционное для резного камня и серебряных украшений XIX—XX вв.

Золотое шитье в занавесах имеет цельный рисунок и сближается с аппликационным узором аналогичных изделий народов Северного Кавказа.

3
Занавес на нишу. Золотое шитье.
Лезгины. Вторая пол. XIX в.

La broderie à fils d'or s'est fort répandue au Daguestan au début du XXe siècle, bien qu'elle existât déjà auparavant aux cours des khans de Kazikumoukh, des outsmis kaïtaguiens, des noutsals avares et des chamkals tarkiens. Dans les régions centrales avares (Tchokh, Sogratl, Tcharoda) et darguiennes (Koubatchi, Goubden), la technique de la broderie à fils d'or était utilisée pour la fabrication des objets ménagers les plus divers: rideaux de niche, coussins, petits tapis muraux, petits sacs et porte-aiguilles. La coutume subsiste toujours à Koubatchi de décorer de broderies à fils d'or les grands fichus blancs portés sur la tête. Le dessin est végétal et exécuté avec beaucoup de finesse. Outre les fleurs et les trifeuilles, on y trouve des images d'oiseaux, typiques pour la pierre taillée et l'argenterie des XIXe—XXe siècles.

La broderie à fils d'or des rideaux forme un grand dessin unique et se rapproche des dessins appliqués utilisés pour les rideaux par les peuples du Caucase du Nord.

3
Rideau de niche. Broderie or. Lez-
guiens. Deuxième moitié du XIXe s.

Gold embroidery became widely popular in Daghestan in the early 20th century although it had some applications in earlier times at the courts of Kazikumukh khans, Kaitag *utsmiys*, Avar *nutsals* and Tark *shamkals*. In the central Avar (Chokh, Sogratle, Charoda) and Darghin (Kubachi, Gubden) areas it made a common entry in a wide range of domestic articles, such as curtains for niches, pillows, mural tapestry, hand-bags and needle-holders. In fact, the custom of applying gold ornamentation to decorate broad kerchiefs for covering the head was continued in Kubachi till now. It is a fine, delicate vegetation design. Besides flowers and trefoils, the pattern would commonly comprise the bird image, a traditional motif in stone carving and silver trinketry in the 19th–20th centuries.

Gold embroidery in curtains had a large integrate design and came close to the applied ornamentation of similar pieces in North-Caucasian areas.

3
Curtain for a niche. Gold embroidery.
Lezgian work. Second half, 19th cen-
tury

В высокогорных районах, где лошадь до сих пор не утратила своего назначения как транспорт, чрезвычайно распространены хурджины и седельники. Зерно, муку и фрукты перевозят в переметных сумках, богато украшенных сложным ковровым орнаментом. Для малого количества продуктов существуют небольшие наплечные сумки „топраки“, которые носят только девушки. Они захватывают их с собой, когда идут в лес за ягодами и фруктами, или же когда направляются в гости в соседний аул. Красивая, богато орнаментированная сумка непременно входит в приданое табасаранской невесты. Сумка соткана из крашеной пряжи и украшена множеством свисающих на цветных шнурках кистей. Каждый шнур туго скручен яркими цветными нитями, а узор представляет сложное сочетание двух техник — гладкой и ворсовой.

Эту же разнообразную технику можно встретить у табасаранцев в оригинальной обуви — обмотках, вся верхняя часть которых орнаментирована.

4
Наплечная сумка. Шерсть, конопля, смешанная техника. Табасаранцы, с. Джули. 1940. Деталь

Dans les régions de haute montagne où le cheval reste encore un moyen de transport répandu, les sacs khourdjines et les dossières sont très utilisés. Le grain, la farine et les fruits sont transportés dans des sacs de cordée richement décorés d'ornements de tapis. Pour les denrées en petites quantités on utilise de petits sacs épauliers portés seulement par les jeunes filles. Elles les prennent avec elles lorsqu'elles vont dans la forêt chercher des baies ou des fruits ou lorsqu'elles se rendent en visite à l'aoul voisin. Un sac très beau et richement décoré fait obligatoirement partie de la dot de la fiancée tabassaraniennne. Le sac est tissé de filé teint et orné d'une multitude de pinceaux suspendus à des lacets de soie. Chaque lacet est enroulé de fils de couleur vive et le dessin décoratif est fait selon deux techniques différentes se combinant de façon compliquée: le tapis plat et le tapis à poil.

On peut trouver cette même technique variée dans un type original de vêtement des Tabassariens, les guêtres, dont toute la partie supérieure est décorée.

4
Sac d'épaule. Laine, chancre, technique mélangée. Tabassaraniens, v. de Djouli. 1940. Détail

Khurdzhins and saddle-covers are extremely popular in high-mountain areas where horses still have significance as an important means of transport. Grain, flour and fruit are carried in saddle-bags richly adorned with complicated tapestry designs. Smaller consignments of products are carried in small shoulder sacks, to be worn only by young girls. They take them along when going to the woods for berries and fruit or paying visits to the neighbouring villages. A beautiful, richly ornamented sack makes a necessary part of the dowry of a Tabasaran bride. The sack is woven of dyed yarn and adorned with numerous tassels hanging on coloured laces. Each lace is twisted tightly by bright coloured threads while the pattern of the article features a complex combination of two techniques: napped and satin-stitch embroidery.

The same variety of techniques is a mark of the Tabasaran original footwear, puttees, with a heavily ornamented upper part.

4
Knap-sack. Wool, hemp. Mixed technique. Tabasaran work from the village of Djouli. 1940. Detail

Непосредственно связано с ковровым производством изготовление наседельников. Это небольшой ворсовый ковер с законченной композицией и обрамлением в виде пышных кистей, свисающих на коротких веревочках. Наседельники относятся к виду изделий, в разной степени широко распространенных по всему Нагорному Дагестану, хотя появление их в аварских районах следует отнести к XIX в. Композиция изделий из лезгинских и табарских районов строится на одном центральном медальоне с изрезанными краями, выступы которых, глубоко проникая в фон, способствуют лучшему с ним соединению. Традиция малых ковров тесно смыкается с древним производством молитвенных ковров-намазлыков, ныне не изготавлиющихся. Многие элементы, вошедшие в узор под влиянием мусульманской религии (михраб), исчезают, или с утратой прежнего смысла превращаются в орнаментальное дополнение узора.

5
Наседельник. Шерсть, конопля, смешанная техника. Аварцы, с. Кутлаб. 1940

La fabrication des dossières est étroitement liée à celle des tapis. La dossière est un petit tapis à poil à composition finie encadré d'abondants pinceaux suspendus à des cordelettes. Les dossières sont des articles fort répandus dans tout le Daguestan montagneux, bien que leur apparition dans les régions avares dût être datée du XIXe siècle. La composition des dossières lezguiennes et tabassariennes se compose d'un médaillon central à bords coupés dont les enclaves, s'unissant au fond, servent à rendre l'application plus solide. La tradition des petits tapis est fort liée à l'antique production de tapis à prière, les *namazlyks*, actuellement abandonnés. De nombreux éléments entrés dans la décoration sous l'influence de la religion musulmane (*mikhrab*) disparaissent ou, perdant leur signification ancienne, deviennent des compléments ornementaux du dessin.

5
Dossière. Laine, chanvre, technique mélangée. Avars, v. de Koutlab. 1940

There is close liason between carpet-making and the manufacture of saddle-covers. These are small nap rugs, with an integrate composition and fringes in the form of expansive tassels hanging on short strings. Saddle-covers counted among the articles which were in equally great demand throughout the whole of Nagorny Daghestan though they did not appear in the Avar areas until the 19th century. The articles from Lezgian and Tabasaran districts had their composition centering around the central medallion with serrate edges whose extensions stuck out into the background to achieve a greater cohesion with the latter. The tradition of smaller carpets was but an extension of the ancient craft of *namazlyk* prayer-rugs now no longer produced. Many elements formerly adopted for the carpet decoration under the influence of the Muslem religion (*mikhrab*), either disappeared, or, having lost their original significance, developed into an ornamental adjunct to the decor.

5
Saddle cover. Wool, hemp, Mixed technique. Avar work from the village of Kutlab. 1940

Если в композиции старых наседельников центральный медальон занимал небольшую часть изделия, но имел много кайм, то в современных из пяти окаймляющих орнаментальных полос остаются одна-две, зато центральный мотив заполняет почти всю плоскость. Узор хурджинов и наседельников сохраняет многие элементы крупных ковровых изделий данного района и связан с ними колористическим решением.

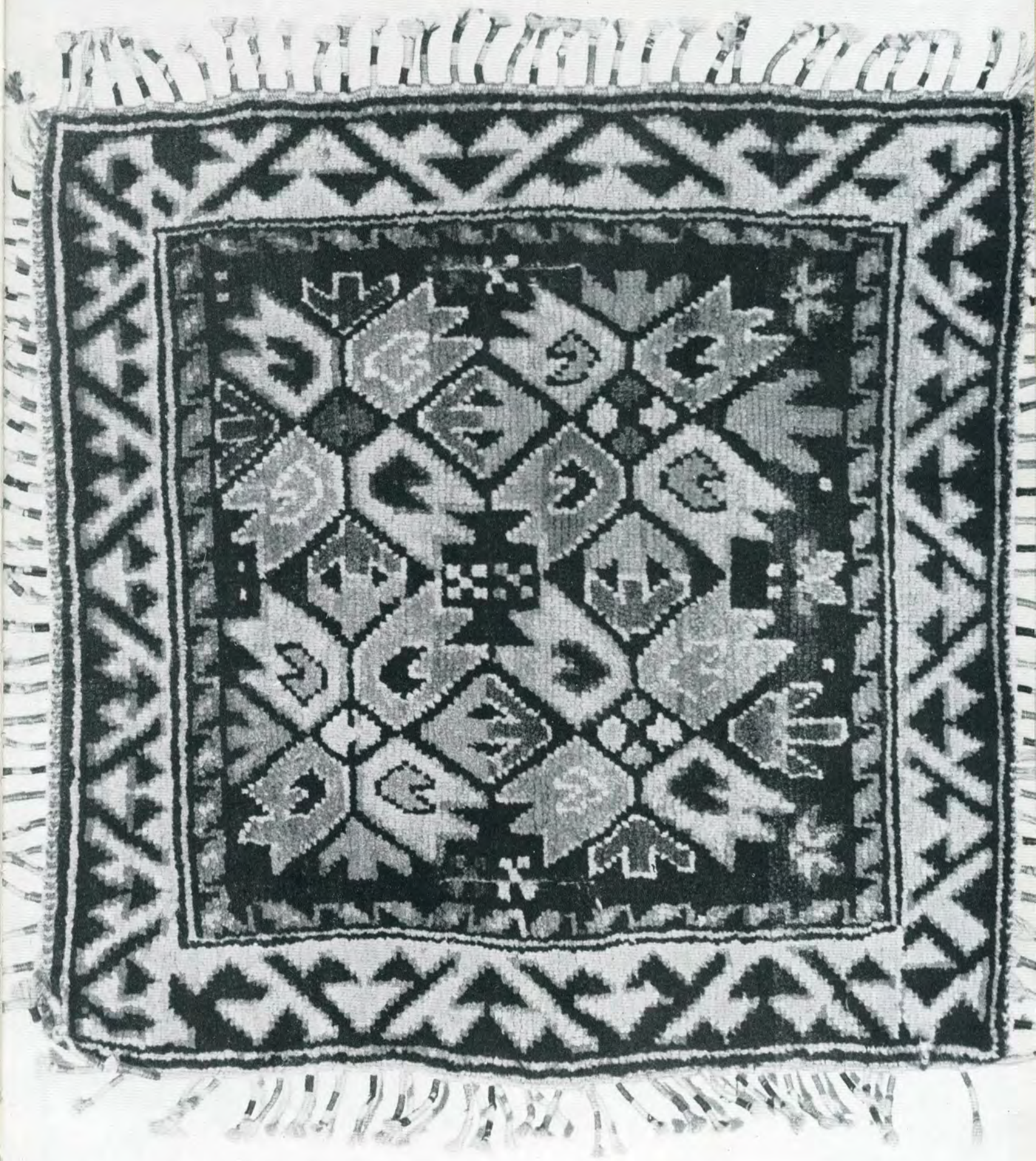
6
Наседельник. Шерсть, конопля, смешанная техника. Аварцы, с. Камелюх. 1940

Si dans la composition des dossières anciennes le médaillon central occupait une petite partie de l'article, mais avait de nombreuses bordures, dans les dossières actuelles il ne reste plus qu'une ou deux (au lieu de cinq) bandes de bordure, mais le motif central remplit presque toute la surface. Le dessin des khourdjines et des dossières conserve de nombreux éléments des grands tapis de la même région et les mêmes combinaisons de couleurs.

6
Dossière. Laine, chanvre, technique mêlée. Avars, v. de Kamélioukh. 1940

While in the compositions of old saddle-covers the central medallion consumed a modest part of the article's surface but had numerous edgings in modern compositions out of the five edging ornamental stripes only one or two have survived while the central motif extended over the entire plane. The pattern of *khurdzhin* and saddle-cover ornamentation retained in this particular district many elements peculiar to large carpet articles and is affinitive with the latter through the common colour arrangement.

6
Saddle cover. Wool, hemp. Mixed technique. Avar work from the village of Kamelyukh. 1940

В даргинских и лакских районах еще в первой четверти XX в. была распространена войлочная расшитая обувь с сильно загнутыми носами. В селении Балхар обувь изготавливалась из белого войлока, частично обшитою сверху ярким сукном или сафьяном и была украшена шитьем из цветных золотых и серебряных ниток. Шитье включало элементы, родственные известным кайтагским вышивкам, и по характеру узора несомненно относилось к древнейшим орнаментальным мотивам Нагорного Дагестана. Обувь этого типа носилась и мужчинами и женщинами, однако у мужчин она украшалась гораздо более скромно. При входе в помещение обувь снималась, и ее обладатель оставался в плотных узорных носках, совершенно необходимых в жилищах с земляным или каменным полом.

7
Обувь. Шитье гладью, золотая нитка, шелк. Лакцы, с. Балхар. 1930

Dans les régions darguiniennes et lakiennes, dès le premier quart du XXe siècle, étaient fort répandues les chaussures en feutre brodé à nez fort crochus. Au village de Balkhar elles étaient faites en feutre blanc partiellement cousu, sur le dessus, de toile ou de maroquin de couleur vive et brodé de fils de couleur, d'or et d'argent. La broderie comprenait des éléments proches des broderies kaitagiennes connues et se rapportait par le caractère de son dessin aux motifs décoratifs les plus anciens du Daguestan montagneux. Ces chaussures étaient portées par les hommes et par les femmes, mais les chaussures masculines avaient une ornementation beaucoup plus modeste. En entrant dans une habitation, on devait se déchausser et on restait en épaisses chaussettes décorées absolument indispensables dans ces maisons à sol de terre battue ou de pierre.

7
Chaussures. Broderie plate, fil d'or, soie. Lakiens, v. de Balkhar. 1930

Even in the first quarter of the 20th century embroidered felt shoes with sharply curved-up noses were widespread in the Darghin and Lak areas. In the Balkhar village shoes were made of white felt partly holstered on top with gaudy cloth or morocco and carried an embroidery pattern of gold and silver threads. The embroidery included elements similar to the well-known Kaitag embroideries, which ascended by the nature of the design, undoubtedly, to the most ancient ornamental motifs of Nagorny Daghestan. The shoes of that type were worn by men and women, except that men's shoes had a more modest adornment. The shoes were taken off before entering the room leaving their owner in dense patterned socks altogether indispensable in homes with earthen or stone floors.

7
Shoes. Satin-stitch embroidery in gold thread on silk. Lak work from the village of Balkhar. 1930

Вязанием шерстяных носков горянки Дагестана занимаются в каждом селении, в каждом доме. Этим искусством овладевают уже в детском пяти-шестилетнем возрасте. Хотя в большинстве селений вязание остается сугубо домашним производством, в некоторых высокогорных районах (Ахты, Микрах, Кубачи, Балхар, Тлярата) вязаная обувь издавна поставлялась на рынок.

Подобно ковровому искусству, узорное вязание имеет разнообразный орнамент и множество вариантов цветовых решений. Многие селения имеют свой традиционный узор, свою цветовую гамму и свою специфическую форму.

8
Обувь. Узорное вязание, вышивка.
Аварцы. 1950

Les montagnardes du Daguestan tricotent des chaussettes de laine dans chaque village, dans chaque maison. On apprend cet art aux fillettes dès l'âge de cinq-six ans. Bien que dans la majorité des villages le tricotage des chaussettes soit une industrie strictement domestique, dans certaines régions de haute montagne (Akhty, Minrakh, Koubatchi, Balkhar, Tliarata) des chaussettes sont tricotées depuis longtemps pour le marché. Comme la tapisserie, le tricotage à dessin utilise des ornements très variés et une multitude de combinaisons de couleurs. De nombreux villages possèdent leur dessin traditionnel, leur gamme de couleurs et leur forme spécifique.

8
Chaussures. Tricotage décoratif, broderie. Avars. 1950

Women-highlanders in Daghestan would practice knitting woollen socks in almost each village, each household. This art was usually learned by children five or six years old. Although in most villages knitting remained a specifically domestic preoccupation, in some highland areas (Akhty, Minrakh, Kubachi, Balkhar, Tlyarata) knitted footwear had long since been an important merchandize.

In common with the art of carpet-making, decorative embroidery boasted a diversified ornament and broad variety of colour schemes. Many villages had a traditional design of their own, together with the colour gamut and specific form.

8
Shoes. Ornamental knitting, embroidery. Avar work. 1950

В большинстве случаев вязаные изделия имеют геометрический орнамент, но иногда это бывает сильно геометризованный растительный, а порой встречаются схематические изображения птиц и животных. Принцип построения узора, колорит и отдельные элементы орнамента весьма близки к схемам узора в ковровом искусстве. Закономерно, что в районах развитого ковроделия вязаные изделия наиболее многообразны и интересны. Лезгинские и даргинские носки имеют насыщенную темно-красную и густо-зеленую гамму с не резкими переходами. Рутульцы предпочитают темно-коричневый цвет в сочетании с синим и черным очень мелким и почти не выделяющимся рисунком.

⁹
Носки. Шерсть, узорное вязание.
Аварцы. 1967

Dans la majorité des cas les chaussettes ont un dessin géométrique, mais c'est parfois un dessin végétal très géométrisé et on y trouve, bien que rarement, des images schématisées d'oiseaux et d'animaux. Les principes de construction du dessin, le coloris et certains éléments de la décoration sont fort apparentés à ceux de la tapisserie. Il est logique que dans les régions où la tapisserie est développée les objets tricotés sont particulièrement variés et intéressants. Les chaussettes lezguiennes et darguiennes ont une gamme rouge foncé et vert épais intense avec des transitions progressives. Les Routouliens préfèrent le brun-foncé combiné à un dessin bleu et noir très fin et presque invisible.

⁹
Chaussettes. Laine, tricotage décoratif. Avars. 1967

Mostly, knitted articles had a geometrical ornament either vividly geometrized or vegetation-type, or sometimes with schematic images of birds and animals. The principle governing the design construction, colour schemes and individual ornamental elements was similar to the leading decoration trends in carpet-making. It stands to logic therefore, that the patterns of knitwork were the most exquisite and variegated precisely in the areas of well-developed carpet-making. Thus, Lezgian and Darghin socks tended toward purple and rich green gamuts with mild transitions between them, while Rutuls preferred dark-brown colour in combination with blue, and black diminutive and barely indicated designs.

⁹
Woollen stockings. Ornamental knitting. Avar work. 1967

Специфические условия жизни горцев предопределили самые различные типы вязаной обуви. Наряду с войлочной обувью и носками в Чародинском, Тляратинском и Бежтинском аварских районах существует род обуви, как бы объединяющий эти два вида изделий. Бежтинская вязаная обувь сохраняет узорность и принципы цветового решения, свойственные носкам, но в то же время вязка их гораздо более плотная, а подошва и сильно загнутый нос настолько прочны и жестки, что не уступают в прочности валяной и даже кожаной обуви. Необыкновенным богатством расцветки и сложностью геометризованного рисунка отличается вязаная обувь селений Бежта, Кидеро, Шаитль. В них преобладает гамма оранжевых, желтых, красных и охристых цветов с контрастным белым или черным рисунком. Несмотря на резкие чередования полос и контраст рисунка, создающие известную пестроту, вязаная обувь этих центров смотрится цельной и нарядной.

10
Обувь. Шерсть, узорное вязание,
вышивка. Аварцы. 1954

Les conditions spécifiques de vie des montagnards ont fait qu'il existe des types les plus divers de chaussures et chaussettes tricotées. A côté des chaussures de feutre et des chaussettes, il y a dans les régions avares de Tcharodine, Tliarata et Bejta des types de chaussures qui combinent ces deux procédés. Les chaussures tricotées de Bejta conservent la décoration et les principes coloristiques propres aux chaussettes, mais les points tricotés sont beaucoup plus denses et la semelle à nez crochu est si solide et si dure qu'elle ne cède en rien à la solidité des chaussures de feutre ou même de cuir. Une coloration extrêmement riche et un dessin géométrique très compliqué distinguent les chaussures tricotées de Bejta, de Kidéro, de Chaïtl. Les oranges, les jaunes, les rouges et les ocres y contrastent avec des dessins blancs ou noirs. Malgré la succession brutale des bandes et le contraste du dessin, d'effet assez barriolé, les chaussures tricotées de ces centres gardent leur unité et sont très élégantes.

10
Chaussures. Laine, tricotage décoratif,
broderie. Avars. 1954

The specific conditions of life in the Daghestan highlands predetermined that the types of knitted footwear should be extremely diversified. Along with felt shoes and socks, in the Avar districts of Charoda, Tlyaratin and Bettin we find some footwear specimens which represented an transient type. The Bettin knitted shoes retained the ornamentation and colour range to be found only in socks but with a much stronger knitting, while the sole and sharply bent-up nose were so hard and rigid that they could match in their strength the fulled and even leather footwear. An unusually diverse colouring and complexity of geometrical designs were a feature of the knitted footwear from Bejta, Kidero and Shaitl. The prevalent gamut contained oranges, yellows, reds and ochres with a contrasting white or black design. Despite sharply alternating stripes and contrasting design which made the article motley in excess, the footwear from these centres looked integræ and spectacular.

10
Shoes. Ornamental knitting, embroidery on wool. Avar work. 1954

У народов, населяющих центральную и северную часть Дагестана: даргинцев, лакцев, аварцев, каратинцев и кумыков издавна производятся гладкие безворсовые двухсторонние ковры. В большинстве случаев их орнаментация состоит из ярких гладких, чередующихся полос. Но иногда, например, в лакском селении Балхар, полосы разрабатываются внутри мелким геометрическим орнаментом. Ткутся ковры на обыкновенных узких горизонтальных станках, но затем сшиваются по длине и употребляются для застилания пола, украшения стен или сушки зерна. Нередко они сшиваются в мешки-хурджины и употребляются для перевозки зерна, кукурузных початков, сушеных фруктов.

11
Ковер-палас. Шерсть, плетение.
Мастер Х. Шаммадаева. Лакцы, с.
Балхар. 1960

Les peuples des parties centrale et septentrionale du Daguestan, les Darguiens, les Lakiens, les Avars, les Karatiniens et les Koumyks, tissent depuis très longtemps des tapis bilatéraux lisses sans poil. Dans la majorité des cas leur ornementation se compose de bandes lisses vives se succédant. Mais parfois, par exemple dans le village lakien de Balkhar, les bandes sont agrémentées à l'intérieur d'un dessin géométrique fin. Les tapis sont tissés sur des métiers horizontaux ordinaires, mais ils sont ensuite cousus ensemble dans le sens de la longueur et utilisés pour couvrir le sol, décorer les murs et comme séchoirs pour le grain. Souvent on les coud en sacs khourdjines et on les utilise pour le transport du grain, des spadices de maïs, des fruits secs.

11
Tapis «p alas». Laine, tressage.
Auteur: Kh. Chammadaïeva. Lakiens,
v. de Balkhar. 1960

The nations of Central and North Daghestan—Darghins, Avars, Laks, Karatins and Kumyks—have long been known for their napless two-sided carpets. More often than not, their ornamentation consisted of bright, even alternating stripes. Yet, on some occasions, for example, in the Lak village of Balkhar, the stripes were further developed inside using a petty geometrical ornament. The carpets were woven first at conventional narrow horizontal looms and then sewn together lengthwise and brought into use as floor covers, murals and grain drying pads. Not infrequently they were sewn together into *khurdjin*-sacks and used for carrying grain, corn-cobs and dried fruit.

11
Mural tapestry. Wool weaving. Made
by Kh. Shammadayeva. Lak work
from the village of Balkhar. 1960

Помимо гладких безворсовых ковров, аварцы, лакцы, даргинцы и кумыки занимаются изготовлением узорных войлочных ковров. Кроме узорных войлоков вваляной техники, наиболее интересные из которых делаются в селении Балхар, широко распространены прорезные узорные войлоки „арбабаш“. Арбабаш изготавливается из нескольких войлоков, окрашенных в различные цвета: черный, белый, красный, серый. Войлок накладывается один на другой и вырезается одновременно по намеченной линии орнамента. Затем войлок одного цвета вшивается в другой и в конечном счете получается несколько арбабашей с одинаковым рисунком, но разного цвета. Шов между узорами закрывается белой тесьмой, которая может быть выткана прямо на шве.

12
Ковер. Шерсть, прорезной и вшитый войлок. Аварцы. 1940--1950

Les Avars, les Lakiens, les Darguiens et les Koumyks fabriquent encore, outre les tapis lisses sans poil, des tapis décoratifs de feutre. Outre les feutres à dessin en feutre incrusté, dont les plus intéressants sont faits à Balkhar, sont également répandus les feutres décoratifs «arbabach». L'arbabach est fait de plusieurs feutres teints de couleurs différentes: noir, blanc, rouge, gris. Les feutres sont placés les uns sur les autres et simultanément découpés le long de la ligne du dessin portée d'avance sur le feutre supérieur. Puis les feutres de différentes couleurs sont cousus les uns aux autres et on obtient en fin de compte plusieurs arbabachs à dessin identique, mais de couleurs différentes. La couture entre les pièces est cachée par un ruban de fil blanc pouvant être tissé directement sur la couture.

12
Tapis. Laine, feutre découpé et cousu. Avars. 1940 --1950

Besides unfigured napless rugs, Avars, Laks, Darghins and Kumyks were engaged in manufacturing felt decorated carpets, including the fulled-in felt rugs, of which the best specimens come from the village of Balkhar, and the widely famous *arbabash* felts. The latter were made up of several felt differently coloured in black, white, red and grey. The felts were piled upon one another and cut along the pre-indicated ornamental line. Then the felts of the same colour were sewn into one another and, in the long last, several *arbabashes* were obtained that had the same design but were differently coloured. The seam between the designs was concealed behind a white tape which might as well be woven just there and then.

12
Rug. Wool, cut-through and sewed-in felt. Avar work. 1940-1950

Узор в большинстве случаев имеет растительный характер, но очертания его всегда сглажены и плавны, а многие элементы очень близки к мотивам рога, столь широко распространенным в войлоках народов Северного Кавказа. По сравнению с гладкими безворсовыми коврами, в войлоках наблюдается больше вариантов расцветки. Нередко встречаются сложные сочетания зеленых, охристых, оранжевых, желтых и других цветов.

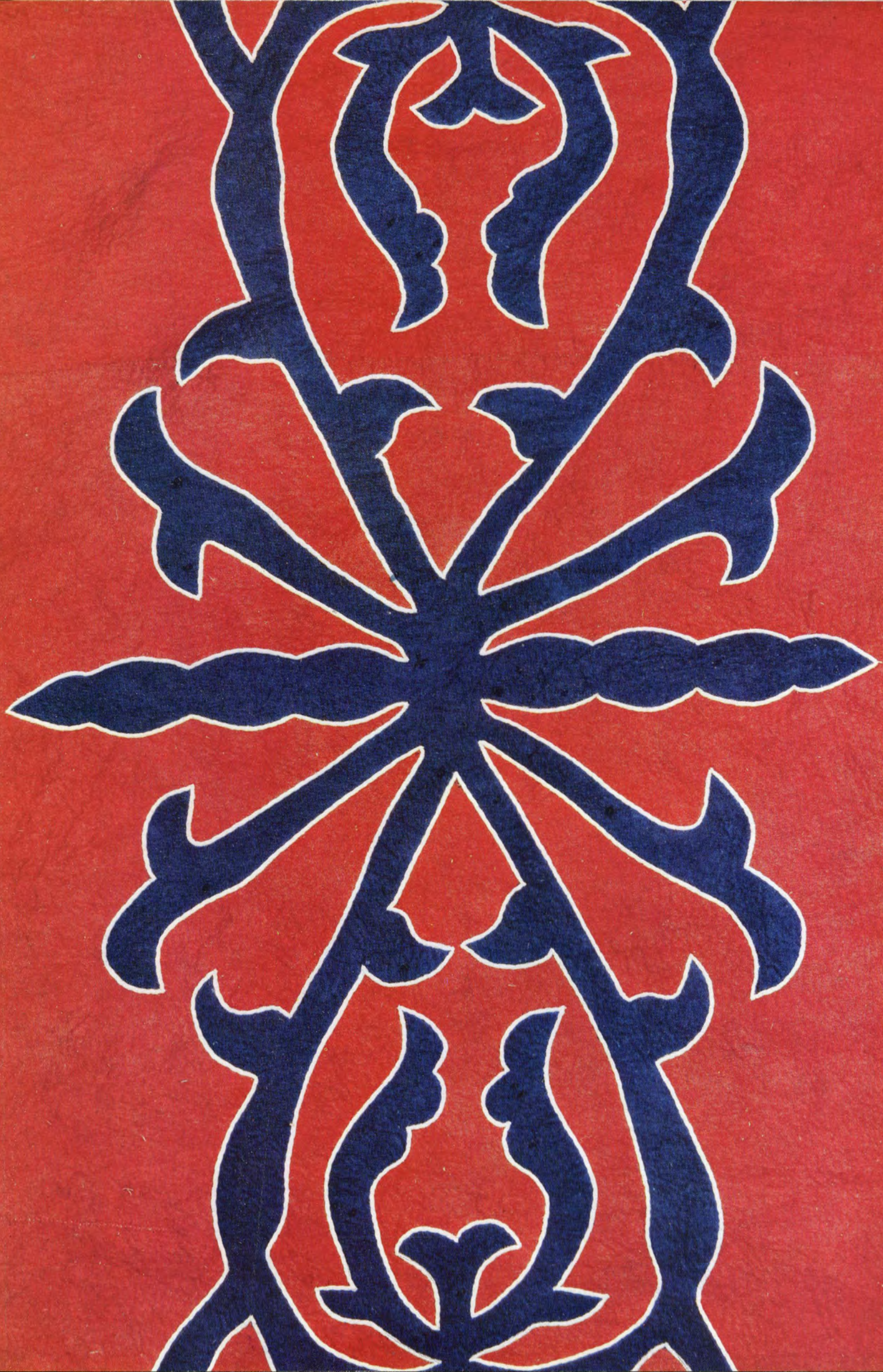
13
Ковер. Шерсть, прорезной и вшитый войлок. Аварцы. 1940–1950. Деталь

Le dessin est dans la majorité des cas végétal, mais les contours sont toujours simples et réguliers et de nombreux éléments rappellent beaucoup les motifs de la corne, si répandus dans les feutres des peuples du Caucase du Nord. Par rapport aux tapis lisses sans poil, les tapis de feutre ont plus de couleurs. On rencontre souvent des combinaisons compliquées de couleurs vertes, ocres, oranges, jaunes etc.

13
Tapis. Laine, feutre découpé et cousu. Avars. 1940–1950. Détail

Ornamental patterns were essentially vegetable in character, with outlines which were always smoothed-over and seemed to be flowing, and with many elements similar to the horn motif, everpresent in the felts of North-Caucasian nations. Compared with smooth napless rugs the felts demonstrated a greater variety of colours and, not infrequently, complex combinations of green, ochre, orange, yellow and other colours.

13
Rug. Wool, cut-through and sewed-in felt. Avar work. 1940–1950. Detail

В центральных и северных аварских и кумыкских районах, выделяются своеобразные циновки „чибта“. Одним из современных центров производства циновок является селение

14
Циновка. Болотная осока, шерсть, плетение. Аварцы, с. Урма. 1940

Dans les régions centrales et septentrionales avares et koumyques, on fabrique d'originales nattes appelées «tchibta». Un des centres modernes de la fabrication des nattes est le village

14
Natte. Laiche de marais, laine, tressage. Avars, v. d'Ourma. 1940

Another item of Daghestan craftsmanship which was usually produced in the central and north Avar and Kumyk areas were original *chibta* mats coming nowadays from a number of *chibta*-

14
Mat. Weaving of woollen and sedge fibres. Avar work from the village of Uрма. 1940

Урма Левашинского района. Эти циновки плетут из тонкой и прочной сушеной болотной травы — осоки, основой служит грубая некрашенная серая шерсть, а для узора используется

15
Циновка. Болотная осока, шерсть, плетение. Аварцы, с. Урма. 1940

d'Ourma du district de Lévacine. Ces nattes sont tressées à partir d'une herbe de marécage fine et solide séchée au préalable, la laïche, de la grosse laine grise non teinte sert de base et du filé

15
Natte. Laïche de marais, laine, tressage. Avars, v. d'Ourma. 1940

producing centres of which the most significant is perhaps the village of Uрма, district of Levashin, where they are made of dried sedge, thin and strong, with the base made out of coarse unpainted

15
Mat. Weaving of woollen and sedge fibres. Avar work from the village of Uрма. 1940

крашеная шерстяная пряжа. Узор состоит из выразительных крупных геометризованных форм, расположенных в зеркальной симметрии. Орнамент состоит из сильно вытянутых

16
Циновка. Болотная осока, шерсть, плетение. Аварцы, с. Урма. 1940

de laine teinté sert à faire l'ornement. Celui-ci se compose de formes géométrisées grandes et expressives réparties symétriquement par rapport à l'axe vertical. Le dessin se compose de tiges

16
Natte. Laiche de marais, laine, tressage. Avars, v. d'Ourma. 1940

grey wool and a décor of painted wool yarn. The decoration consists of expressive geometrical forms arranged in a mirror-like symmetry. The ornament of strongly elongated angular stems

16
Mat. Weaving of woollen and sedge fibres. Avar work from the village of Urma. 1940

угловатых стеблей и имеет черный контур, заполненный малиновым или темно-синим цветом. Строгий рисунок контрастно выделяется на светло-сером золотистом фоне.

17
Цинновка. Болотная осока, шерсть, плетение. Аварцы, с. Урма. 1940

tordues fort allongées et a un contour noir net rempli de couleur framboise ou de bleu foncé. Le dessin sévère contraste avec le fond gris-clair doré. Se rapprochent des nattes avares par le

17
Natte. Laiche de marais, laine, tressage. Avars, v. d'Ourma. 1940

has a black outline filled up with crimson or dark-blue. The austere design stands out in sharp contrast with the light-grey, aureate background.

17
Mat. Weaving of woollen and sedge fibres. Avar work from the village of Urma. 1940

По характеру узора к аварским циновкам близки безворсовые двухсторонние ковры больших размеров — „давагины“. Производится этот вид ковров у многих народностей Дагестана и везде имеет разные названия. Для давагинов или думов (по-кумыкски), так же как

18
Циновка. Болотная осока, шерсть, плетение. Аварцы, с. Урма. 1940. Деталь

dessin les tapis sans poil bilatéraux de grandes dimensions appelés «davaguines». Ces tapis sont tissés par bien des populations du Daguestan et portent des noms innombrables. Les dava-

18
Natte. Laiche de marais, laine, tressage. Avars, v. d'Ourma. 1940. Détail

Close to the Avar *chibtas* by their decoration pattern are napless double-sided large-size carpets. They are *davaghins*, or Dums in Kumyk, though, generally speaking, such carpets are produced

18
Mat. Weaving of woollen and sedge fibres. Avar work from the village of Urma. 1940. Detail

и для большинства ковров аварцев и кумыков, типично большое количество свободного фона синего или темно-голубого цвета, на котором размещаются крупные узоры центральных мотивов ковра.

19
Ковер. Шерсть, гладкое плетение.
Аварцы. 1960

guines ou les doums (en koumyk), comme la majorité des tapis des Avars et des Koumyks, se distinguent par un abondant fond libre, de couleur bleue ou bleu-ciel foncé. Les grands dessins des motifs centraux du tapis sont portés dessus.

19
Tapis. Laine, tressage plat. Avars.
1960

in many areas in Daghestan where they are known under different names. Same as in most carpets of the Avar or Kumyk origin, they have a great deal of free background, blue or dark-blue in colour, to accommodate expansive designs of the carpet's central motifs.

19
Carpet. Wool weaving. Avar work.
1960

Изготавливаются давагины на широких вертикальных станках и часто достигают шести-метровой длины, закрывая две стены жилища. В центральной части ковра komponуется несколько медальонов со сложно изрезанным силуэтом. От ромбовидных медальонов в разные стороны ответвляются многочисленные отростки, очень похожие на длинные вытянутые шеи птиц с завершениями в виде треугольников. У мастериц этот орнаментальный мотив носит название „многочейный дом“. Средняя часть давагина окаймляется широким фризом с геометризованным узором на терракотовом фоне. Контрастные сочетания холодных и теплых тонов, четкий монументальный орнамент и обилие свободного фона служат отличительными декоративными чертами этого типа ковров.

В „думах“, изготавливаемых кумыками в селении Казанищи, фон бывает светло-серый, в селении Кумторкала — черный. Центральные медальоны этих ковров сильно расчленяются внутренней орнаментальной разработкой, но в то же время почти утрачивают „ветви“. Цвет окаймления аналогичен цвету центрального узорного мотива. Рядом с черным или светлым фоном насыщенные тона узора с черной обводкой создают большой декоративный эффект.

20
Ковер. Шерсть, гладкое плетение.
Аварцы. 1960. Деталь

Les davaguines sont fabriqués sur de larges métiers verticaux et atteignent parfois six mètres de long couvrant deux murs de la chambre. Dans la partie centrale du tapis il y a plusieurs médaillons à silhouettes à découpage compliqué. De nombreuses ramifications se détachent des médaillons en losange placés sur les côtés, elles ressemblent fort à de longs cous d'oiseaux se terminant par un triangle. Chez les tapissières ce motif ornemental s'appelle «maison à plusieurs cous». La partie centrale du davaguine est bordée d'une longue frise à dessin géométrique sur fond terre cuite. Les combinaisons contrastantes de tons chauds et froids, l'ornementation monumentale précise et les grands espaces de fond libre sont les traits distinctifs de ce type décoratif de tapis.

Les doums tissés par les Koumyks du village de Kazanitsi ont un fond gris-clair, ceux du village de Koumtorkala, un fond noir. Les médaillons centraux de ces tapis se subdivisent nettement à l'intérieur en unités ornementales plus petites très nettes, mais ils perdent presque totalement leurs ramifications. La couleur de la bordure est identique à celle du motif décoratif central. A côté du fond noir ou clair les tons vifs du dessin à contour noir sont très décoratifs.

20
Tapis. Laine, tressage plat. Avars.
1960. Détail

Davaghins are manufactured on broad vertical machines and, being up to six meter in length, are often big enough to cover two walls in a highlander's home. Central to the carpet arrangement is a pattern of several big medallions with an exquisitely cut outline. Running upwards and downwards from the lozenge-shaped medallions are off-shoots, like the long outstretched birds' necks, bearing triangular caps. Among women carpet-weavers this ornamental motif is known as "many-necked house". In the middle part *davaghins* are enframed with a broad frieze out of a geometrical design fitted over a terra-cotta background. Contrasting combinations of warm and cold colours, a clear-cut monumental ornament and abundance of free background make the original features of this style in decorative carpet-making.

In the *dums* (another carpeting type) made by Kumyks the preferable background colouring is light-grey in the village of Kazanitsi and black in Kumtorkala. The central medallions are sharply dismembered by the internal ornamental patterns but at the same time have no off-shoots. The colour of edging is identical with that of the central decorative motif. Juxtaposed to the black or light background, the rich colours of the ornamentation outlined in black, create a tangible decorative effect.

20
Carpet. Wool weaving. Avar work.
1960. Detail

В аналогичной „думам“ и паласам гладкой технике изготавливаются безворсовые ковры „салмаг“. Для салмагов конца XIX в. характерно узорное, с множеством элементов заполнение длинного прямоугольного поля. По центру поля проходит ряд медальонов с

21
Ковёр безворсовый. Шерсть, гладкое плетение. Лезгины. XIX в.

Une technique lisse analogue à celle des doums et des palas est utilisée pour la fabrication des tapis sans poil «salmag». Les salmags de la fin du XIXe siècles se distinguent par un remplissage décoratif à éléments nombreux du champ rectangulaire allongé. Au centre du champ s'échelonne

21
Tapis sans poil. Laine, tressage plat. Lezgiens. XIXe s.

Executed in the same smooth technique as *dums* or mural tapestry, the napless *salmagh* carpets, especially their late 19th-century specimens, have a surface, long and rectangular in shape, filled with heavy ornamentation out of many decorative elements. A number of medallions with

21
Napless carpet. Smooth wool weaving. Lezgian work. 19th century

внутренней орнаментальной разработкой. Переходным мотивом служат небольшие медальоны с „многочлевыми“ ответвлениями. От центральных розеток также отходят отростки-верточки, иногда заканчивающиеся цветками. Кайма ковра разбивается на ряд квадратов, в которых светлый фон чередуется с темным. Общая цветовая гамма — зелено-вато-серая с коричневыми и синими вкраплениями.

22
Ковер безворсовый. Шерсть, гладкое плетение. Лезгины. XIX в. Деталь

un rang de médaillons ornés de dessins intérieurs. De petits médaillons à ramifications à «nombreux cous» servent de motif transitoire. Des rosettes centrales divergent également des ramures qui se terminent parfois par des fleurs. La bordure du tapis se divise en une série de carrés où les fonds clairs alternent avec les fonds sombres. La gamme générale des couleurs est gris-verdâtre avec des taches brunes et bleues.

22
Tapis sans poil. Laine, tressage plat. Lazguiens. XIXe s. Détail

internal ornamentation cross the centre of the carpet field, while smaller medallions with “many-necked” off-shoots are used as a passing motif. Running out from the central rosettes are also off-shoots—twigs which sometimes bear flowers. The carpet’s edging is broken down into several squares containing a succession of light and dark colours, the general colour gamut being greenish-grey with brown and dark-blue interspersions.

22
Napless carpet. Smooth wool weaving. Lezgian work. 19th century. Detail

Лезгины и кюринцы Касумкентского, Курахского и Хивского районов изготавливают одно-сторонние безворсовые ковры-сумахи. Как правило, сумахами застилают пол и это во многом предопределяет их качество. Размер сумахов велик — один сумах закрывает пол всей комнаты. Сумах очень плотен и не собирает пыли, в то же время он мягкий и пружинистый, поскольку его обратная сторона сплошь покрыта длинными шерстяными нитками, образующими как бы подковровый слой. Это же сообщает сумахам малую теплопроводность — качество, крайне необходимое при земляных и каменных полах дагестанских жилищ старого типа.

23
Ковёр безворсовый „сумах“.
Шерсть, гладкое плетение. Табасаранцы. 1960

Les Lezguiens et les Kuriniens des districts de Kassoumkent, de Koukhar et de Khiv font des tapis unilatéraux sans poil, les soumakhs. En règle générale les soumakhs servent à couvrir le sol, ce qui en détermine pour beaucoup les qualités. Leurs dimensions sont grandes: un soumak sert à recouvrir le sol de toute une pièce. Le soumakh est très dense et n'absorbe pas la poussière, ce qui ne l'empêche pas d'être élastique et moelleux vu que son verso est entièrement couvert de longs fils de laine formant une espèce de sous-tapis. Ces fils confèrent aussi aux soumakhs une faible conductibilité de la chaleur, qualité fort appréciable quand on a des sols de terre battue ou de pierre comme dans les maisons daguestannaises anciennes.

23
Tapis sans poil «soumakh». Laine,
tressage plat. Tabassariens. 1960

The Lezgians and Kyurins from the districts of Kasumkent, Kurakh and Khiv manufacture one-sided napless *sumakh* carpets used, as a rule, for floor carpeting, which could not but have an effect on their characteristics. Thus, *sumakhs* have a great size because one *sumakh* is supposed to provide the floor covering for the whole room; they are very dense to prevent dust absorption but at the same time soft and springy because their back side is totally covered with long woollen threads forming a sort of a sub-carpet layer. This accounts also for *sumakhs*' low heat-conductivity, a vital characteristic, considering the earthen and stone floors of the old-time Daghestan homes.

23
Napless sumakh carpet. Smooth wool
weaving. Tabasaran work. 1960

Наряду с практичностью, сумах отличают высокие декоративные качества. Узор этих ковров всегда очень сложен, строг и геометризован. Центральное поле несет несколько (в зависимости от длины ковра) основных медальонов с переходными мотивами и обрамлено широкой каймой. Графичный узор сумаха во многом предопределяется техникой. Контурность и графичность особенно присущи сумахам лезгин, узоры которых, выполненные из ярко окрашенной шерсти, контрастно вырисовываются на серо-голубом или темно-красном фоне. Общий колорит сумахов по сравнению со всеми другими коврами чрезвычайно насыщен и состоит из синих, серо-голубых, белых, красно-коричневых и красных тонов.

Особую известность ковроткачеству Дагестана далеко за его пределами принесли ворсовые ковры. Они составляют основу ковровых изделий, изготавливаемых в лезгинских, кюринских и табасаранских районах края. Хотя иногда дагестанские ворсовые ковры фигурируют под общим названием „дагестан“ или „дербент“ — среди них различается большое количество видов, отличающихся плотностью и приемами орнаментации. Только в Южном Дагестане насчитывается восемь типов ворсовых ковров.

Les soumakhs sont non seulement pratiques, mais aussi très décoratifs. Le dessin de ces tapis est toujours très compliqué, sévère et géométrisé. Le champ central a plusieurs médaillons (leur nombre dépend de la longueur du tapis) principaux avec des motifs transitoires et est bordé d'une large bordure. Le dessin graphique du soumakh est dû aux fils fixés à la base en forme de sapins entre lesquels on fixe une trame. Les soumakhs des Lezguiens sont particulièrement graphiques et ont des contours nets; leurs dessins sont exécutés avec de la laine teinte en couleurs vives et se détachent nettement sur le fond gris-bleu ou rouge foncé. Le coloris général des soumakhs est beaucoup plus intense que celui des autres tapis et se compose de tons bleus, gris-bleus, blancs, brun-rouges et rouges.

La tapisserie du Daguestan s'est rendue particulièrement célèbre à l'étranger grâce à ses tapis à poil. Ils forment l'essentiel des tapis fabriqués dans les régions lezguiennes, kuriennes et tabassariennes du pays. Bien que parfois les tapis daguestannais à poils figurent sous l'appellation générale «daguestan» ou «dербент», on y distingue de nombreux genres différant par la structure et les procédés d'ornementation. Rien qu'au Daguestan du Sud on compte huit types de tapis à poil.

Practical as they are, *sumakhs* feature also high quality of décor. Their pattern is always complex, terse and geometrical. The central field carries, the carpet length permitting, several principal medallions with passing motifs and broad edging. The *sumakh's* graphical pattern is made up of threads which are woven on the base in a herring-bone array, with a weft passing in-between. The expressive contoural and graphical quality is especially common for the Lezgian *sumakhs* whose pattern of brightly coloured wool provides a contrasting outline over the grey-blue or dark-red background. The general colouring of *sumakhs*, in contrast with all other carpet styles, is extremely rich, being made up of dark-blue, grey-blue, white, brown-red and red.

But it is napped carpets, the chief item of Daghestan tapestry, that gained it special recognition at home, but also far beyond its borders. Coming as they do from Lezgian, Kyurin and Tabasaran areas, the nap carpets are known under the common name of *daghestan* or *derbent* and yet a single term stands for a large variety of carpet types with differing structure and ornamentation techniques. In fact, South Daghestan alone possesses eight different napped carpet types.

24
Ковёр ворсовый. Шерсть. Лезгин. XIX в.

24
Tapis à poil. Laine. Lezguiens. XIXes.

24
Napped carpet. Wool weaving. Lezgian work. 19th century

Технологически ковры различаются по плотности и длине ворса. Обычно ковры с очень высокой плотностью имеют короткий ворс („ахты“, „микрах“) и низкая плотность определяет длинный ворс („тлярата“, „дженгутай“). Но существуют ковры („рушуль“, „казанице“), в которых при большой плотности относительно высокий ворс.

Ковры с коротким ворсом наиболее эластичны и шелковисты, а с возрастанием длины ворса становятся более упругими и жесткими при сгибе.

25
Ковер ворсовый. Шерсть. Лезгинцы. XIX в.

Technologiquement les tapis se distinguent par leur densité et la longueur du poil. D'habitude les tapis denses ont des poils courts («akhty», «mikrakh») et les moins denses des poils longs («tliarata», «djengoutai»). Mais il existe aussi des tapis où la longueur et la densité des poils sont proportionnels («rouchoul», «kazanitsé») et des tapis ayant des poils hauts et une densité relativement grande.

Les tapis à poil court sont les plus élastiques et les plus soyeux, et plus les poils sont longs plus ils deviennent durs et difficiles à plier.

25
Tapis à poil. Laine. Lezguiens. XIXes.

Technologically, the carpets may differ according to the density and length of the nap in terms that dense carpets have usually short nap (*akhty*, *mikrakh*) while low density predetermines long nap (*tlyarata*, *djengutai*). Yet there are some carpet varieties with equal length and density of the nap (*rushul*, *kazanitze*) and some others where a relatively high density goes with high nap.

Short-napped carpets are more plactical and silky, and as the nap length increases the carpets become denser, springy and rigid at the fold.

25
Napped carpet. Wool weaving. Lezgian work. 19th century

Мотивы дагестанских ворсовых ковров создают всеобъемлющее представление о богатстве форм узора, о многочисленности композиционных приемов, о разнообразии колористических решений. Дагестанский ковер можно воспринимать как картину живой природы. В нем можно видеть и весеннее цветение садов, и горы, подернутые дымкой летнего зноя, и осеннее изобилие плодов.

В орнаментальных мотивах можно встретить изображения растений, животных и человека, архитектуры, орудий труда, оружия и предметов обихода. Орнамент и колорит зависят от художественного восприятия горянок, особенностей национальной культуры, быта, окружающей природы.

На мягком синем или вишневом поле ковра как бы рассыпаны: бело-розовые „алмагюль“ — яблоневый цвет, округлые „патнуси“ — подносы с гроздьями винограда, узорные „чанги“ — листья, „кушгюль“ — соловей и роза, многие другие. Орнаментальные формы дополняются такими элементами, как „карчары“ — рога джейрана, „кецер“ — кошки.

В прошлом большое распространение имели узоры „рушуль“, „мекка“, „кааба“ — названия которых говорят о тысячелетнем влиянии религии Ислама. Термины „мекка“, „кааба“ (мечеть), „михраб“ (молитвенная ниша), „лампа“ (лампада-светильник) свидетельствуют, что ковры имели ритуальное, религиозное назначение.

С исчезновением молитвенных ковров эти изобразительные мотивы утратили многие характерные черты, но остались элементы, помогающие организовать композицию, например, колонны „михраба“, подчеркивают вертикальность линии и служат удачным дополнением каймы.

Les motifs des tapis à poil daguestannais donnent une idée complète de la richesse des formes du dessin, de la multitude des procédés de composition, de la variété des combinaisons de couleurs. Le tapis daguestannais est comme un tableau de la nature. On peut y voir la floraison printanière des jardins, les montagnes dans la buée de la chaleur de l'été et l'abondance de fruits de l'automne.

Les motifs décoratifs comprennent des plantes, des animaux et des hommes, des édifices, des outils, des armes, des ustensils ménagers. La forme conférée à ces objets en tant qu'ornements et coloris dépend de la perception esthétique des montagnards, des particularités de la culture nationale, de la vie, de la nature environnante.

Le champ bleu ou cerise moëlleux du tapis semble parsemé de: «almaguls» blanc-roses (fleurs de pommiers), de «patnoussis» ronds (plateau avec grappes de raisin), de «tchanguis» décoratives (feuilles), de «koum-guls» (le rossignol et la rose), etc. Les formes ornementales sont complétées par des éléments tels que les «kartchars» (cornes de chevreuils), les «ketsers» (chats).

Jadis étaient fort répandus les dessins «rouchoul», «mekka», «kaaba» dont les noms reflètent l'influence millénaire de l'Islam. Les termes «mekka» (La Mecque), «kaaba» (mosquée), «mikhrab» (niche à prière), «lamka» (veilleuse-luminaire) prouvent que les tapis avaient eu une signification rituelle religieuse.

Avec la disparition des tapis à prière, ces motifs figuratifs ont perdu bon nombre de leurs traits caractéristiques, mais sont restés en tant qu'éléments permettant d'organiser la composition, par exemple les colonnes du «mikhrab» soulignent la verticalité des lignes et servent de complément réussi à la bordure.

The motifs of Daghestan napped carpets arouse an all-embracing feeling of the multiplicity of decoration forms, diversity of compositional patterns and variety of colour schemes. In this sense, a Daghestan carpet can be viewed as a landscape where by a simple stretch of imagination one can see the blossoming gardens in spring, or the mountains shrouded in the haze of a summer day's heat, or abundance of fruit in the fall.

The customary ornamental motifs include the images of animals, man, architecture, labour tools, arms and domestic utensils. The way in which these objects are rendered through ornamentation and colour range arises from the women-weavers' artistic perception, distinctions of the national culture, domestic life and ambient nature.

As if scattered on the mild-blue or bright red field are the pinkish-white *almagyul* (the apple bloom), rounded *patnusi* (trays with grapes), serrate *changi* (leaves), *kum-gyul* (a nightingale and a rose), and many others. The basic ornamental forms are supplemented by *karchars* (the *jairan's* horns), *ketzer* (cats), etc.

Earlier, the most popular decoration motifs would also include *rushul*, *Mecca*, *Kaaba*—whose names suggest the millennial Islam religious background in these areas. The very terms, such as *Kaaba* (mosque), *mikhrab* (prayer niche), *lamka* (oil-lamp) testify to the ritual, religious purpose of the rugs.

After the prayer-rugs went out of use these ornamental motifs, too, lost quite a few of their characteristics while some others, chiefly with compositional significance proved to have more staying power, one example being the *mikhrab* columns which accentuate the vertical thrust of lines and make a well-chosen adjunct to the edging.

26
Ковер ворсовый. Шерсть. Лезгини. XIX в. Деталь

26
Tapis à poil. Laine. Lezguiens. XIXes.
Détail

26
Napped carpet. Wool weaving.
Lezgian work. 19th century. Detail

В другом варианте можно видеть, как в ворсовом ковре табасаранского типа сохраняются общие очертания „михраба“, но уже без всякого заполнения. Его контур вплетается в расположение медальонов и является переходным мотивом. В ворсовой технике этого ковра нашли отражение орнаментальные мотивы, близкие „многочисленным“ узорам аварских давагинов.

С другой стороны несомненно к южным районам относится происхождение крупных цветков (гвоздик) с внутренней разработкой в виде треугольных фигур (кипарисов). Наряду с формами, претерпевшими большие изменения, сохранились изображения, в которых без труда узнаются фигуры животных: лошадок с солярными розетками, собак, птиц, змей. Изображение змеи, часто находящееся рядом с волнообразными мотивами, увязывается с древним культом воды.

27
Ковер ворсовый. Шерсть. Лезгины.
XIX в.

Dans une autre variante on peut voir comment un tapis à poil de type tabassaranien conserve les contours généraux du «mikhrah», mais sans aucun remplissage. Ses contours s'entrelacent avec les médaillons et servent de motif transitoire. La technique de ce tapis à poil reflète des motifs ornementaux proches des dessins «à plusieurs cous» des davaguines avares.

D'autre part, c'est indéniablement des régions du sud que proviennent les grandes fleurs (œillets) à décoration intérieure au moyen de figures triangulaires (cypresses). A côté de ces formes qui ont connu de grands changements, il en est resté où on distingue aisément des animaux: petits chevaux avec rosettes solaires, chiens, oiseaux, serpents. L'image du serpent, qui voisine souvent avec des motifs onduleux, est à rapprocher de l'antique culte de l'eau.

27
Tapis à poil. Laine. Lezguiens. XIXes.

The general outline of *mikhrah* persists in yet another variety, a napped rug of the Tabasaran type, though without any adjuncts. Its contour is woven into the pattern of medallions as a passing motif. The napped carpet technique reflected ornamental motifs close to the “many-necked” Avar *davaghins*.

On the other hand, there is no doubt that the southern areas were the home of large flowers (carnations) with an internal ornamentation out of triangular forms (cypresses). Along with the forms which underwent a major change, some images still persisted in which animal figures are easily identifiable, like horses with solar rosettes, dogs, birds and snakes. The latter image, often juxtaposed to the wavy motifs, brings to mind the ancient cult of water.

27
Napped carpet. Wool weaving.
Lezgian work. 19th century

В Южном Дагестане особенно распространены ковры типа „сафар-чечне“, „турар-чечне“, „гассан-кала“. Узор ковра „сафар-чечне“ распадается на несколько многоцветных розеток, объединенных промежуточными мотивами. Каждый элемент очерчен несколькими контурами и с четырех стороны из него как бы вырастают „карчары“ — рога джейранов. Вытканые из белой шерстяной пряжи, они контрастно выделяются на темном поле ковра. Между „карчарами“ вкомпонованы фантастические листья „чанги“, включающие маленькие цветки голубых, оранжевых, коричневых и ярко-красных цветов. С центральным полем гармонируют каймы бордюра, число которых колеблется от трех до девяти. Узор их представляют орнаментальные розетки, геометрические или растительные мотивы. Фон ковра бывает разных цветов, но среди них преобладает насыщенно красный и глубокий синий.

28
Ковер ворсовый „сафар-чечне“.
Шерсть. Лезгины. XIX в.

Les tapis les plus répandus au Daguestan du Sud sont ceux des types «safar-tchetchné», «tourar-tchetchné», «gassan-kala». Le dessin des tapis «safar-tchetchné» se divise en plusieurs rosettes multicolores unies par des motifs intermédiaires. Chaque élément a plusieurs contours et des «kartchars» (cornes de chevreuil) en sortent des quatre côtés. Tissés à partir de filés de laine blanche, ils se détachent nettement sur le champ foncé du tapis. Entre les «kartchars» sont introduites les feuilles fantastiques «tchanguis» ayant à l'intérieur de petites fleurs oranges, brunes et rouges vif. Les bordures sont en harmonie avec le champ central, leur nombre varie de trois à neuf. Leur dessin se compose de rosettes florales et de motifs géométriques ou végétaux. Le fond du tapis peut être de couleurs différentes, mais c'est le rouge intense et le bleu profond qui sont es plus fréquents.

28
Tapis à poil «safar-tchetchné». Laine.
Lezguiens. XIXe s.

In South Daghestan emphasis in tapestry is on the carpet types *safar-chechne*, *turar-chechne* *gassan-kala*. The *safar-chechne* carpet has a décor made up of several colourful rosettes linked together with passing motifs. Each element is encompassed by several outlines and has *karchars* (*jairan's* horns) growing from it on its four sides. Woven out of white woollen yarn, they make a contrasting motif over the dark carpet field. Between *karchars* there are inserts of fantastic *changi* leaves, with inclusions of small flowers of light-blue, orange, brown and bright red colours. The central field is in harmony with the border edgings, their number varying from three to nine. Their ornamentation consists of floral rosettes and either geometrical or vegetable motifs. The carpet's background may be executed in a good many colours, with rich red or deep blue as a predominant shade.

28
Safar-chechneh napped carpet. Wool
weaving. Lezgian work. 19th century

Близкий, но имеющий свою специфику тип ковра изготавливается в селении Орта-Стал. Узор „турар-чечне“ (сабля) и „топанча-чечне“ (пистолет) лишь отдаленно напоминает скрещенное оружие, превратившись в причудливые, своеобразно расцвеченные фигуры. Узор располагается на белом с теплым оттенком фоне в виде нескольких медальонов, между которыми разбросаны небольшие геометризванные изображения деревьев, цветов и плодов. Рисунок центрального поля и кайм строится на противопоставлении белого и красно-черного цветов. В современных коврах „топанча“ фон чаще выполняется из красной или синей шерсти.

29
Ковер ворсовый „сафар-чечне“.
Шерсть. Лезгины. XIX в. Деталь

Un type de tapis assez semblable, mais possédant son spécifisme, est tissé au village d'Orta-Stal. Le dessin «tourar-tchetchné» (le sabre) et «topantcha-tchetchné» (le pistolet) ne rappelle que de très loin des armes entrecroisées et s'est transformé en des figures bizarres à coloration originale. Le dessin est sur fond blanc de nuance chaude sous forme de plusieurs médaillons entre lesquels sont dispersées de petites images géométrisées d'arbres, de fleurs et de fruits. Le dessin du champ central et des bordures se fonde sur l'opposition du blanc et du noir rougeâtre. Dans les tapis «topantcha» modernes, le fond est souvent fait en laine rouge ou bleue.

29
Tapis à poil «safar-tchetchné». Laine.
Lezguiens. XIXe s. Détail

Similar but nonetheless specific carpet type is manufactured in the village of Orta-Stal. The patterns of *turar-chechne* (sabre) or *topancha-chechne* (pistol) dimly recall the image of criss-cross arms, having transformed into queer, exquisitely coloured figures. The pattern fits out over the white, warmly tinged, background in a few medallions and trees, flowers and fruit scattered all around between them. The design of the central field and edgings features an interplay of white and reddish-black. Modern *topancha* carpets have the background executed in red or dark-blue wool.

29
Safar-chechneh napped carpet. Wool
weaving. Lezgian work. 19th century.
Detail

Название „табасаран“ носят ковры, изготовленные во многих селениях центральной части Табасаранского района. Одно из интересных решений можно видеть в ворсовом ковре „пляска джигитов“. Длинный вертикальный ковер включает четыре крупных шестиугольных медальона, расположенных по одной оси. Среднее поле заключено в двойную кайму, заполненную мелким узором в виде звезд. Однако особенностью этого ковра, на которую указывает само название, являются схематизированные человеческие фигурки в одной из

30
Ковер ворсовый „пляска джигитов“. Шерсть. Лезгины. Первая пол. XIX в.

Le nom de «tabassaran» est porté par les tapis tissés dans de nombreux villages de la partie centrale de la région Tabassarienne. On peut voir une des compositions intéressantes sur le tapis à poils «Danse des djiguites». Ce long tapis vertical se compose de quatre grands médaillons hexagonaux disposés sur un même axe. Le champ central est entourée d'une double bordure remplie de dessins fins en forme d'étoiles. Mais le trait particulier de ce tapis, comme l'indique son nom, ce sont les figurines humaines schématisées ayant une pose caractéristique de la danse

30
Tapis à poil «Dabse des djiguites». Laine. Lezguiens. Première moitié du XIXe s.

The name of *tabasaran* applies to the carpets produced in the numerous villages of the central portion of the Tabasaran area. An interesting specimen of this style, a napped carpet entitled *Djigits' Dance* (*Djigit* being a Caucasian horsemen), is long, vertical and includes four large hexangular medallions set on the same axis. The central field is inscribed into a double edging filled with diminutive tracery in the form of stars. What sets it aside, however, as a highly original piece of tapestry is, as the name suggests, schematic human figures in one of the characteristic

30
Djigits' Dance napped carpet. Wool weaving. Lezgian work. First half, 19th century

характерных поз горского танца. Несмотря на мелкий масштаб фигурок, они хорошо читаются на глубоком синем фоне центрального поля ковра. Наряду с „пляшущими джигитами“ по полю рассыпаны фигурки всадников, коней, изображения цветов, солярных мотивов. Четкости мелких мотивов в значительной степени помогает однотонная насыщенная цветовая гамма, а также предельная простота крупных геометрических форм. Светлый бордюр, окаймляющий среднюю часть, лишь подчеркивает насыщенность и гармонию основных сине-красных цветов.

31
Ковер ворсовый „пляска джигитов“. Шерсть. Лезгины. Первая пол. XIX в. Деталь

des montagnards. Malgré les dimensions réduites des figurines, elles sont très discernables sur le fond bleu profond du champ central du tapis. Outre les «djiguites dansants», il y a sur le champ des figurines de cavaliers, de chevaux, des images de fleurs, des motifs solaires. La netteté des petits motifs est due pour une grande part à la gamme monotone de couleurs intenses et aussi à la simplicité extrême des grandes formes géométriques. La bordure claire encadrant la partie centrale ne fait que souligner l'intensité et l'harmonie des couleurs bleues et rouges principales.

31
Tapis à poil «Danse des djiguites». Laine. Lezguiens. Première moitié du XIXe s. Détail

poses of the highlanders' dance. Though of a small dimension, the figures are well-read on the deep dark-blue background of the carpet's central portion. Along with the *dancing djigits*, the field is studded with tiny figures of horsemen and horses, together with flower and solar patterns. The clear-cut presentation of petty motifs is made possible by the monotonous rich colour gamut and the striking simplicity of geometrical forms. The light border which runs around the central portion adds emphasis to the richness and harmony of the prevalent red-blue colour scheme.

31
Djigits' Dance napped carpet. Wool weaving. Lezgian work. Detail

В старинных вариантах табасаранских ковров этому в значительной степени способствовали натуральные красители.

32
Ковер ворсовый „джакул“. Шерсть.
1870–1890. Мастер Татима

Cette harmonie était fort favorisée dans les tapis tabassaraniens anciens par l'utilisation de colorants naturels.

32
Tapis à poil «Djakoul». Laine.
1870–1890. Auteur: Tatima

This effect came to its own in the older variations of Tabasaran tapestry through application of natural dyers.

32
Djakul napped carpet. Wool weaving.
1870–1890. Made by Tatima

Весьма распространен в Табасарани и другой тип ворсового ковра „джакул“ (кукла). Орнаментальный мотив в центральном поле этого ковра отдаленно напоминает человеческую фигуру и, возможно, входит в круг изображений антропоморфного характера, нередко встречающихся во всех видах декоративного искусства разных районов Дагестана. В свою очередь центральный узор располагается на фоне светлого, клетчатого орнаментального мотива, по преданию изображающего баранью шкуру. Ковер отличается полной симметричностью по отношению к вертикальной и горизонтальной осям. Интенсивный цвет средней фигуры глубоко проникает в сетчатый фон благодаря сильной изрезанности краев. Глубокие протоки синего цвета позволяют использовать прием взаимопроникновения цветов, несмотря на их контрастность. На большинстве табасаранских ковров „джакул“ колорит строится на темно-красных и синих цветах узора в сочетании с светло-золотистым тоном фона. Черный цвет используется только для обводок. „Джакул“ входит в группу ковров селений долины реки Рубас-Чай, отличающихся особенной яркостью и праздничной нарядностью своих расцветок.

33
Ковер ворсовый „джакул“. Шерсть.
1870–1890. Деталь

Autre type de tapis à poils très répandu en Tabassaranie: le «djakoul» (la poupée). Le motif décoratif du champ central de ce tapis rappelle de loin une figurine humaine et fait peut-être partie des images de caractère anthropomorphique qu'on rencontre souvent dans tous les arts décoratifs de diverses régions du Daguestan. A son tour le dessin central se situe sur le fond d'un motif clair ornemental à carreaux représentant, selon la tradition, une peau de mouton. Le tapis se distingue par sa symétrie totale par rapport aux axes vertical et horizontal. La couleur intense de la figurine centrale pénètre dans le fond en réseau grâce au caractère fortement tailladé des bords. Les longs canaux de couleur bleue permettent d'utiliser le procédé de l'interpénétration des couleurs malgré leur grands contraste. Le coloris de la majorité des tapis tabassariens «Djakoul» se fonde sur les couleurs rouge foncé et bleu du dessin combinées à la couleur gris doré du fond. Le noir n'est utilisé que pour les contours. Le «Djakoul» fait partie du groupe de tapis des villages de la vallée de la Roubas-Tchaï qui se distinguent par leur vivacité et une élégance particulière des couleurs.

33
Tapis à poil «Djakoul». Laine.
1870–1890. Détail

Djakul (doll), one other specimen of the napped carpet variety, is no less popular in Tabasaran. The ornamental motif in the carpets's centre recalls dimly a human figure and derives perhaps from the anthropomorphic variety of art objects represented in good many decorative art forms throughout Daghestan. In turn, the central pattern is set against the background of a light chequered ornamental motif which, as the legend goes, represents a sheep-skin. The carpet is noted for the overall symmetry in relation to the vertical and horizontal axes. The intense colour of the central figures penetrates far into the meshy background by virtue of the edges being deeply serrated. Deep intercurrent of blue permits to take advantage of the mutual penetration of colours, notwithstanding their contrasting shades. In most Tabasaran carpets the colouring consists of dark-red and blue colours in ornamentation set against the light-golden background. Black colour shows up if only in the outlines. *Djakul* enters into the group of carpets from the villages of the Rubas-Chai valley remarkable for their brightness and festal iridescence of colour range.

33
Djakul napped carpet. Wool weaving.
1870–1890. Detail

Принятые сокращения

ГИМ	Гос. Исторический музей Москва.
ГЭ	Гос. Эрмитаж. Ленинград.
МИИ	Дагестанский музей изобразительных искусств. Махачкала.
МИНВ	Гос. музей искусств народов Востока. Москва.
МНИ	Музей народного искусства. Москва.

Abbreviations

MHM	Musée historique d'Etat de Moscou.
EL	L'Ermitage d'Etat de Léningrad.
MBD	Musée des beaux-arts du Daguestan (Makhatchkala).
MBPO	Musée des beaux-arts des peuples d'Orient (Moscou).
MAF	Musée d'art folklorique de Moscou.

Список иллюстраций

Керамика

- 1 Кувшин с профилированным сливом и ручкой
Керамика. III—I тыс. до н. э. ГИМ
 - 2 Лепной кувшин „Поросенок“
Керамика. Лакцы, с. Хури. III—VI вв. МИНВ*
 - 3 Блюдо
Керамика, полива, роспись Лезгинцы, с. Кала. XII—XIII вв.
 - 4 Блюдо
Керамика, оттиск, полива Лезгинцы, с. Испик. XVIII в. МИНВ
 - 5 Блюдо
Керамика, полива, роспись Лезгинцы, с. Испик. XVIII в.
 - 6 Водоносный кувшин
Керамика, полива, роспись Мастер Умасалима Дадашева Лезгинцы, с. Испик. 1950
 - 7 Миска
Керамика, полива, роспись Лезгинцы, с. Испик. 1950
 - 8 Миска
Керамика, полива, роспись Лезгинцы, с. Испик. Нач. XX в.
 - 9 Чаша
Керамика, полива, роспись Лезгинцы, с. Испик. Нач. XX в.
 - 10 Чаша
Керамика, полива, роспись Лезгинцы, с. Испик. Нач. XX в. Собр. А. Власовой и Б. Маркевича
 - 11 Кувшин-водолей
Керамика, красная ангобная роспись Даргинцы, с. Сулевкент. XIX в. Собр. Д. Чиркова
 - 12 Сосуд для бузы
Керамика, красная ангобная роспись Даргинцы, с. Сулевкент. 1960. МИИ
 - 13 Кувшин для сбивания масла
Керамика, красная ангобная роспись Мастер Алишейх Даргинцы. 1960. МИИ
 - 14 Кружка
Керамика, свинцовая полива, тиснение Мастер Алишейх. Даргинцы, с. Сулевкент. 1950*
 - 15 Кружка
Керамика, свинцовая полива, процарапанный узор Даргинцы, с. Сулевкент. 1950*
 - 16 Кувшин-водолей
Задымленная керамика, лощение, красная и белая ангобная роспись, процарапанный узор Лакцы, с. Балхар. Конец XIX в. МИНВ*
 - 17 Кувшин для питья
Задымленная керамика, лощение, напелы, красная и белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. Нач. XX в. МНИ*
 - 18 Кувшин для питья
Задымленная керамика, лощение, красная и белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1950-е гг. МИНВ
 - 19 Водоносный кувшин
Задымленная керамика, лощение, напелы, красная и белая ангобная роспись Мастер Б. Курбанова Лакцы, с. Балхар. 1960. МИНВ
 - 20 Водоносный кувшин
Задымленная керамика, лощение, напелы, красная и белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1960
 - 21 Сосуд для воды с антропоморфным изображением
Керамика, лощение, красная и белая ангобная роспись Мастер А. Умалаева, с. Балхар. 1964*
 - 22 Подойник
Задымленная керамика, лощение, красная и белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1956. МИНВ
 - 23 Кувшин для молока
Задымленная керамика, лощение, красная и белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1963. МИИ
 - 24 Тарелка
Задымленная керамика, красная и белая ангобная роспись Мастер А. Умалаева Лакцы, с. Балхар. 1960 Собр. Д. Чиркова
 - 25 Тарелка
Задымленная керамика, красная и белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1968
 - 26 Тарелка
Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1964
 - 27 Водоносный кувшин
Керамика, белая ангобная роспись Табасаранцы, с. Джули. 1963. МИИ
 - 28 Игрушка „Вьючная лошадь“
Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1957. МИНВ
 - 29 Игрушка „Всадник“
Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1960 Собр. Д. Митлянского
 - 30 Игрушка „Женщина на ослике“
Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1960 Собр. Д. Митлянского
 - 31 Игрушка „Женщина на ослике“
Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1960 Собр. Д. Митлянского
 - 32 Игрушка „Корова“
Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1960 Собр. Д. Митлянского
 - 33 Игрушка „Козлик“
Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1960 Собр. Д. Митлянского*
 - 34 Игрушка „Сидящий горец“
Керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1962 Собр. Д. Митлянского*
 - 35 Игрушка „Птичка“
Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1960-е гг.* Собр. Д. Митлянского
 - 36 Игрушка „Птичка“
Керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1960-е гг.* Собр. Д. Митлянского
 - 37 Игрушка „Птица“
Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1966* Собр. Д. Митлянского
 - 38 Игрушка „Зверь“
Керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1965* Собр. Д. Митлянского
 - 39 Игрушка „Кукла“
Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1966* Собр. Д. Митлянского
 - 40 Игрушка „Кормящая мать“
Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1962* Собр. Д. Митлянского
 - 41 Игрушка „Зверь“
Задымленная керамика, лощение, белая ангобная роспись Лакцы, с. Балхар. 1966* Собр. Д. Митлянского
- Изделия из металла**
- 1 Культовая фигурка
Бронза, литье Конец I тыс. до н. э. ГИМ*
 - 2 Культовая фигурка
Бронза, литье Конец I тыс. до н. э. ГИМ*
 - 3 Пряжка пояса
Бронза, литье II—I тыс. до н. э. ГИМ*
 - 4 Пряжка пояса
Бронза, литье II—I тыс. до н. э. ГИМ*
 - 5 Ритуальный котел
Бронза, литье Даргинцы, с. Кубачи. XVI в. ГЭ
 - 6 Светильник
Бронза, литье Даргинцы, с. Кубачи. XVIII в. МИИ*
 - 7 Светильник
Бронза, литье, гравировка Даргинцы, с. Кубачи. XIX в. МИИ*
 - 8 Поднос
Мель, полуда, чеканка Даргинцы, с. Кубачи. XVIII в. Собр. С. Ханукаева
 - 9 Водоносный кувшин
Латунь, чеканка, клепка Даргинцы, с. Кубачи. XIX в. МНИ
 - 10 Ведерко для хранения продуктов
Латунь, чеканка, клепка Даргинцы, с. Кубачи. XIX в. МНИ
 - 11 Кувшин-водолей „кунне“
Латунь, чеканка, клепка Даргинцы, с. Кубачи. XIX в.
 - 12 Водоносный кувшин формы „чечен“
Мель, полуда, чеканка, гравировка Аварцы, с. Ичичали. 1958. МНИ
 - 13 Водоносный кувшин „эрет“
Мель, полуда, чеканка, гравировка Аварцы, с. Гоцатль. 1958. МНИ
 - 14 Водоносный кувшин „эрет“
Мель, полуда, чеканка, гравировка Аварцы, с. Гоцатль. 1958
 - 15 Кувшин для омовений
Мель, полуда, чеканка, гравировка Аварцы, с. Гоцатль. 1950. МИИ
 - 16 Серьги-колты
Серебро, филигрань, зернь Аварцы. XIX в. Собр. С. Ханукаева*
 - 17 Серьга с подвесками
Серебро, чернь, филигрань, зернь, кораллы Даргинцы, с. Кубачи. XIX в.*
 - 18 Браслет
Серебро, зернь, филигрань, сердолик, бирюза, топаз, коралл Даргинцы, с. Кубачи. XVIII в. МИИ*
 - 19 Нагрудное украшение
Серебро, чернь, филигрань, жемчуг, бирюза Лезгинцы. XIX в. Собр. С. Ханукаева*
 - 20 Застежка с подвесками
Нагрудное украшение Серебро, чернь, филигрань, зернь Даргинцы, с. Кубачи. XIX в. Собр. С. Ханукаева*
 - 21 Подвеска
Нагрудное украшение Серебро, филигрань, зернь, сердолик Аварцы. XIX в. МИНВ*
 - 22 Свадебное платье с нашитыми серебряными украшениями, изготовленными аварскими мастерами
Серебро, чернь, гравировка Лакцы, с. Балхар. Конец XIX в. МИНВ
 - 23 Серьга с птичкой
Серебро, филигрань, зернь Аварцы, с. Гоцатль. XIX в. МИИ*
 - 24 Браслет
Серебро, гнутые, зернь, топаз Даргинцы, с. Кубачи. XIX в. Собр. Д. Чиркова*
 - 25 Браслет
Серебро, гнутые, чернь, гравировка Аварцы, с. Ругуджа. Начало XX в. Собр. Д. Чиркова*
 - 26 Браслет
Серебро, гнутые, зернь, топаз Даргинцы, с. Кубачи. XIX в. Собр. Д. Чиркова*
 - 27 Браслет
Серебро, чернь, гравировка, зернь Мастер Б. Гимбатов Аварцы, с. Гоцатль. 1966. МНИ
 - 28 Браслет
Серебро, чернь, зернь, гравировка, сердолик Аварцы, с. Ругуджа. XIX в. МИНВ*
 - 29 Пряжка пояса женского праздничного костюма
Серебро, позолота, чернь, зернь, гравировка, жемчуг, дымчатый кварц Даргинцы, с. Кубачи. II пол. XIX в. МИНВ*
 - 30 Пряжка пояса женского праздничного костюма
Серебро, позолота, чернь, филигрань, зернь, гравировка, цв. стекло Даргинцы, с. Кубачи. II пол. XIX в. МИИ*
 - 31 Пряжка пояса женского праздничного костюма
Серебро, позолота, чернь, филигрань, зернь, бирюза, цв. стекло Мастер М. Монаев. Даргинцы, с. Кубачи. Нач. XX в. МИНВ
 - 32 Пряжка пояса женского праздничного костюма
Серебро, позолота, чернь, филигрань, зернь, цв. стекло Мастер М. Монаев. Даргинцы, с. Кубачи. Нач. XX в. МИНВ
 - 33 Пояс с пряжкой к праздничному костюму
Серебро, позолота, эмаль, филигрань, зернь, гравировка, чернь, гранат, красный сафьян Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в. МИНВ
 - 34 Пояс к праздничному костюму
Серебро, позолота, филигрань, зернь, бирюза Мастер М. Монаев. Даргинцы, с. Кубачи. Нач. XX в. МИНВ
 - 35 Кинжал и ножны. Клинок „дамасской“ стали
Серебро, чернь, гравировка Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в. Собр. Д. Чиркова*
 - 36 Рукоять кинжала
Серебро, чернь, гравировка Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в. Собр. Д. Чиркова*
 - 37 Ножны
Серебро, чернь, гравировка Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в. Деталь Собр. Д. Чиркова*
 - 38 Ножны
Серебро, чернь, гравировка Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в. Деталь Собр. Д. Чиркова*
 - 39 Кинжал в ножнах
Серебро, чернь, гравировка Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в. Собр. Д. Чиркова
 - 40 Рукоять кинжала
Серебро, чернь, гравировка. Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в. Собр. Д. Чиркова*
 - 41 Ножны
Серебро, чернь, гравировка Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в. Деталь. Собр. Д. Чиркова*
 - 42 Ножны
Серебро, чернь, гравировка Даргинцы, с. Кубачи. Конец XIX в. Деталь. Собр. Д. Чиркова*
 - 43 Пистолет
Серебро, чернь, золотая насечка, гравировка Даргинцы, с. Кубачи. Середина XIX в. ГИМ
 - 44 Пистолет
Серебро, чернь, золотая насечка, гравировка Даргинцы, с. Кубачи. Середина XIX в. ГИМ
 - 45 Кувшин для розовой воды
Серебро, позолота, эмаль, чернь, гравировка Мастер Г.-Б. Магомедов. Даргинцы, с. Кубачи. 1950-е гг.
 - 46 Блюдо для фруктов
Серебро, чернь, позолота, гравировка, просечка Мастер А. Мюллаев. Даргинцы, с. Кубачи. 1956. МНИ

- 47 Туалетная тарелочка
Серебро, чернь, гравировка
Мастер Р. Алиханов. Даргинцы,
с. Кубачи. 1960. МНИ*
- 48 Сахарница в форме котла
Серебро, чернь, позолота, зернь,
глубокая гравировка
Мастер А. Ахмедов. Даргинцы,
с. Кубачи. 1947*
- 49 Сахарница в форме котла
Серебро, чернь, позолота, глубокая
гравировка
Мастер А. Ахмедов. Даргинцы,
с. Кубачи. 1945. МНИ*
- 50 Перечница в форме водоносного
кувшина
Серебро, чернь, позолота, грави-
ровка, зернь
Мастер Г. Кишев. Даргинцы,
с. Кубачи. 1930—1940. МИНВ
- 51 Флакон для духов
Серебро, чернь, позолота, грави-
ровка, прорезная слоновая кость
Мастер Г. Кишев. Даргинцы,
с. Кубачи. 1940. МНИ
- 52 Декоративная вазочка
Серебро, чернь, гравировка
Мастер Р. Алиханов. Даргинцы,
с. Кубачи. 1960. МНИ
- 53 Флакон для духов
Серебро, чернь, глубокая
гравировка
Мастер Г.-Б. Магомедов. Даргинцы,
с. Кубачи. 1960. МНИ
- 54 Кувшин для розовой воды
Серебро, чернь, гравировка, зернь
Мастер М. Джамалутдинов.
Аварцы, с. Гоцатль. 1960. МНИ*
- 55 Застольный рог
Серебро, чернь, гравировка, рог
Мастера Б. Гимбагов и
М. Батыралиев
Аварцы, с. Гоцатль. 1968. МНИ
- 56 Застольный рог
Рог, серебро, чернь, гравировка
Мастера Б. Гимбагов и
М. Батыралиев
Аварцы, с. Гоцатль. 1968. МНИ
- 57 Браслет
Серебро, перегородчатая эмаль
Мастер Г.-Б. Магомедов.
Даргинцы, с. Кубачи. 1960. МНИ*
- 58 Пудреница
Серебро, накладная филигрань,
зернь, позолота
Мастер А. Абдурахманов.
Даргинцы, с. Кубачи. 1965. МНИ*
- 59 Декоративная ваза
в форме водоносного кувшина
Серебро, чернь, гравировка, зернь,
позолота
Мастер А. Абдурахманов.
Даргинцы, с. Кубачи. 1967. МНИ
- 60 Кувшин
Серебро, накладная филигрань,
зернь, позолота
Мастер А. Гаджиламамаев.
Даргинцы, с. Кубачи. 1965. МНИ*
- 61 Винный комплект:
кувшин, поднос, четыре стопки
Серебро, чернь, глубокая
гравировка,
чеканка, оксидировка
Мастер Р. Алиханов, Даргинцы,
с. Кубачи. 1968. МНИ
- 62 Комплект для варенья
Серебро, чернь, глубокая
гравировка, позолота
Даргинцы, с. Кубачи. 1963. МНИ
- 63 Декоративная ваза
Серебро, чернь, глубокая
гравировка
с последующей прочеканкой,
оксидировка
Мастер Г.-Б. Магомедов.
Даргинцы, с. Кубачи. 1969. МНИ*
- 64 Переплет книги
Р. Гамзатова „Мой Дагестан“
Серебро, перегородчатая эмаль
Мастер М. Магомедова
Даргинцы, с. Кубачи. 1969
Собств. М. Магомедовой*
- 65 Декоративная ваза «Юбилейная»
Серебро, чернь,
глубокая гравировка
с последующей прочеканкой,
оксидировка
Мастер Р. Алиханов
Даргинцы, с. Кубачи. 1967. МНИ*
- Резной камень и дерево**
- 1 Ступка с пестиком
Камень, выемчатая резьба
Даргинцы, с. Кубачи. Вторая пол.
XIX в. МНИ*
- 2 Подставка прялки
Камень, выемчатая резьба
Даргинцы, с. Сутбук. Конец XIX в.
ГЭ*
- 3 Ступка для чеснока
Липовое дерево, резьба
Аварцы. Начало XX в.
Собст. Б. Маркевича и
А. Власовой
- 4 Ступка для чеснока
Липовое дерево, резьба
Аварцы. Начало XX в.
Собств. Б. Маркевича и А. Власовой
- 5 Ступка для чеснока
Абрикосовое дерево, резьба
Даргинцы, с. Кица. Конец XIX в.*
- 6 Мерка для муки
Липовое дерево,
плоскостно-выемчатая резьба
Даргинцы, с. Кубачи
Датирована 1354 г. Хиджры
- 7 Трубка для курения
Абрикосовое дерево,
насечка серебром, кость, рог
Аварцы, с. Унцукуль.
1920—1930. МНИ*
- 8 Трубка для курения
Абрикосовое дерево, насечка
серебром,
кость, рог.
Аварцы, с. Унцукуль. 1920—1930*
- 9 Трубка для курения
Абрикосовое дерево, насечка
серебром,
белая и подкрашенная кость, рог
Аварцы, с. Унцукуль.
1920—1930. МНИ*
- 10 Трубка для курения
Абрикосовое дерево, насечка
серебром,
белая и подкрашенная кость, рог
Аварцы, с. Унцукуль. 1920—1930*
- 11 Трубка для курения
Абрикосовое дерево, насечка
серебром,
кость, рог
Аварцы, с. Унцукуль. 1920—1930*
- 12 Трубка для курения
Абрикосовое дерево, насечка
мельхиором,
кость, рог
Аварцы, с. Унцукуль. 1930—1940*
- 13 Трубка для курения
Абрикосовое дерево, насечка
мельхиором,
кость, рог
Аварцы, с. Унцукуль. 1930—1940.
МНИ*
- 13а Трубка для курения
Абрикосовое дерево, насечка
мельхиором, рог
Аварцы, с. Унцукуль. 1930—1940.
МНИ
- 14 Ступка для чеснока
Кизиловое дерево, насечка
мельхиором,
подкрашенная кость
Аварцы, с. Унцукуль. 1968. МНИ*
- 15 Ступка с пестиком для чеснока
Абрикосовое дерево, насечка
мельхиором,
подкрашенная кость. Аварцы,
с. Унцукуль. 1968. МНИ
- 16 Декоративный сосуд
в виде мерки для муки
Абрикосовое дерево, инкрустация,
насечка мельхиором
Аварцы, с. Унцукуль, 1969. МНИ*
- 17 Солонка с инкрустацией
Абрикосовое дерево,
насечка мельхиором, кость
Аварцы, с. Унцукуль. 1969. МНИ*
- 18 Декоративная тарелка с инкруста-
цией
Абрикосовое дерево,
насечка мельхиором, рог
Аварцы, с. Унцукуль. 1969. МНИ
- 19 Декоративное панно „Птица“
Абрикосовое дерево, насечка
мельхиором, рог
Мастер М. Казимагомедов
Аварцы, с. Унцукуль. 1968. МНИ*
- 20 Декоративное панно „Зверь“
Абрикосовое дерево,
насечка мельхиором, кость
Мастер М. Казимагомедов
Аварцы, с. Унцукуль. 1969. МНИ
- 21 Декоративное панно „Зверь“
Абрикосовое дерево,
насечка мельхиором, кость
Мастер М. Казимагомедов
Аварцы, с. Унцукуль. 1969. МНИ
- Ковроделние. Ткачество. Вязание**
- 1 Подушка (лицевая часть)
Вышивка гладью „в прикреп“
по настилу некрученого шелка
Даргинцы. XVIII в. Деталь. МИНВ
- 2 Подушка (лицевая часть)
Вышивка гладью „в прикреп“
по настилу некрученого шелка
Даргинцы. XIX в. МИНВ
- 3 Занавес на нишу. Золотое шитье
Лезгины. Вторая пол. XIX в.
МИНВ
- 4 Наплечная сумка
Шерсть, конопля, смешанная
техника
Табасаранцы, с. Джули. 1940.
Деталь. МИНВ
- 5 Наседельник
Шерсть, конопля, смешанная
техника
Аварцы, с. Кутлаб. 1940. МИНВ
- 6 Наседельник
Шерсть, конопля, смешанная
техника
Аварцы, с. Камелок. 1940. МИНВ
- 7 Обувь
Шитье гладью, золотая нитка, шелк
Лакцы, с. Балхар. 1930. МНИ
- 8 Обувь
Узорное вязание, вышивка
Аварцы. 1950. МНИ
- 9 Носки
Шерсть, узорное вязание
Аварцы. 1967. Собств. Д. Чиркова
- 10 Обувь
Шерсть, узорное вязание, вышивка
Аварцы. 1954
- 11 Ковер-палас
Шерсть, плетение
Мастер Х. Шаммадаева
Лакцы, с. Балхар. 1960. МИНВ
- 12 Ковер
Шерсть, прорезной и вшитый войлок
Аварцы. 1940—1950. МИНВ
- 13 Ковер
Шерсть, прорезной и вшитый войлок
Аварцы. 1940—1950. Деталь
- 14 Циновка
Болотная осока, шерсть, плетение
Аварцы, с. Урма. 1940. МИНВ
- 15 Циновка
Болотная осока, шерсть, плетение
Аварцы, с. Урма. 1940. МНИ
- 16 Циновка
Болотная осока, шерсть, плетение
Аварцы, с. Урма. 1940. МНИ
- 17 Циновка
Болотная осока, шерсть, плетение
Аварцы, с. Урма. 1940. МНИ
- 18 Циновка
Болотная осока, шерсть, плетение
Аварцы, с. Урма. 1940. Деталь
- 19 Ковер
Шерсть, гладкое плетение
Аварцы. 1960. МНИ
- 20 Ковер
Шерсть, гладкое плетение
Аварцы. 1960. Деталь
- 21 Ковер безворсовый
Шерсть, гладкое плетение
Лезгины. XIX в. МНИ
- 22 Ковер безворсовый
Шерсть, гладкое плетение
Лезгины. XIX в. Деталь
- 23 Ковер безворсовый „сумах“
Шерсть, гладкое плетение
Табасаранцы. 1960. МНИ
- 24 Ковер ворсовый
Шерсть
Лезгины. XIX в. ГЭ
- 25 Ковер ворсовый
Шерсть
Лезгины. XIX в. ГЭ
- 26 Ковер ворсовый
Шерсть
Лезгины. XIX в. Деталь
- 27 Ковер ворсовый
Шерсть
Лезгины. XIX в.
- 28 Ковер ворсовый „сафар-чечне“
Шерсть
Лезгины. XIX в. МИНВ
- 29 Ковер ворсовый „сафар-чечне“
Шерсть
Лезгины. XIX в. Деталь
- 30 Ковер ворсовый „пляска джигитов“
Шерсть
Лезгины. Первая пол. XIX в. МНИ
- 31 Ковер ворсовый „пляска джигитов“
Шерсть
Лезгины. Первая пол. XIX в.
Деталь
- 32 Ковер ворсовый „джакул“
Шерсть
1870—1890. Мастер Татима
- 33 Ковер ворсовый „джакул“
Шерсть
1870—1890. Деталь
- * Произведения, помеченные звездочкой,
даны больше натуральной величины.

Planches

Céramique

- 1 Jarre à bec et anse profilés
IIIe–Ier millénaires avant n.è. MHM
- 2 Jarre modelée «Pourceau»
Lakiens, v. de Khouri. IIIe–VIe siècles
de n.è. MAF*
- 3 Plat
Céramique, glaçure, peinture
Lezguiens, v. de Kala.
XIIe–XIIIe siècles de n.è.
- 4 Plat
Céramique, estampillage, glaçure
XVIIIe s. Lezguiens, v. d'Ispik. MBPO
- 5 Plat
Céramique, glaçure, peinture
Lezguiens, v. d'Ispik. XVIIIe s.
- 6 Jarre porte-eau
Céramique, glaçure, peinture
Auteur: Oumassalima Dadachéva
Lezguiens, v. d'Ispik. 1950
- 7 Terrine
Céramique, glaçure, peinture
Lezguiens, v. d'Ispik. 1950
- 8 Terrine
Céramique, glaçure, peinture
Lezguiens, v. d'Ispik. Début du XXe s.
- 9 Coupe
Céramique, glaçure, peinture
Lezguiens, v. d'Ispik. Début du XXe s.
- 10 Coupe
Céramique, glaçure, peinture
Lezguiens, v. d'Ispik. Début du XXe s.
Coll. A. Vlassova et B. Markévitch
- 11 Pichet versoir à eau
Céramique, peinture à engobe rouge
Darguiens, v. de Soulevkent. XIXe s.
Coll. D. Tchirkov
- 12 Récipient pour la bouza
Céramique, peinture à engobe rouge
Darguiens, v. de Soulevkent. 1960.
MBD
- 13 Jarre pour le battage du beurre
Céramique, peinture à engobe rouge
Auteur: Alicheikh
Darguiens. 1960. MBD
- 14 Bol
Céramique, glaçure à plomb,
estampillage
Auteur: Alicheikh
Darguiens, v. de Soulevkent. 1950*
- 15 Bol
Céramique, glaçure à plomb, dessin
gratté
Darguiens, v. de Soulevkent. 1950*
- 16 Pichet versoir à eau
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe rouge et blanche, dessin gratté
Lakiens, v. de Balkhar. Fin du XIXe s.
MBPO*
- 17 Pichet à boire
Céramique enfumée, lustrage, mode-
lages, peinture à engobe rouge et
blanche
Lakiens, v. de Balkhar. Début du
XXe s. MAF*
- 18 Pichet à boire
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe rouge et blanche
Lakiens, v. de Balkhar. Années 1950.
MBPO
- 19 Jarre porte-eau
Céramique enfumée, lustrage, mode-
lages, peinture à engobe rouge et
blanche
Auteur: B. Kourbanova
Lakiens, v. de Balkhar. 1960. MBPO
- 20 Jarre porte-eau
Céramique enfumée, lustrage, mode-
lages, peinture à engobe rouge et
blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1960
- 21 Récipient à eau à motif
anthropomorphique
Céramique, lustrage, peinture à engobe
rouge et blanche, modelages
Auteur: A. Oumalaléva
v. de Balkhar. 1964*
- 22 Saut à traire
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe rouge et blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1956. MBPO
- 23 Jarre à lait
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe rouge et blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1963. MBD
- 24 Assiette
Céramique enfumée, peinture à engobe
rouge et blanche
Auteur: A. Oumalaléva
Lakiens, v. de Balkhar. 1960
Coll. D. Tchirkov
- 25 Assiette
Céramique enfumée, peinture à engobe
rouge et blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1968
- 26 Assiette
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1964
- 27 Jarre porte-eau
Céramique, peinture à engobe blanche
Tabassaraniens, v. de Djouli. 1963.
MBD
- 28 «Cheval de somme» (jouet)
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1957. MBPO
- 29 «Cavalier» (jouet)
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1960
Coll. D. Mitlianski
- 30 «Femme à dos d'âne» (jouet)
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1960
Coll. D. Mitlianski
- 31 «Femme à dos d'âne» (jouet)
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1960
Coll. D. Mitlianski
- 32 «Vache» (jouet)
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1960
Coll. D. Mitlianski
- 33 «Cabri» (jouet)
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1960
Coll. D. Mitlianski*
- 34 «Montagnard assis» (jouet)
Céramique, lustrage, peinture à engobe
blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1962
Coll. D. Mitlianski*
- 35 «Oiselet» (jouet)
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe blanche
Lakiens, v. de Balkhar. Années 1960
Coll. D. Mitlianski*
- 36 «Oiselet» (jouet)
Céramique, lustrage, peinture à engobe
blanche
Lakiens, v. de Balkhar. Années 1960
Coll. D. Mitlianski*
- 37 «Oiseau» (jouet)
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1966
Coll. D. Mitlianski*
- 38 «Animal» (jouet)
Céramique, lustrage, peinture à engobe
blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1965
Coll. D. Mitlianski*
- 39 «Poupée» (jouet)
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1966
Coll. D. Mitlianski*
- 40 «Mère allaitant» (jouet)
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1962
Coll. D. Mitlianski*
- 41 «Animal» (jouet)
Céramique enfumée, lustrage, peinture
à engobe blanche
Lakiens, v. de Balkhar. 1966
Coll. D. Mitlianski*

Métaux

- 1 Figurine de culte
Bronze, coulage
Fin du Ier millénaire avant n.è. MHM*
- 2 Figurine de culte
Bronze, coulage
Fin du Ier millénaire avant n.è. MHM*
- 3 Boucle de ceinture
Bronze, coulage.
IIe–Ier millénaires avant n.è. MHM*
- 4 Boucle de ceinture
Bronze, coulage
IIe–Ier millénaires avant n.è. MHM*
- 5 Chaudron rituel
Bronze, coulage
Darguiens, v. de Koubatchi.
XVIe s. EL
- 6 Lampe
Bronze, coulage
Darguiens, v. de Koubatchi.
XVIIIe s. MBD
- 7 Lampe
Bronze, coulage, gravure
Darguiens, v. de Koubatchi.
XIXe s. MBD*
- 8 Plateau
Cuivre, étamage, bosselage
Darguiens, v. de Koubatchi. XVIIIe s.
Coll. S. Khanoukaïev
- 9 Jarre porte-eau
Laiton, bosselage, rivetage
Darguiens, v. de Koubatchi. XIXe s.
MAF
- 10 Petit seau pour la conservation des
aliments
Laiton, bosselage, rivetage
Darguiens, v. de Koubatchi. XIXe s.
MAF
- 11 Broc versoir à eau «kounné»
Laiton, bosselage, rivetage
Darguiens, v. de Koubatchi. XIXe s.
- 12 Jarre porte-eau du type «tchéchen»
Cuivre, étamage, bosselage, gravure
Avars, v. d'Ichtichali. 1958. MAF
- 13 Jarre porte-eau «éret»
Cuivre, étamage, bosselage, gravure
Avars, v. de Gotsatl. 1958. MAF
- 14 Jarre porte-eau «éret»
Cuivre, étamage, bosselage, gravure
Avars, v. de Gotsatl. 1958. MAF
- 15 Broc pour les ablutions
Cuivre, étamage, bosselage, gravure
Avars, v. de Gotsatl. 1950. MBD
- 16 Boucles d'oreille breloques
Argent, filigrane, grain
Avars. XIXe s.
Coll. S. Khanoukaïev*
- 17 Boucles d'oreille à pendentifs
Argent, nielle, filigrane, grain, coraux
Darguiens, v. de Koubatchi. XIXe s.*
- 18 Brasselet
Argent, grain, filigrane, cornaline,
turquoise, topaze, corail
Darguiens, v. de Koubatchi. XVIIIe s.
MBD*
- 19 Ornement pour la poitrine
Argent, nielle, filigrane, perles,
turquoise
Lezguiens. XIXe s.
Coll. S. Khanoukaïev*
- 20 Ornement pour la poitrine: agrafe à
pendentifs
Argent, nielle, filigrane, grain
Darguiens, v. de Koubatchi. XIXe s.
Coll. S. Khanoukaïev*
- 21 Ornement pour la poitrine: pendentif
Argent, filigrane, grain, cornaline
Avars. XIXe s. MBPO
- 22 Robe de mariage avec ornements en
argent de fabrication avar
Argent, nielle, gravure
Lakiens, v. de Balkhar. Fin du XIXe s.
MBPO
- 23 Boucle d'oreille avec oiseau
Argent, filigrane, grain
Avars, v. de Gotsatl. XIXe s. MBD*
- 24 Brasselet
Argent, pliage, grain, topaze
Darguiens, v. de Koubatchi. XIXe s.*
- 25 Brasselet
Argent, pliage, nielle, gravure
Avars, v. de Rougoudja. Début du
XXe s.*
- 26 Brasselet
Argent, pliage, grain, topaze
Darguiens, v. de Koubatchi, XIXe s.*
- 27 Brasselet
Argent, nielle, gravure, grain
Auteur B. Guimbatov
Avars, v. de Gotsatl. 1966. MAF
- 28 Brasselet
Argent, nielle, grain, gravure, cornaline
Avars, v. de Rougoudja. XIXe s.
MBPO*
- 29 Boucle de ceinture pour costume de
fête féminin
Argent, dorure, nielle, grain, gravure,
perles, quartz enfumé
Darguiens, v. de Koubatchi
Deuxième moitié du XIXe s. MBPO*
- 30 Boucle de ceinture de costume de fête
féminin
Argent, dorure, nielle, filigrane, grain,
gravure, verre de couleur
Darguiens, v. de Koubatchi
Deuxième moitié du XIXe s. MBD*
- 31 Boucle de ceinture de costume de fête
féminin
Argent, dorure, grain, filigrane, nielle,
turquoise, verre de couleur
Auteur: M. Monaïev. MBPO
Darguiens, v. de Koubatchi. Début du
XXe s.
- 32 Boucle de ceinture de costume de fête
féminin
Argent, dorure, nielle, filigrane, grain,
verre de couleur
Darguiens, v. de Koubatchi. Début du
XXe s.
Auteur: M. Monaïev. MBPO
- 33 Ceinture à boucle pour costume de fête
Argent, dorure, émail, filigrane, grain,
gravure, nielle, grenat, maroquin rouge
Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du
XIXe s. MBPO
- 34 Ceinture pour costume de fête
Argent, dorure, filigrane, grain,
turquoise
Auteur: M. Monaïev
Darguiens, v. de Koubatchi. Début du
XXe s. Détail. MBPO*
- 35 Poignard avec fourreau. Fer «acier de
Damas»
Argent, nielle, gravure
Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du
XIXe s. Coll. de Tchirkov
- 36 Poignée de poignard
Argent, nielle, gravure
Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du
XIXe s. Coll. de Tchirkov*
- 37 Fourreau
Argent, nielle, gravure
Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du
XIXe s. Détail. Coll. de Tchirkov*
- 38 Fourreau
Argent, nielle, gravure
Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du
XIXe s. Détail. Coll. de Tchirkov*
- 39 Poignard dans son fourreau
Argent, nielle, gravure
Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du
XIXe s. Coll. de Tchirkov
- 40 Poignée de poignard
Argent, nielle, gravure
Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du
XIXe s. Coll. de Tchirkov*
- 41 Fourreau
Argent, nielle, gravure
Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du
XIXe s. Détail. Coll. de Tchirkov*
- 42 Fourreau
Argent, nielle, gravure
Darguiens, v. de Koubatchi. Fin du
XIXe s. Détail. Coll. de Tchirkov*
- 43 Pistolet
Argent, nielle, incision à l'or, gravure
Darguiens, v. de Koubatchi. Milieu du
XIXe s. MHM
- 44 Pistolet
Argent, nielle, incision à l'or, gravure
Darguiens, v. de Koubatchi. Milieu du
XIXe s. MHM
- 45 Broc pour eau de rose
Argent, dorure, émail, nielle, gravure
Auteur: G.-B. Magomédiv
Darguiens, v. de Koubatchi.
Années 1950*
- 46 Plat pour les fruits
Argent, nielle, dorure, gravure,
entailles
Auteur: A. Mullaïev
Darguiens, v. de Koubatchi. 1956
MAF
- 47 Petite assiette de toilette
Argent, nielle, gravure
Auteur: R. Alikhanov
Darguiens, v. de Koubatchi. 1960
MAF*

- 48 Sucrère en forme de chaudron
Argent, nielle, dorure, grain, gravure
profonde
Auteur: A. Akhmedov
Darguiens, v. de Koubatchi. 1947*
- 49 Sucrère en forme de chaudron
Argent, nielle, dorure, gravure
profonde
Auteur: A. Akhmedov
Darguiens, v. de Koubatchi. 1945
MAF*
- 50 Poivrier en forme de jarre porte-cau
Argent, nielle, dorure, gravure, grain
Auteur: G. Kiehev
Darguiens, v. de Koubatchi. Années
1930—1940. MBPO
- 51 Flacon pour parfums
Argent, nielle, dorure, gravure, ivoire
ajouré
Auteur: G. Kiehev
Darguiens, v. de Koubatchi. 1940
MAF
- 52 Petit vase décoratif
Argent, nielle, gravure
Auteur: R. Alikhanov
Darguiens, v. de Koubatchi. 1960
MAF
- 53 Flacon pour parfums.
Argent, nielle, gravure profonde
Auteur: G.-B. Magomédiv
Darguiens, v. de Koubatchi. 1960. MAF
- 54 Broc pour eau de rose
Argent, nielle, gravure, grain
Auteur: M. Djamaloutdinov
Avars, v. de Gotsatl. 1960. MAF*
- 55 Corne à boire
Corne, argent, nielle, gravure
Auteurs: B. Guimbatov et
M. Batyraliev
Avars, v. de Gotsatl. 1968. MBD
- 56 Corne à boire
Corne, argent, nielle, gravure
Auteurs: B. Guimbatov et
M. Batyraliev
Avars, v. de Gotsatl. 1968. MBD
- 57 Brasselet
Argent, émail cloisonné
Auteur: G.-B. Magomédiv
Darguiens, v. de Koubatchi. 1960
MBD*
- 58 Boîte à poudre
Argent, filigrane surimposé, grain,
dorure
Auteur: A. Abdourakhmanov
Darguiens, v. de Koubatchi. 1965
MBD*
- 59 Vase décoratif en forme de jarre
porte-eau
Argent, nielle, gravure, grain, dorure
Auteur: A. Abdourakhmanov
Darguiens, v. de Koubatchi. 1967
MBD
- 60 Broc
Argent, filigrane surimposé, grain,
dorure
Auteur: A. Gadjilamamaiev
Darguiens, v. de Koubatchi. 1965
MBD*
- 61 Service à vin: broc, plateau, quatre
verres
Argent, nielle, gravure profonde,
bosselage, oxydation
Auteur: R. Alikhanov
Darguiens, v. de Koubatchi. 1968
MBD
- 62 Service à confiture
Argent, nielle, gravure profonde,
dorure
Darguiens, v. de Koubatchi. 1963
MBD
- 63 Vase décoratif
Argent, nielle, gravure profonde avec
bosselage consécutif des lignes,
oxydation
Auteur: G.-B. Magomédiv
Darguiens, v. de Koubatchi. 1969
MBD*
- 64 Reliure du livre de R. Gamzatov
« Mon Daguestan »
Argent, émail cloisonné
Auteur: M. Magomédiva
Darguiens, v. de Koubatchi. 1969
Appartient à M. Magomédiva*
- 65 Vase décoratif d'anniversaire
Argent, nielle, gravure profonde avec
bosselage consécutif des lignes,
oxydation
Auteur: R. Alikhanov
Darguiens, v. de Koubatchi. 1967
MAF*
- Pierre et bois tailles**
- 1 Mortier avec pilon
Pierre, taille en creux
Darguiens, v. de Koubatchi. Deuxième
moitié du XIXe s. MBD*
- 2 Support de rouet
Pierre, taille en creux
Darguiens, v. Southouk
Fin du XIXe s. EL*
- 3 Mortier pour ail
Tilleul, taille
Avars. Début du XXe s.
Coll. B. Markévitch et A. Vlassova
- 4 Mortier pour ail
Tilleul, taille
Avars. Début du XXe s.
Coll. B. Markévitch et A. Vlassova
- 5 Mortier pour ail
Abricotier, taille
Darguiens, v. de Kichtcha
Fin du XIXe s.*
- 6 Mesure pour la farine
Tilleul, taille à plat et en creux
Darguiens, v. de Koubatchi. Daté de
l'an 1354 de l'ère musulmane
- 7 Pipe
Abricotier, incision à l'argent, corne,
os
Avars, v. d'Ountsoukoul. Années
1920—30. MBD*
- 8 Pipe
Abricotier, incision à l'argent, corne, os
Avars, v. d'Ountsoukoul. Années
1920—30. MBD*
- 9 Pipe
Abricotier, incision à l'argent, os blanc
et teinté, corne
Avars, v. d'Ountsoukoul. Années
1920—30. MBD*
- 10 Pipe
Abricotier, incision à l'argent, os blanc
et teinté, corne
Avars, v. d'Ountsoukoul. Années
1920—30. MBD*
- 11 Pipe
Abricotier, incision à l'argent, os,
corne
Avars, v. d'Ountsoukoul. Années
1920—30. MBD*
- 12 Pipe
Abricotier, incision au melchior, os,
corne
Avars, v. d'Ountsoukoul. Années
1930—40. MBD*
- 13 Pipe
Abricotier, incision au melchior, os,
corne
Avars, v. d'Ountsoukoul. Années
1930—40. MBD*
- 13^a Pipe
Abricotier, incision au melchior, os,
corne
Avars, v. d'Ountsoukoul. Années
1930—40. MBD*
- 14 Mortier pour ail
Cornouiller, incision au melchior, os
teinté
Avars, v. d'Ountsoukoul. 1968
MBD*
- 15 Mortier pour ail avec pilon
Abricotier, incision au melchior, os
teinté
Avars, v. d'Ountsoukoul. 1968. MBD
- 16 Récipient en forme de mesure pour la
farine
Abricotier, incrustation, incision au
melchior
Avars, v. d'Ountsoukoul. 1969. MBD*
- 17 Salière avec incrustation
Abricotier, incision au melchior, os
Avars, v. d'Ountsoukoul. 1969. MBD*
- 18 Assiette décorative avec incrustation
Abricotier, incision au melchior, corne
Avars, v. d'Ountsoukoul. 1969. MBD
- 19 Panneau décoratif « Oiseau »
Abricotier, incision au melchior, corne
Auteur: M. Kazimagomédiv
Avars, v. d'Ountsoukoul. 1968. MBD*
- 20 Panneau décoratif « Animal »
Abricotier, incision au melchior, os
Auteur: M. Kazimagomédiv
Avars, v. d'Ountsoukoul. 1969. MBD
- 21 Panneau décoratif « Animal »
Abricotier, incision au melchior, os
Auteur: M. Kazimagomédiv
Avars, v. d'Ountsoukoul. 1969. MBD
- Tapiserie. Tissage. Tricotage.**
- 1 Coussin (recto)
Broderie plate « à fixation » sur
support de soie non torse
Darguiens. XVIIIe s. MBPO. Détail
- 2 Coussin (recto)
Broderie plate « à fixation » sur
support de soie non torse
Darguiens. XIXe s. MBPO
- 3 Rideau de niche
Broderie or
Lezguiens. Deuxième moitié du XIXe s.
MBPO
- 4 Sac d'épaulé
Laine, chanvre, technique mélangée
Tabassariens, v. de Djouli. 1940
MBPO. Détail
- 5 Dossier
Laine, chanvre, technique mélangée
Avars, v. de Koutlab. 1940. MBPO
- 6 Dossier
Laine, chanvre, technique mélangée
Avars, v. de Kamélioukh. 1940. MBPO
- 7 Chaussures
Broderie plate, fil d'or, soie
Lakiens, v. de Balkhar. 1930. MAF
- 8 Chaussures
Tricotage décoratif, broderie
Avars. 1950. MAF
- 9 Chaussettes
Laine, tricotage décoratif
Avars. 1967. Coll. de Tchirkov
- 10 Chaussures
Laine, tricotage décoratif, broderie
Avars. 1954. MAF
- 11 Tapis « palas »
Laine, tissage
Auteur: Kh. Chammadaïeva
Lakiens, v. de Balkhar. 1960. MBPO
- 12 Tapis
Laine, feutre découpé et cousu
Avars. 1940—1950. MBD
- 13 Tapis
Laine, feutre découpé et cousu
Avars. 1940—1950. Détail
- 14 Natte
Laiche de marais, laine, tissage
Avars, v. d'Ourma. 1940. MBPO
- 15 Natte
Laiche de marais, laine, tissage
Avars, v. d'Ourma. 1940. MBD
- 16 Natte
Laiche de marais, laine, tissage
Avars, v. d'Ourma. 1940. MBD
- 17 Natte
Laiche de marais, laine, tissage
Avars, v. d'Ourma. 1940. MBD
- 18 Natte
Laiche de marais, laine, tissage
Avars, v. d'Ourma. 1940. MBD
- 19 Tapis
Laine, tissage plat
Avars. 1960. MBD
- 20 Tapis
Laine, tissage plat
Avars. 1960. Détail
- 21 Tapis sans poil
Laine, tissage plat
Lezguiens. XIXe s. MAF
- 22 Tapis sans poil
Laine, tissage plat
Lezguiens. XIXe s. Détail
- 23 Tapis sans poil « soumakh »
Laine, tissage plat
Tabassariens. 1960. MBD
- 24 Tapis à poil
Laine
Lezguiens. XIXe s. EL
- 25 Tapis à poil
Laine
Lezguiens. XIXe s. EL
- 26 Tapis à poil
Laine
Lezguiens. XIXe s. Détail
- 27 Tapis à poil
Laine
Lezguiens. XIXe s.
- 28 Tapis à poil « safar-tchetchné »
Laine
Lezguiens. XIXe s. MBPO
- 29 Tapis à poil « safar-tchetchné »
Laine
Lezguiens. XIXe s. Détail
- 30 Tapis à poil « Danse des djiguites »
Laine
Lezguiens. Première moitié du XIXe s.
MAF
- 31 Tapis à poil « Danse des djiguites »
Laine
Lezguiens. Première moitié du XIXe s.
Détail
- 32 Tapis à poil « Djakoul »
Laine
1870—1890. Auteur: Tatima
- 33 Tapis à poil « Djakoul »
Laine
1870—1890. Détail

* Les planches marquées d'un astérisque
sont agrandies par rapport à l'original

Illustrations

- Ceramics**
- 1 Earthenware jug with a protruding lip and a handle
3000-1000 B.C.
Museum of History, Moscow
 - 2 "Piglet" moulded jug
Lak work from the village of Khuri
3rd-6th century A.D.
Museum of Oriental Arts, Moscow*
 - 3 Dish
Painted earthenware with glaze.
Lezgian work from the village of Kala
12th-13th century A.D.
 - 4 Dish
Glazed earthenware with stamped decoration
Lezgian work from the village of Ispik. 18th century
Museum of Oriental Arts, Moscow
 - 5 Dish
Painted earthenware with glaze
Lezgian work from the village of Ispik
18th century
 - 6 Water-carrier
Painted earthenware with glaze
Made by Umusalima Dadasheva.
Lezgian work from the village of Ispik
1950
 - 7 Basin
Painted earthenware with glaze
Lezgian work from the village of Ispik
1950
 - 8 Basin
Painted earthenware with glaze
Lezgian work from the village of Ispik
Early 20th century
 - 9 Bowl
Painted earthenware with glaze
Lezgian work from the village of Ispik
Early 20th century
 - 10 Bowl
Painted earthenware with glaze
Lezgian work from the village of Ispik
Early 20th century
Coll. A. Vlasova and B. Markevich,
Moscow
 - 11 Ewer
Red slipware, ceramics
Darghin work from the village of
Sulevkent. 19th century
Coll. D. Chirkov
 - 12 *Busa* vessel
Red slipware
Darghin work from the village of
Sulevkent. 1960
Daghestan Museum of Fine Arts,
Makhachkala
 - 13 Churner-pitcher
Red slipware
Made by Ali-sheikh
Darghin work from the village of
Sulevkent. 1960
Daghestan Museum of Fine Arts,
Makhachkala
 - 14 Tankard
Lead glazeware with stamped
decoration
Made by Ali-sheikh
Darghin work from the village of
Sulevkent. 1950*
 - 15 Tankard
Lead glazeware with a scratched
pattern
Darghin work from the village of
Sulevkent. 1950*
 - 16 Ewer
Fumed and polished red-and-white
slipware with a scratched pattern
Lak work from the village of Balkhar.
Late 19th century
Museum of Oriental Arts, Moscow*
 - 17 Jug
Fumed and polished red-and-white
slipware with applied ornament
Lak work from the village of Balkhar.
Early 20th century
Museum of Folk Art, Moscow*
 - 18 Jug
Fumed and polished red-and-white
slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1950s
Museum of Oriental Arts, Moscow
 - 19 Water-carrier
Fumed and polished red-and-white
slipware with applied ornament
Made by B. Kurbanova
Lak work from the village of Balkhar.
1960
Museum of Oriental Arts, Moscow
 - 20 Water-carrier
Fumed and polished red-and-white
slipware with applied ornament
Lak work from the village of Balkhar.
1960
 - 21 Water vessel with a human motif
Polished red-and-white slipware with
applied ornament
Made by A. Umalyeva
Lak work from the village of Balkhar.
1964*
 - 22 Milk pail
Fumed and polished red-and-white
slipware
Lak work from the village of Balkhar
1956
Museum of Oriental Arts, Moscow
 - 23 Milk jug
Fumed and polished red-and-white
slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1963
Daghestan Museum of Fine Arts,
Makhachkala
 - 24 Plate
Fumed red-and-white slipware
Made by A. Umalyeva
 - Lak work from the village of Balkhar.
1960
Coll. D. Chirkov, Moscow
 - 25 Plate
Fumed red-and-white slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1968
 - 26 Plate
Fumed and polished red-and-white
slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1964
 - 27 Water-carrier
White slipware
Tabasaran work from the village of
Djuli. 1963
Daghestan Museum of Fine Arts,
Makhachkala
 - 28 Pack Horse, a toy
Fumed and polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar
Museum of Oriental Arts, Moscow
 - 29 Rider, a toy
Fumed and polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1960
Coll. D. Mitlyansky, Moscow
 - 30 Woman Riding a Donkey, a toy
Fumed and polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1960
Coll. D. Mitlyansky, Moscow
 - 31 Woman Riding a Donkey, a toy
Fumed and polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1960
Coll. D. Mitlyansky, Moscow
 - 32 Cow, a toy
Fumed and polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1960
Coll. D. Mitlyansky, Moscow
 - 33 Kid, a toy
Fumed and polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1960
Coll. D. Mitlyansky, Moscow*
 - 34 Highlander Seated, a toy
Polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1962
Coll. D. Mitlyansky, Moscow*
 - 35 Bird, a toy
Fumed and polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1960s
Coll. D. Mitlyansky, Moscow*
 - 36 Bird, a toy
Polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1960s
Coll. D. Mitlyansky, Moscow*
 - 37 Bird, a toy
Fumed and polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar
Coll. D. Mitlyansky, Moscow*
 - 38 Beast, a toy
Polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1965
Coll. D. Mitlyansky, Moscow*
 - 39 Doll, a toy
Fumed and polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1966
Coll. D. Mitlyansky, Moscow*
 - 40 Nursing Mother, a toy
Polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar.
1962
Coll. D. Mitlyansky, Moscow*
 - 41 Beast, a toy
Fumed and polished white slipware
Lak work from the village of Balkhar
Coll. D. Mitlyansky, Moscow*
- Decorative metalwork**
- 1 Bronze cult figurine
Casting
Late 1000 B. C.
Museum of History, Moscow*
 - 2 Bronze cult figurine
Casting
Late 1000 B. C.
Museum of History, Moscow*
 - 3 Bronze belt buckle
Casting
2000-1000 B. C.
Museum of History, Moscow*
 - 4 Bronze belt buckle
Casting
2000-1000 B. C.
Museum of History, Moscow*
 - 5 Bronze ritual cauldron
Casting
Darghin work from the village of
Kubachi. 16th century
Hermitage, Leningrad
 - 6 Bronze lamp
Casting
Darghin work from the village of
Kubachi. 18th century
Daghestan Museum of Fine Arts,
Makhachkala*
 - 7 Bronze lamp with engraved design
Casting
Darghin work from the village of
Kubachi. 19th century
Daghestan Museum of Fine Arts,
Makhachkala*
 - 8 Copper tray
Chasing, tinning
Darghin work from the village of
Kubachi. 18th century
Coll. S. Khanukayev
 - 9 Tin water-carrier
Chasing, riveting
Darghin work from the village of
Kubachi. 19th century
Museum of Folk Art, Moscow
 - 10 Tin storage pail
Chasing, riveting
Darghin work from the village of
Kubachi. 19th century
Museum of Folk Art, Moscow
 - 11 Tin *kumeh* water-carrier
Chasing, riveting
Darghin work from the village of
Kubachi. 19th century
 - 12 Copper *chechen* water-carrier
Tinning, chasing, engraving
Avar work from the village of
Ichichali. 1958
Museum of Folk Art, Moscow
 - 13 Copper *eret* water-carrier
Tinning, chasing, engraving
Avar work from the village of Gotsatl.
1958
Museum of Folk Art, Moscow
 - 14 Copper *eret* water-carrier
Tinning, chasing, engraving
Avar work from the village of Gotsatl.
Museum of Folk Art, Moscow
 - 15 Copper ewer
Tinning, chasing, engraving
Avar work from the village of Gotsatl.
1950
Daghestan Museum of Fine Arts,
Makhachkala
 - 16 Silver *kolt* ear-rings
Filigree, granulation
Avar work. 19th century
Coll. S. Khanukayev
 - 17 Silver ear-ring with pendants
decorated with corals
Niello, filigree, granulation
Darghin work from the village of
Kubachi. 19th century*
 - 18 Silver bracelet decorated with corne-
lians, topazes, corals and turquoise
Filigree, granulation
Darghin work from the village of
Kubachi. 18th century
Daghestan Museum of Fine Arts,
Makhachkala*
 - 19 Silver breast ornament decorated with
mother-of-pearl and turquoise
Niello, filigree
Lezgian work. 19th century
Coll. S. Khanukayev*
 - 20 Silver breast buckle with pendants
Niello, filigree, granulation
Darghin work from the village of
Kubachi. 19th century
Coll. S. Khanukayev*
 - 21 Silver pendant decorated with
cornelians
Filigree, granulation
Avar work. 19th century
Museum of Oriental Arts, Moscow*
 - 22 Wedding-dress with silver ornamenta-
tion made by the Avar masters
Niello, engraving
Lak work from the village of Balkhar.
Late 19th century
Museum of Oriental Arts, Moscow
 - 23 Silver ear-rings with a bird
Niello, filigree, granulation
Avar work from the village of Gotsatl.
19th century
Daghestan Museum of Fine Arts,
Makhachkala*
 - 24 Silver bracelet decorated with topaz
Granulation, hammering
Darghin work from the village of
Kubachi. 19th century
Coll. D. Chirkov, Moscow*
 - 25 Silver bracelet
Niello, hammering, engraving
Avar work from the village of Rugudja.
Early 20th century
Coll. D. Chirkov, Moscow*
 - 26 Silver bracelet decorated with topaz
Granulation, hammering
Darghin work from the village of
Kubachi. 19th century
Coll. D. Chirkov, Moscow*
 - 27 Silver bracelet. Niello, engraving,
granulation
Made by B. Ghimbalov
Avar work from the village of Gotsatl.
1966
Museum of Folk Art, Moscow*
 - 28 Silver bracelet decorated with cornelians
Niello, engraving, granulation
Avar work from the village of Rugudja.
19th century
Museum of Oriental Arts, Moscow*
 - 29 Silver belt buckle decorated with
mother-of-pearl and smoke-coloured
quartz, from woman's holiday dress
Niello, engraving, gilding, filigree,
granulation
Made by M. Monayev
Darghin work from the village of
Kubachi. Early 20th century*
Museum of Oriental Arts, Moscow
 - 30 Silver belt buckle decorated with colour
glass, from woman's holiday dress
Niello, filigree, gilding, engraving,
granulation
Darghin work from the village of
Kubachi. Second half, 19th century
Daghestan Museum of Fine Arts,
Makhachkala*
 - 31 Silver belt buckle decorated with tur-
quoise and colour glass, from woman's
holiday dress
Filigree, niello, gilding, granulation
Made by M. Monayev
Darghin work from the village of
Kubachi. Early 20th century
Museum of Oriental Arts, Moscow

- 32 Silver belt buckle decorated with colour glass, from woman's holiday dress
Niello, gilding, filigree, granulation
Made by M. Monayev
Darghin work from the village of Kubachi. Early 20th century
Museum of Oriental Arts, Moscow
- 33 Red morocco belt with a silver buckle decorated with garnets and enamel, from holiday dress
Filigree, gilding, enamelling, granulation, engraving, niello
Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century
Museum of Oriental Arts, Moscow
- 34 Belt decorated with silver and turquoise, from holiday dress
Niello, filigree, gilding
Made by M. Monayev
Darghin work from the village of Kubachi. Early 20th century. Detail*
- 35 Dagger and scabbard. Damask steel blade
Silver, niello, engraving
Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century
Coll. D. Chirkov, Moscow
- 36 Silver dagger handle
Niello, engraving
Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century
Coll. D. Chirkov, Moscow*
- 37 Silver scabbard
Niello, engraving
Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century
Coll. D. Chirkov, Moscow*
- 38 Silver scabbard
Niello, engraving
Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century. Detail
Coll. D. Chirkov, Moscow*
- 39 Dagger in silver scabbard
Niello, engraving
Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century
Coll. D. Chirkov, Moscow
- 40 Dagger's silver handle
Niello, engraving
Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century
Coll. D. Chirkov, Moscow*
- 41 Silver scabbard
Niello, engraving
Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century. Detail
Coll. D. Chirkov, Moscow*
- 42 Silver scabbard
Niello, engraving
Darghin work from the village of Kubachi. Late 19th century. Detail
Coll. D. Chirkov, Moscow*
- 43 Silver pistol
Niello, gold damascening, engraving
Darghin work from the village of Kubachi. Mid-19th century
Museum of History, Moscow
- 44 Silver pistol
Niello, gold damascening, engraving
Darghin work from the village of Kubachi. Mid-19th century
Museum of History, Moscow
- 45 Silver jug for rose-water
Gilding, enamelling, niello, engraving
Made by G.-B. Magomedov
Darghin work from the village of Kubachi. 1950s*
- 46 Silver fruit dish
Niello, gilding, engraving, damascening
Made by A. Myullayev
Darghin work from the village of Kubachi. 1956
Museum of Folk Art, Moscow
- 47 Toilet small plate
Niello, engraving
Made by R. Alikhanov
Darghin work from the village of Kubachi. 1960
Museum of Folk Art, Moscow*
- 48 Silver sugar-basin in the form of a cauldron
Niello, gilding, granulation, deep engraving
Made by A. Akhmedov
Darghin work from the village of Kubachi. 1947*
- 49 Silver sugar-basin in the form of a cauldron
Niello, gilding, deep engraving
Made by A. Akhmedov
Darghin work from the village of Kubachi. 1945
Museum of Folk Art, Moscow*
- 50 Silver pepper-box in the form of a water-carrier
Niello, gilding, engraving, granulation
Made by G. Kishev
Darghin work from the village of Kubachi. 1930s-1940s
Museum of Oriental Arts, Moscow
- 51 Silver scent-bottle decorated with openwork ivory
Niello, gilding, engraving
Made by G. Kishev
Darghin work from the village of Kubachi. 1940
Museum of Folk Art, Moscow
- 52 Silver decorative vase
Niello, engraving
Made by R. Alikhanov
Darghin work from the village of Kubachi. 1960
Museum of Folk Art, Moscow
- 53 Silver scent-bottle
Niello, deep engraving
Made by G.-B. Magomedov
Darghin work from the village of Kubachi. 1960
Museum of Oriental Arts, Moscow
- 54 Silver jug for rose-water
Niello, engraving, granulation
Made by M. Djamalutdinov
Avar work from the village of Gotsatl. 1960
Museum of Folk Art, Moscow*
- 55 Silver drinking horn decorated with horn
Niello, engraving
Made by B. Ghimbatov and M. Batyraliev
Avar work from the village of Gotsatl. 1968
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala
- 56 Silver drinking horn decorated with horn
Niello, engraving
Made by B. Ghimbatov and M. Batyraliev
Avar work from the village of Gotsatl. 1968
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala
- 57 Silver bracelet decorated with *cloisonné* enamel
Made by G.-B. Magomedov
Darghin work from the village of Kubachi. 1960
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*
- 58 Silver powder-box
Applied filigree, gilding, granulation
Made by A. Abdurakhmanov.
Darghin work from the village of Kubachi. 1965
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*
- 59 Silver decorative vase in the form of a jug
Niello, engraving, gilding, granulation
Made by A. Abdurakhmanov.
Darghin work from the village of Kubachi. 1967
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala
- 60 Silver jug
Applied filigree, gilding, granulation
Made by A. Gadjilamamayev
Darghin work from the village of Kubachi. 1965
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*
- 61 Silver wine set: jug, tray, four wine glasses
Niello, deep engraving, oxidizing, chasing
Made by A. Abdurakhmanov
Darghin work from the village of Kubachi. 1968
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala
- 62 Silver jam set
Niello, deep engraving, gilding.
Darghin work from the village of Kubachi. 1963
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala
- 63 Silver decorative vase
Niello, deep engraving and chasing, oxidizing
Made by G.-B. Magomedov
Darghin work from the village of Kubachi. 1969
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*
- 64 Book cover decorated with silver and *cloisonné* enamel for R. Gamzatov's *My Daghéstan*
Made by M. Magomedova
Darghin work from the village of Kubachi. 1969
Belongs to M. Magomedova*
- 65 Silver decorative 'Jubilee' vase
Niello, deep engraving and chasing, oxidizing
Made by R. Alikhanov
Darghin work from the village of Kubachi. 1967
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

Stone and wood Carving

- 1 Stone mortar with a pestle
Champlevé carving
Darghin work from the village of Kubachi. Second half, 19th century
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*
- 2 Stone distaff seat
Champlevé carving
Darghin work from the village of Sutbuk. Late 19th century
Hermitage, Leningrad*
- 3 Lime-wood mortar for garlic Carving.
Avar work. Early 20th century
Coll. B. Markevich and A. Vlasova, Moscow
- 4 Lime-wood mortar for garlic Carving.
Avar work. Early 20th century
Coll. B. Markevich and A. Vlasova, Moscow
- 5 Apricot-wood mortar for garlic Carving
Darghin work from the village of Kische. Late 19th century*
- 6 Lime-wood measure for flour Carving
Darghin work from the village of Kubachi. Dated Khidjra 1354
- 7 Pipe
Apricot-wood, bone, horn. Silver damascening
Avar work from the village of Untsukul. 1920s-1930s

Tapestry. Weaving. Knitting

- 1 Pillow (face)
Satin-stitch embroidery on silk
untwisted warp
Darghin work. 18th century
Museum of Oriental Arts, Moscow
- 2 Pillow (face)
Satin-stitch embroidery on silk
untwisted warp
Darghin work. 19th century
Museum of Oriental Arts, Moscow
- 3 Curtain for a niche
Gold embroidery
Lezgian work. Second half, 19th century
Museum of Oriental Arts, Moscow

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

8 Pipe

Apricot-wood, bone, horn. Silver damascening

Avar work from the village of Untsukul. 1920s-1930s

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

9 Pipe

Apricot-wood, white and painted bone, horn. Silver damascening

Avar work from the village of Untsukul. 1920s-1930s

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

10 Pipe

Apricot-wood, white and painted bone, horn. Silver damascening

Avar work from the village of Untsukul. 1920s-1930s

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

11 Pipe

Apricot-wood, white and painted bone, horn. Silver damascening

Avar work from the village of Untsukul. 1920s-1930s

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

12 Pipe

Apricot-wood, bone, horn. Cupro-nickel damascening

Avar work from the village of Untsukul. 1930s-1940s

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

13 Pipe

Apricot-wood, bone, horn. Cupro-nickel damascening

Avar work from the village of Untsukul. 1930s-1940s

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

13a Pipe

Apricot-wood, bone, horn. Cupro-nickel damascening

Avar work from the village of Untsukul. 1930s-1940s

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

14

Cornel-wood mortar for garlic decorated with painted bone

Cupro-nickel damascening

Avar work from the village of Untsukul. 1968

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

15

Apricot-wood mortar for garlic with a pestle decorated with painted bone

Cupro-nickel damascening

Avar work from the village of Untsukul. 1968

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

16

Apricot-wood decorative vessel in the form of a measure for flour

Inlay, cupro-nickel damascening

Avar work from the village of Untsukul. 1969

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

17

Apricot-wood salt-cellar with bone inlay

Cupro-nickel damascening

Avar work from the village of Untsukul. 1969

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

18

Apricot-wood decorative dish with horn inlay

Cupro-nickel damascening

Avar work from the village of Untsukul. 1969

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala

19

Bird, apricot-wood decorative panel ornamented with horn and cupro-nickel damascening

Made by M. Kazimagomedov. Avar work from the village of Untsukul. 1968

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala*

20

Animal, apricot-wood decorative panel ornamented with bone and cupro-nickel damascening

Made by M. Kazimagomedov

Avar work from the village of Untsukul. 1969

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala

21

Animal, apricot-wood decorative panel ornamented with bone and cupro-nickel damascening

Made by M. Kazimagomedov

Avar work from the village of Untsukul. 1969

Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala

- 4 Knap-sack
Wool, hemp. Mixed technique
Tabasaran work from the village of Djuli. 1940
Museum of Oriental Arts, Moscow
- 5 Saddle cover
Wool, hemp. Mixed technique
Avar work from the village of Kutlab. 1940
Museum of Oriental Arts, Moscow
- 6 Saddle cover
Wool, hemp. Mixed technique
Avar work from the village of Kamelyukh. 1940
Museum of Oriental Arts, Moscow
- 7 Shoes
Satin-stitch embroidery in gold thread on silk
Lak work from the village of Balkhar. 1930
Museum of Folk Art, Moscow
- 8 Shoes
Ornamental knitting, embroidery
Avar work. 1950
Museum of Folk Art, Moscow
- 9 Woolen stockings
Ornamental knitting. Avar work. 1967
Coll. D. Chirkov, Moscow
- 10 Shoes
Ornamental knitting, embroidery on wool
Avar work. 1954
Museum of Folk Art, Moscow
- 11 Mural tapestry
Wool weaving
Made by Kh. Shammadayeva
Lak work from the village of Balkhar. 1960
Museum of Oriental Arts, Moscow
- 12 Rug
Wool, cut-through and sewed-in felt
Avar work. 1940-1950
Museum of Oriental Arts, Moscow
- 13 Rug
Wool, cut-through and sewed-in felt
Avar work. 1940-1950. Detail
- 14 Mat
Weaving of woollen and sedge fibres
Avar work from the village of Urma. 1940
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala
- 15 Mat
Weaving of woollen and sedge fibres
Avar work from the village of Urma. 1940
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala
- 16 Mat
Weaving of woollen and sedge fibres
Avar work from the village of Urma. 1940
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala
- 17 Mat
Weaving of woollen and sedge fibres
Avar work from the village of Urma. 1940
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala
- 18 Mat
Weaving of woollen and sedge fibres
Avar work from the village of Urma. 1940. Detail
- 19 Carpet
Wool weaving
Avar work. 1960
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala
- 20 Carpet
Wool weaving
Avar work. 1960. Detail
- 21 Napless carpet
Smooth wool weaving
Lezgian work. 19th century
Museum of Folk Art, Moscow
- 22 Napless carpet
Smooth wool weaving
Lezgian work. 19th century. Detail
- 23 Napless *sumakh* carpet
Smooth wool weaving
Tabasaran work. 1960
Daghestan Museum of Fine Arts, Makhachkala
- 24 Napped carpet
Wool weaving
Lezgian work. 19th century
Hermitage, Leningrad
- 25 Napped carpet
Wool weaving
Lezgian work. 19th century
Hermitage, Leningrad
- 26 Napped carpet
Wool weaving
Lezgian work. 19th century. Detail
- 27 Napped carpet
Wool weaving
Lezgian work. 19th century
- 28 *Safar-chechneh* napped carpet
Wool weaving
Lezgian work. 19th century
Museum of Oriental Arts, Moscow
- 29 *Safar-chechneh* napped carpet
Wool weaving
Lezgian work. 19th century. Detail
- 30 *Djigiti's Dance* napped carpet
Wool weaving
Lezgian work. First half, 19th century
Museum of Folk Art, Moscow
- 31 *Djigiti's Dance* napped carpet
Wool weaving
Lezgian work. First half 19th century
Detail
- 32 *Djakul* napped carpet
Wool weaving. 1870-1890
Made by Tatima
- 33 *Djakul* napped carpet
Wool weaving. 1870-1890. Detail

* The entries so marked stand for pieces presented in a more than their life-size dimension

Оглавление

5	Расул Гамзатов. Введение
17	Керамика
78	Изделия из металла
166	Резной камень и дерево
200	Ковроделие. Ткачество. Вязание
270	Принятые сокращения
271	Список иллюстраций

Sommaire

5	Rassoul Gamzatov. Avant-propos.
17	Céramique
78	Métaux
166	Pierre et Bois taillés
200	Tapiserie. Tissage. Tricotage
270	Abréviations
271	Liste des planches

Contents

5	Introduction by Rasul Gamzatov
17	Ceramics
78	Decorative Metalwork
166	Stone and Wood Carving
200	Tapestry. Weaving. Knitting
271	List of Plates

**Декоративное
искусство
Дагестана**

Советский
художник
Москва
1971

7 С
Ч-64

8-1-1
72-41

Автор-составитель
Д. Чирков
Редактор
В. Тиханова
Художник
М. Аникст
Художественный редактор
К. Остольский
Французский перевод
С. Муравьева
Английский перевод
А. Розенцвейга
Натурные фото
Д. Чиркова
Фотограф
В. Почаев
Технический редактор
В. Горина
Корректоры
З. Белолуцкая и
И. Шорсткина

ПОДПИСАНО К ПЕЧАТИ 22/VI 1970 г.
ФОРМАТ БУМАГИ 70×90/8
ПЕЧ. Л. 35
УСЛ. ПЕЧ. Л. 40,6
УЧ.-ИЗД. Л. 42,363
ЗАК. ТИП. 11023
ТИРАЖ 25.000
ИЗД. № 1-15
ЦЕНА 10 р. 88 к.
ПЕЧАТЬ: Ц. Г. РЭДЕР, ЛЕЙПЦИГ

10p. 88к.